

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

6

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ  СВЕТА
1989





ISSN 0130-6634

ИСКАТЕЛЬ 6

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ



ВОКРУГ  **СВЕТА**
1989

В ВЫПУСКЕ:

Любовь Лукина
Евгений Лукин

2

МИССИОНЕРЫ
Повесть

Николай Полунин

52

ЭТО БЫЛ...
Рассказ

Дик Френсис

62

ЗАКУЛИСНАЯ ИГРА
Повесть

ОСНОВАН В 1961 ГОДУ

№ 174

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу.

Любовь ЛУКИНА

Евгений ЛУКИН

МИССИОНЕРЫ

ПОВЕСТЬ



Художник Борис ИОНАЙТИС

КАРАВЕЛЛА «СВЯТАЯ ДЕВА». СОРОК СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ПЛАВАНИЯ

В страхе и смятении начинаю я эту страницу, ибо корабль, встреченный нами сегодня, воистину был посланцем дьявола.

Ужасный шторм отделил от эскадры нашу каравеллу и, отнеся ее далеко к югу, стих. Мы плыли по необычно спокойному бескрайнему морю, не видя нигде ни островка, ни паруса, когда марсовый прокричал вдруг, что нас преследует какой-то корабль.

С прискорбием вспоминаю, что из уст капитана, человека достойного и набожного, вырвалось богохульство — он решил, что марсовый пьян.

Подойдя к борту, в недоумении озираю я пустынную водную равнину, но затем пелена спала с глаз моих, и я невольно упомянул имя Господне. Не парусник — скорее призрак парусника скользил в пушечном выстреле от нас.

Сначала я заметил лишь общие его очертания, и мне показалось на миг, что он прозрачен, что сквозь него смутно просвечивают шевелящиеся морские волны. Зрение обмануло меня — это шевелились пятнистые паруса: зеленоватые, серые, голубые. Сколь непохожи были они на белые ветрила каравелл, украшающие подобно облакам небесным синее лоно вод!

Невиданное судно не уступало по величине нашему кораблю, но борта его были низки, и обводами оно напоминало остроносые лодки не знающих Бога островитян.

В тревоге капитан приказал зарядить бомбарды правого борта, я же вознес Господу молитву о спасении, ибо что доброго могут послать мне навстречу эти неведомые воды, эти обширные владения дьявола!

И молитва моя была услышана: вскоре я понял, что не зря шевелились призрачные паруса, — не решаясь приблизиться к нам, язычники готовились к повороту.

Но как передам, что произошло дальше! Меня высмеет любой, хоть однажды ступавший на зыбкую палубу корабля.

Я видел это собственными глазами: судно, морское судно поплыло назад, не разворачиваясь! Его заостренная корма и нос как бы поменялись местами. Моряки часто грешат небылицами, но слуге Божьему лгать не пристало: двуглавое, как и подобает посланцу дьявола, оно удалялось от нас, сливаясь с породившим его океаном.

Лишь тогда различил я, что это не одно, а два судна, непостижимо и противоестественно скрепленных между собой. И мачты их не устремлялись ввысь, но, наклоненные навстречу друг другу, перекрещивались верхушками над общей палубой. В подозрную трубу мне удалось различить в невидимой отсюда паутине такелажа крохотные фигурки нагих темнокожих матросов. Дикари? Бесы? Да, но на их пятнистой палубе грозно блес-

¹ Ад вымощен благими намерениями. Сэмюэл Джонсон.

тел металл, и мне почудилось даже, что я вижу обращенные в нашу сторону странные многоствольные орудия.

Несмотря на протесты испуганных офицеров и глухой ропот команды, наш капитан приказал выстрелить из пушки вслед уходящему судну. Ядро пролетело едва половину расстояния между кораблями и запрыгало по воде.

Никому не дано безнаказанно искушать судьбу, и морская даль отозвалась приглушенным грохотом, подобным реву разбуженного чудовища. Из-за почти уже неразличимого корабля-призрака встал и протянулся к небу тонкий столб черного дыма. Протяжный воющий свист, который мы слышали затем, привел нас в трепет. Но тщетно всматривались мы в небо, ища источник звука.

Господи, спаси нас и защити! Ибо по воле твоей и во имя твое вторглись мы в эти пустынные воды. Уже четыре больших и восемь малых островов узрели свет истинной веры. Дай же довести до конца начатое нами дело, полное подвигов и лишений!

Так я молился, стоя на палубе и слушая затихающий вдаль протяжный вой. Робость охватывает меня при мысли о том, какие еще порождения бездны явятся нам. Ибо не зря начертано на карте, развернутой в каюте капитана: «Здесь есть драконы...»

ЛЕГКИЙ АВИАНОСЕЦ «ТАХИ ТИАНГА». ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ГОД ВЫСАДКИ. ДЕНЬ ДВЕСТИ ПЯТЫЙ

Разведчик не дотянул до катамарана каких-нибудь пятьсот метров. Еще мгновение назад он летел, ковылял на небольшой высоте, оставляя за собой неровную дымную полосу, затем блеснула — как померещилась! — синяя на синем вспышка, брызнули, закувыркались черные обломки, и невидимая сила медленно разорвала ракетоплан надвое.

Взорвался спиртобак — больше там взрываться было нечему.

Раз, и... Запоздалый звук тупо толкнул перепонки. Что-то прошелестело над головами и с легким треском ударило в корпус. Сехей не выдержал и отвернулся. «Все, Хромой...» — бес- сильно подумал он, и в этот миг темные татуированные лица воинов исказились злобной радостью. Яростный вопль в сорок глоток!

Оказывается, не все еще было кончено. Из разваливающейся машины выпала черная человеческая фигурка. Летит сгруппировавшись — значит, жив. А впрочем... Жив! Фигурка раскинула руки, и над ней с неслышным отсюда хлопком раскрылось треугольное «крыло». Источник, кто же это? Анги или Хромой?

— Быстрой! — сквозь зубы приказал Сехей.

Ити, не оборачиваясь, пронзительно выкрикнула слова команды, и стратег покосился на нее в раздражении. «Турбину запусти», — чуть было не прошептал он, но вовремя сдержался. Конечно, Ити видней. Командир катамарана — она.

«Тахи тIANга» («Стальная пальма»), косо раскинув пятнистые паруса, шел вподветра, глотая одну за другой гладкие — в

обрывках скользкой радужной пленки — волны. Под острым штепнем малого — наветренного — корпуса шипела серая пена.

Часть хвостового оперения, подброшенная взрывом, все еще кувыркалась в воздухе. Лишь бы какой-нибудь обломок не зацепил пилота! Ему и так приходилось трудно — явно поврежденное, «крыло» заваливалось вправо, дымил и наконец вспыхнуло. В то же мгновение пилот разжал руки и камнем полетел с десятиметровой высоты в воду. Хромой! Это мог быть только Хромой.

С наветренной стороны в десятке метров от катамарана пологую волну резал высокий кривой плавник. Плохо... Белая акула-людоед. В водах, прилегающих к Сожженным островам, их видимо-невидимо. Кажется, только они и могут здесь обитать — остальная рыба плывет брюхом кверху. Вон еще один плавник, и довольно близко к Хромому...

Ити скомандовала, опять-таки не оборачиваясь. Она вообще никогда не оборачивалась командуя. «У Ити-Тараи третий глаз меж лопаток — спиной видит...»

Высокая светлокожая девчушка-снайпер неспешной грациозной походкой перешла на палубу малого корпуса, на ходу подготавлив оружие к стрельбе. Опустив раструб ракетомета на плечо, привычно оглянулась, нет ли кого сзади...

Хромой, как всегда, вел себя очень спокойно. Левой рукой он держался за обломок посадочного поплавка, в правой у него был нож. За борт полетел узловатый канат, и Хромого одним рывком выхватили из подернутой пленкой воды. В последний момент он поджал ноги, и тут же из-под днища малого корпуса вывернулась брюхом вверх белая акула. Высокая светлокожая девчушка без выстрела проводила чудовище движением ствола.

Опытная, видать, девчушка. Чуть пониже ключицы — шрам, татуировка на груди перекрыта шнурком с шестью человеческими клыками. Хотя имеется на то давнее и категорическое распоряжение Старого: никаких ожерелий, никаких зубов на веревочках...

Шевельнув четыремя огромными плавниками, «Тахи тианга» слегка изменил положение, снова зачерпнули ветер пятнистые паруса, и боевая машина двинулась, не разворачиваясь, в обратный путь — за перевалившим зенит солнцем.

Хромой, сгорбившись, сидел на покрытой циновками палубе, и над его обожженным плечом уже колдовала Ити — намазывала жирной желтоватой мазью. При этом губы не шевелились — будто и впрямь колдовала.

— Докладывай, — сказал Сехей.

Братья были совершенно не похожи друг на друга. Сехей — повыше, поуже в плечах, а кожа такая светлая, что среди молодых воинов который год упорно держался слух: дескать, быть Сехей со временем одним из Старых. Слух — глупый, как и положено слуху: Старые не татуируются — можно, казалось бы, сообразить... Хромой — тот темный, широкий в кости, одно плечо ниже другого, но это у него не врожденное, как и хромота, — он искалечился еще при штурме Тара-Амингу.

А вот выражение лица у братьев похожее — безразлично-усталое, что у того, что у другого.

— Вышли на цель со стороны Трех Атоллов, — монотонно

заговорил Хромой, не поднимая головы. — Сразу же были обстреляны. После второго попадания Анги доложил, что ранен, и больше не отзывался. Прошли над заливом по солнцу. Третий флот вечерних...

Сехей слушал глуховатый невыразительный голос брата и понимал, что разведка, как и предполагалось, ничего не дала.

Третий флот вечерних по-прежнему закорен у Гнилых рифов. Сорок семь боевых единиц. Из них одиннадцать — последнего поколения. Ракетопланы — на катапультах, зачехлены. Количество катамаранов охраны... Наибольшая плотность огня...

Завтра утром Сехей повторит разведку. Он будет повторять ее изо дня в день, даже если каждый раз ему придется терять при этом пилота и гидроплан. Как сегодня.

Ожог был смазаны, и Хромой тяжело поднялся с палубы.

— Перехватчиков они вдогонку не послали, — закончил он. — Верно, думали, что лететь нам осталось метров сто... Да я и сам так думал...

И вдруг Хромой улыбнулся. Редкое зрелище — улыбающийся Хромой.

— Передай ему набор, Тараи, — устало сказал стратег.

Ровесники у братьев не было. Или почти не было. Их поколение сгорело девять лет назад в этих самых водах. Тогда это была армада, теперь от нее осталось десять катамаранов... Нет, девять. После вчерашнего инцидента в проливе — уже девять.

Ити одной рукой отвязала от пояса кожаный чехольчик с набором и подала Хромому. Тот отошел в сторонку и, не обращая внимания на завистливые взгляды подростков из огневого расчета, принялся сосредоточенно вставлять иглы в гнезда маленькой квадратной дощечки.

Море меняло ритм. Все отчетливее становились короткие злые удары справа. Это били в обшивку большого — подветренно-го — корпуса волны, отраженные южным побережьем Тара-Амингу. Катамаран забирал все круче к ветру. Стратега обдало густой сивушной вонью с кормы, ставшей теперь носом. Понятно... Вот почему Ити не рискнула запустить турбину. Обломок ракетоплана на излете повредил спиртопровод.

— Проверь, — попросил Хромой, протягивая набор.

Сехей взял дощечку и прочел рисунок. Все вроде правильно. Хотя...

— Опять степень риска занизил?

— Ну не завысил же, — невозмутимо отозвался Хромой.

Сехей переставил четыре иглы и вернул набор.

— Смотори, ожог не зататуируй...

Хромой ухмыльнулся и пошел, привлекая ногу. Волны били в подветренный борт с нарастающей силой. Сехей не глядя мог бы сказать, что справа, в провалах между водяными хребтами, уже маячит, чернея, Тара-Амингу, а прямо по курсу в полуденное небо встает бледное, еле уловимое мерцание, отраженное от многочисленных лагун Аату-2 — Детского острова утренних, сзади, за правым плечом распласталось плотное неподвижное облако... Там, за линией горизонта, ошетинясь фортами и ракетными точками, залег скалистый Тиуру — форпост вечерних, откуда чудом сегодня вернулся Хромой...

Палуба вокруг стратега опустела. Сехен стоял, склонив голову, татуированное лицо его было мрачно. «О чем думает стратег — ведомо только Старым. О чем думает Старый — неведомо никому...»

— Вот это их жгли!.. — услышал он замирающий то ли от ужаса, то ли от восторга детский голос.

Опершись на станину своего гелиографа, подросток-связист замороженно смотрел на вырастающий справа самый южный из Сожженных островов.

Тара-Амингу был страшен.

На хребте его дымилась щетина стволов, оставшихся от сгоревшей когда-то пальмовой рощи. Там, кажется, шла перестрелка. Все правильно — для Сожженных перемирия нет. Со стороны пролива стлался черный тяжелый дым. У развалин старого пирса море горело. Не иначе кто-то кого-то потопил, причем совсем недавно. То ли вечерний утреннего, то ли утренний вечернего...

— Эй!.. — окликнул тихонько связист высокую светлокожую девушку. — Гляди-ка... Кто там воет?

— Прежние, — таинственно понизив голос, отозвалась она.

— Я серьезно! — обиделся подросток.

— Не веришь? Тут, когда десант высаживали, целый флот вечерних сожгли! И наших тоже положили... Вот они теперь и воют друг с другом...

— И долго они так будут?

— А до самого Пришествия. Пока не прозвучит Настоящее Имя Врага...

Сехен усмехнулся и перестал слушать. Легенды, легенды... Кто их, интересно, придумывает? Такое впечатление, что они возникают сами собой. Кроме одной, разумеется. Кроме Пророчества Старых о Великом Враге. Уж его-то авторы известны хорошо. Даже слишком... «Прозвучит Настоящее Имя Врага, и не будет отныне ни утренних, ни вечерних...» Неужели Старые так до сих пор и не поняли, что никакого Великого Врага в этом мире нет! Наш Великий Враг — это мы сами...

К мерным злобным толчкам в подветренный борт прибавились частые хлесткие шлепки — значит, показался Ана-Тарау — полоса черного пепла на горизонте. Малейшее подрагивание палубы под босыми ногами было понятно стратегу. И не только это. Он почти физически ощущал приближение войны, после которой и впрямь не будет ни утренних, ни вечерних. Количество стычек в нейтральных водах возрастало с каждым днем, и каждая из них грозила обернуться этой последней войной...

Вчера, например, в проливе между Сожженными островами сошлись в поединке трехкорпусный ракетносец утренних и каноз береговой охраны вечерних. Исковерканный до неопознаваемости ракетносец сел на рифы против западной оконечности Тара-Амингу, после чего был добит ракетным залпом с острова, причем из ущелья, где вечерних (по данным разведки) быть никак не могло, а утренние (по данным штаба) не высаживались. То есть был добит неизвестно кем. Такое случилось.

Что же касается каноз береговой охраны, то оно, потеряв мачту, и с заклиненной турбиной было подхвачено вырывающимся из пролива течением и, каким-то образом проскочив

минное заграждение, оказалось вдруг совсем рядом с Детским островом утренних. Оставалось последнее средство, и на каноэ к нему прибегли — взорвали кормовую турбину. Бледное спиртовое пламя метнулось расширяющимся кольцом от корабля и погасло. Правый корпус остался на плаву.

Но когда уже казалось, что он неминуемо должен войти в запретные для всех воды, из-за черного хребта Тара-Амингу на большой скорости вывернулся ракетоплан вечерних. Судя по всему, вел его пилот высокого класса. Издали, не побоявшись стрелять в сторону Детского острова, он единственной ракетой сжег остатки каноэ вместе с трупами и, заложив крутой вираж, ушел с набором высоты к Ледяному Клыку.

Да-да, архипелаг висит на последнем волокне веревки, и вчера это волокно чуть было не оборвалось...

Сехей поднял голову, и взгляд его задержался на Ити. Радостно оскалась, она стояла под скрещением тяжелых мачт — коренастая, малорослая, изукрашенная татуировкой от лодыжек до огромной пружинистой шапки мелкокурчавых волос. Как и у всех южных хеури, нос у нее будто проломлен. В разрез под нижней губой вправлен акулий зуб.

И показалось вдруг, что стратег сейчас улыбнется.

Ити. Ити, прозванная Таран. Она сделала этот надрез и вставила в него акулий зуб десятилетней девочкой, нарушив тем самым четыре табу родного и тогда еще дикого острова.

Говорят, миссионеры до сих пор с содроганием вспоминают этот акулий зуб. Хеури, которым прежде было как-то все равно, где пропадают и чем занимаются дети, выпотрошили Птицу Войны и осадили миссию, возглавляемую не кем-нибудь, а самим Сехей, временно отстраненным от командования флотом за излишнюю инициативность. Чудом успев переправить Ити на Аату-2, он затем подкупил вождя и поклонился перед племенем, что девочка, украсившая себя подобно воину и преступившая таким образом четыре табу, была за это вчера четырежды убита.

Хеури содрогнулись. Один лишь колдун огромный, черный — дерзнул приблизиться к Сехей и робко попросил предъявить в доказательство отрезанную голову или хотя бы левую руку Ити. Сехей посмотрел на колдуна как на слабоумного и язвительно спросил, что может остаться от человека, если человек был вчера четырежды убит. Колдун опешил и задумался. Не исключено, что он ломает над этим голову до сих пор...

Хорошие были времена!..

Глубокая синева за бортом сменилась светлыми зеленоватыми тонами. Черные щетинистые громады Ана-Тарау и Тара-Амингу отступили за горизонт, и теперь справа плыл Аату-2, Детский остров утренних.

Сколько бы раз ни оказывался в этих водах Сехей, он неизменно бывал поражен: в двух десятках миль отсюда догорали заросли, и в безлюдных скалистых бухточках кто-то терпеливо подстерегал противника, готовый в любой момент плеснуть по воде красным коптящим языком пламени, и вдруг на краю этого ада — безмятежный зеленый островок, невредимый, запретный...

Над близкой цепочкой атоллов парил дельтаплан — непривычно белый. Беззащитно белый. Какой-нибудь мальчишка с острова совершал свой первый дальний (аж до самых атоллов!) полет.

Боевые машины — в серо-зеленых пятнах, у них светло-голубое брюхо, они сливаются с небом, с морем, с зеленью. Поднять в воздух белый летательный аппарат — самоубийство. Везде, но только не здесь. Со дня основания Детских островов над ними не прогремело ни выстрела, ни разу в их воды не входили военные корабли — ни свои, ни чужие...

На подростков из огневого расчета было забавно смотреть — такие они вдруг стали все неприступно гордые: снисходительно поглядывали на дельтаплан, на зеленеющую цепочку атоллов, на далекую полосу пляжа, где наверняка кто-нибудь из старших ребят, собрав вокруг себя нетатуированных малышей, важно говорил, указывая на горизонт:

— А ну-ка определи!

И карапуз, подавшись к еле различимому за атоллами призраку судна, рапортовал потешным голосом:

— Поколение Ската! Легкий авианосец! Идет из нейтральных вод! Оснащен: четыре девятиствольные установки! Три ракетоплана! Две кормовые турбины экстренного хода!..

— Две?! — И мальчуган постарше тоже впивался глазами в горизонт. — Точно, две... Тогда это «Тахи тianга». — Важность его пропадала бесследно, и он добавлял, чуть не плача: — Я же их помню всех из этой группы! У них еще воспитателем была Ити-Тараи!.. К Сожженным ходили, воюют уже... А мне еще тут с вами... чуть не до Пришествия!..

Ах, как было бы славно пройти мимо Аату с обугленными мачтами, сбивая пламя с кормовых турбин, отстреливаясь из всех тридцати шести стволов от наседающих машин вечерних!.. Вот ведь как бывает: шли в нейтральных водах по самым опасным местам — и хоть бы один выстрел!.. Правда, Анги сгорел в гидроплане, но то Анги, а на самом-то судне — ни царпины, и турбину пробил своим же осколком! Добавишь к татуировке уныло-правильный завиток — вот и все заслуги...

Один из подростков, видимо, для поднятия боевого духа мурлыкал вполголоса «Стрелковый ракетомет»:

...вставь обойму,
услышь щелчок,
отведи затвор,
нажми курок —
убей вечернего!..

— А вечерние пьют: «Убей утреннего», — явно желая поддразнить, обронил кто-то из абордажной команды.

Песенка оборвалась. Подросток уставился на говорящего, потом — испуганно — на Ити-Тараи.

— Прямая передача с базы! — звонко доложил связист.

— Прими, — буркнул Сехеи и, в последний раз взглянув на дельтаплан, перешел на палубу малого корпуса. Что-то не нравилось ему небо на севере. Похоже, приближался шторм...

Напряженно всматриваясь в слабые вспышки далекого гелиографа, связист вывязывал узлы. Сехеи, прищурясь, встал рядом.

База передавала обычным кодом. Что-то там случилось... Источник! Этого еще не хватало...

— Дай-ка, — хмурясь, сказал Сехей и взял из рук связиста шнур. Так... Узлы лаконично сообщали, что за время отсутствия стратега его Правая рука отстранил от командования его Левую руку. О чем и докладывал — сухо, не вдаваясь в подробности и не называя причин.

Сехей медленно скомкал и сжал шнур в кулаке.

— Передай! Приказываю: до моего возвращения...

Договорить ему не дали.

— Цель! — раздался отчаянно-веселый крик со скрещения л-образной мачты.

Сехей вскинул голову. Воины в считанные секунды разобрались по номерам. Циновки с палубы были сорваны, и она предстала в боевой наготе — вся в лишаих от концентрированного соляного раствора. Грозно развернулись ракетные установки.

— Четверть вправо от курса! — продолжал выкрикивать наблюдатель. — Идет на нас без отклонений!..

Когда Сехей добрался до огневой площадки, там уже стоял Хромой. На боку его чуть ниже ребер и совсем рядом с ожогом красовалась свежая, еще кровоточащая татуировка — знак отличия за сегодняшнюю разведку.

— Где? — быстро спросил Сехей. Хромой молча показал.

Одиночный гидроплан. Догоняет со стороны Тиуру. Непонятно... Почему он один?

— Второй — к старту! — До чего все-таки пронзительный голос у Ити-Тарай! Звон в ушах после ее команд!

За спиной страшно взвыли сдавленными голосами. Правая «стрела» очертила широкий полукруг и вынесла машину за борт. Поплавки гидроплана коснулись воды, и замок разжался. Затем — гулкий всплеск, и волны вокруг аппарата волшебным образом сгладились, забили маслом...

— Третий — к старту!

Теперь полукруг очертила левая «стрела». Сзади раздался протяжный грохот. Это стартовала «двойка». Гидроплан оторвался от воды и, волоча за собой толстый черный хвост дыма, круто полез ввысь. Затем дымная полоса оборвалась, отгоревший пороховой ускоритель отделился от машины и, кувыркаясь, полетел вниз. Грохот сменился ровным свистом. Относимое течением маслянистое пятно занялось и горело теперь красным коптящим пламенем.

Следом стартовала «тройка», и оба перехватчика ушли навстречу цели.

— Ну, посмотрим-посмотрим, как он будет выкручиваться, — оживившись, заметил Хромой.

— Не нравится мне, что он один, — сказал Сехей. — Может, ответная разведка?

Хромой всмотрелся и неопределенно повел темным лоснящимся от мази плечом.

Цель вела себя странно. Она позволила нападающим занять выгодное для атаки положение и продолжала полет, не меняя ни скорости, ни высоты. Перехватчики зависли над ней без выстрела.

То ли глаза устали, то ли в самом деле позади чужой маши-

ны просматривалось какое-то едва уловимое мельканье... Вот оно что! За ракетопланом полоскался длинный белый выпел. Парламентер. Лицо у Сехеи мгновенно стало сонным. Слово «парламентер» вышло из употребления девять лет назад. Точнее сказать, сам Сехеи вывел его из употребления. И вот теперь, точно забыв, который нынче год, вечерние снова цепляют белое полотнище к гидроплану... Кажется, игра становится интересной. Ладно, начнем переворачивать ракушки — посмотрим, под какой из них спрятан камушек...

— Акуля пасты! — изумленно выдохнул Хромой. — Да ведь это «рутианги»!

Сехеи мог слышаться. Хромой мог оговориться. Наконец его просто могло подвести зрение... Да нет же, нет! Хромой никогда не ошибается! Перехватчики вели к катамарану именно «рутианги» — засекреченную «стальную чайку» вечерних.

Девять лет назад из добровольцев в парламентеры принято было выбирать наиболее мужественных и наименее талантливых пилотов. И посылать их было принято на тихоходных устаревших машинах... Но отдать противнику истребитель завтрашнего дня! Да еще накануне войны!..

— Доложи-ка еще раз, — попросил Сехеи. — Все. И как можно подробнее.

Он понимал, что смертельно обижает Хромого — доклады разведчиков такого класса не нуждаются ни в дополнениях, ни в поправках. Хромой лишь коротко взглянул на брата и тут же отвернулся, снова прищурясь на приближающуюся тройку ракетопланов.

— Вышли на цель со стороны Трех Атоллов, — завел он еще монотоннее, чем раньше. Сехеи жадно вслушивался в каждое слово.

Так... так... Сразу же были обстреляны... Не то! Второе попадание, Ангил... Третий флот вечерних, Гнилые рифы... Количество единиц... Источник, все не то!..

Нет, это безнадежно. Хромой — лучший разведчик флота. Если бы в обороне противника была брешь, он бы заметил... И все же Хромой пропустил что-то очень важное. Настолько важное, что вечерним пришлось послать вдогонку «стальную чайку»...

Впрочем, есть еще одна версия, но она слишком хороша, чтобы принимать ее всерьез. Версия следующая: никакой это не парламентер — просто личной разведке Старого удалось наконец угнать из-под носа вечерних засекреченный истребитель, прицепив к нему для отвода глаз белый лоскут.

Вестнику указали направление посадки, «рутианги» пошел на снижение. Красивая машина. Красивая и странная. По центру тонкой, как лезвие, несущей плоскости хищно выдается вперед горбатый клюв кабины. Два коротких фюзеляжа с высокими киллями соединены поверху еще одной плоскостью. Поплавков нет вообще. Как же он будет садиться?

Оба корпуса «рутианги» разъезжались вдоль, и нижние их половины медленно отвалились, превратясь в поплавки. Неплохо...

Сехеи оглянулся, ища глазами Ити.

— Слушай, Тарай... Свяжись с базой. Пусть поднимут группу прикрытия. Перехватчиков пока поддержи в воздухе... Есть у

меня ощущение, что пока мы тут будем с ним разбираться, нас попробуют достать с Тиуру...

— Машину на борт не принимать?

— Разумеется!

Могла бы и не спрашивать. Отлично ведь знает, что впервые трюк со «взрывчатым парламентаром» применил именно Сехей. Девять лет назад он подсунил вечерним вестника в гидроплане, начиненном боеголовками авиационных ракет. И в тот самый миг, когда машину подняли «стрелой» на палубу флагмана, смертник-парламентар ударил по взрывателю...

Обезглавив таким образом первый флот вечерних и затем почти полностью его уничтожив, восемнадцатилетний Сехей тамахи высадил крупный десант и закрепился на южном побережье цветущего острова Тара-Амингу. После чего был срочно отстранен от командования и, чудом избежав отправки «на тростник», возглавил миссию на окраине архипелага.

Сброшенный за борт балансирующий челнок вскинул косой парус и направился к чужой машине, покачивающейся метрах в пятидесяти от катамарана. Видно было, как колыхнется под водой подобно огромной белой водоросли длинный выппел вестника.

Даже если ракетоплан минирован — тратить на подрыв заурядного легкого авианосца засекреченный истребитель? Нелепость... Во всяком случае, это не «охота за стратегом» — откуда вечерним знать, где в данный момент находится Сехей тамахи!

— Может, «ведут» нас, Хромой? — тихо спросил Сехей. — Почему они не подняли за тобой погоню? Может, им как раз было нужно, чтобы ты долетел?

— Я не летел, — проворчал Хромой. — Я падал. И они это видели.

Наблюдатель, угнездившийся на скрещении мачт «Тахи тианга», через равные промежутки времени весело оповещал о том, что противника нигде не видно. Балансирующий челнок уже шел обратно — с парламентаром. По захваченному гидроплану ползали двое ребят Ити-Тараи. Вот один из них выбрался на крыло и подал условный знак. При первом осмотре ничего похожего на взрывное устройство не обнаружено.

Сехей знал одно: это — война. Теперь уже скоро, очень скоро — может быть, через несколько дней, может быть, даже завтра... Сегодня — вряд ли, помешает надвигающийся с севера шторм. Во всяком случае, изучить и скопировать «рутианги» вечерние им не дадут.

Челнок приблизился. Все примолкли. Тяжелые вздохи волн стали громче, пятнистые паруса шумно полоскались над головами. Парламентар ухватился за один из свисающих с борта канатов — и вот он уже на палубе катамарана — воин из поколения Акулы. Красив невероятно. Редко встретишь такую роскошную ветвисто-сложную татуировку. Она была сравнима разве что с татуировкой Хромого, но у того узор нарушался многочисленными шрамами и ожогами. Вне всякого сомнения, перед стратегом стоял один из лучших пилотов противника.

Воины — те, что поближе — тоже рассматривали исподтишка татуировку пришельца, безошибочно читая все ее спирали и петли.

Вестника звали Аррай, и повоевать он успел хорошо. Разгром

первого флота... четыре сбитых машины... Один авианосец... Источник! Так вот, значит, кто сжег «Мурену»! Да, это был снайперский залп — четырем ракетами в кормовую турбину... Испытывал новую технику... Потом снова фронт... шесть сбитых машин... Потерял истребитель над Тара-Амингу, пойдя на таран...

Сехеи покосился на брата. Хромой в совершенно ребячем восторге изучал бывшие подвиги парламентаря. Ведь это его, Хромого, таранили над уже сожженным Тара-Амингу четыре года назад. Надо же, какая приятная встреча!

— Я послан к Сехеи тамахи, — без выражения сообщил вестник, глядя поверх голов.

— Я слушаю тебя, — сказал Сехеи.

Парламентар, опешив, уставился на татуировку стратега, удостоверяющую, что перед вестником стоит именно тот, к кому он был послан. Нет, вестник явно не ожидал встретить здесь Сехеи. Совпадение...

Высокая светлокочая девчушка ласково улыбалась неподалеку. Палец — на спусковом крючке, так что резких движений парламентару делать не стоит.

— Я слушаю тебя, — повторил Сехеи.

Вестник Аррай нахмурился, помолчал, сосредоточиваясь, и медленно, старательно, слог за слогом выговорил какое-то нелепое, невообразимо громоздкое слово. Бессмысленный, почти произносимый набор звуков.

Хромой даже ухом — его интересовала только татуировка. Подростки из огневого расчета скалились — слово показалось смешным. Ити удивленно оглянулась на Сехеи и вдруг вся подобралась, увидев, как изменилось его лицо.

— Кто тебя послал?

— Ионги.

Ионги... Стратег группы флотов противника, базирующихся на Ледяном Клыкe. Молод, назначен недавно — вот, пожалуй, и все о нем данные...

— Ты знаешь, что означает это слово?

— Нет. Мне было приказано заучить его и передать тебе.

— Ничего не прибавляя?

— Да.

«Срочно связаться со Старым, — подумал Сехеи. — Срочно...»

Только что, несколько биений сердца назад, вестник вечерних Аррай произнес Настоящее Имя Врага, известное лишь Старым да стратегам.

— А ваши Старые знают, с чем тебя сюда послал Ионги?

— Да.

— И тот, и другой?

— Да.

— Лжет, как вестник!.. — вспомнил кто-то в восторге древнюю поговорку, но тут же спохватился и прикусил язык.

В небе пели двигатели гидропланов. Это подошла с базы группа прикрытия. Тиуру молчал. Нигде ни одной машины вечерних. На севере все выше и выше вздымалась облачная мгла — приближался шторм.

Сехеи подозвал связиста.

— На Руонгу передать успеем?

Мальчишка, прищурясь, оглядел рвущиеся ввысь облака.

— Успеем...

Не успели. Где-то на северо-западе, в семидесяти милях отсюда, личный связист Старого развернул рабочую плоскость своей установки под нужным углом, и луч уходящего солнца, отразившись, полетел вдоль Барьерного рифа, чтобы, ударившись в зеркало, укрепленное на безымянной скале, отпрыгнуть к Атоллу связи-8.

— Руонгу передает через атоллы! — Звонкий голос наблюдателя заставил их броситься к борту.

На фоне растущих облачных хребтов вспышки были хорошо различимы. Связист сорвал с пояса тонкий шнурок из кокосового волокна, пальцы его стремительно вывязывали узлы, значения которых он не понимал, — Руонгу передавал личным кодом Старого.

Единственный человек на борту «Тахи тианга», знающий этот код, стоял оцепенев. Машинально принял он из рук связиста шнур и ощупал узлы, подтверждающие, что вспышки были им прочитаны правильно.

«Источник (начало передачи). Старый — Сехеи. Парламентеру вечерних вреда не причиняй. Сразу после шторма плыви ко мне на Руонгу. Тьма (конец передачи)».

Старый ответил раньше, чем Сехеи успел задать вопрос.

— Шнур! — бросил он, не глядя протягивая руку.

«Источник. Сехеи — Старому, — сосредоточенно вывязывал он узел за узлом. — Сообщение принял. Парламентеру вреда не причиню. Сразу после шторма прибуду на Руонгу. Тьма».

— Ити! — позвал он, отдав шнур связисту. — Прими машину на борт. Возвращаемся на базу. Вестника не трогать, ясно?

Он поискал глазами вестника Аррай и нашел его рядом с Хромым под присмотром ласково улыбающейся светлокожей девушки. Вестник Аррай, несколько утратив приличествующее парламентеру ледяное выражение лица, с явным интересом присматривался к татуировке Хромого, с которым, оказывается, не раз сходил в воздушных боях за Тара-Амингу...

Что же он затеял, этот самый Ионги тамахи? Настоящее Имя Врага разглашению не подлежит. За такие вещи отстраняют от командования и отправляют «на тростник»... А откуда мог Старый узнать о парламентере?.. И тот странный запрос четыре дня назад... И Сехеи еще раз оглядел исподлобья посланца вечерних. Совершенно безупречная татуировка! Вот только на левой щеке правильность рисунка слегка нарушена. Что-то, значит, натворил вестник Аррай — давно, еще мальчишкой на Детском острове. Причем что-то весьма серьезное... Тогда почему отсутствует линия вины? Странно... Попал под особый надзор воспитателей, а ни в чем не виноват. У кого же это еще видел Сехеи подобный рисунок на левой щеке?..

Он отвернулся и некоторое время смотрел на темнеющий горизонт, откуда плотной толпой шли навстречу ветру короткие и словно обрубленные спереди волны.

Настоящее Имя Врага... Неужели правда?..

— Европейцы, — с трудом и как бы про себя выговорил он это чудовищное по звучанию слово. — Европейцы...

КАРАВЕЛЛА «СВЯТАЯ ДЕВА». СОРОК ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ПЛАВАНИЯ

Велико милосердие Божие — уже на второй день перед нами ангельски воссияли в морской дали паруса трех остальных каравелл, и я вознес молитву благодарности. Кем бы ни был послан встретившийся нам корабль-призрак — он не осмелится преградить путь королевской эскадре.

Пушечный выстрел огласил пустынные воды, знаменуя воссоединение флотилии. Однако на ликующие возгласы наших матросов флагманский корабль ответил хмурым молчанием. Позже спрошенный мною офицер рассказал с неохотой, что в пути они замечали не однажды некую дурно пахнущую жидкость, разлитую по волнам. Все сочли это зловещим предзнаменованием и прозвали ее «слиюной дьявола». Офицер не скрывал, что более всего на свете он хотел бы повернуть назад. Мужество явно оставило этого человека.

К вечеру Господь ниспослал нам безлюдный остров с глубокой бухтой — дать отдых усталым членам и восстановить сломленную штормом мачту одной из каравелл.

Увы, адмирал невнимательно выслушал наш рассказ о дьявольском судне и исполненными гордыни словами поклялся, что теперь и тысяча дьяволов не заставят его отступить. Он приказал принести дорогой ларец искусной работы и, достав из него некий предмет, принятый мною поначалу за продолговатый отшлифованный прибором камушек, предложил нам осмотреть его.

Камушек был опоясан двумя гладкими кольцами из светлого металла. И хотя металл этот не был золотом, его блеск ласкал глаза и вселял в сердца надежду. Уже четыре больших и девять малых островов узрели свет истинной веры, но ни на одном из них жители не ведали ни о золоте, ни о каком другом металле. Якоря их лодок — из камня, оружие — из твердого дерева, акульих зубов и резной кости, а вместо денег — презренные раковины.

И это тем более странно, что именно здесь, согласно древним картам, должны лежать Золотые острова, где люди, будучи искусны в обработке драгоценных металлов, не знают их подлинной цены, и золото лежит брошенное за порогами хижин.

Призвав на всякий случай имя Божие, я взял в руки странный предмет. Это был продолговатый каменный, а возможно, и глиняный сосуд, столь малый, что я не мог поместить в него даже кончик мизинного пальца. Металлические кольца были врезаны в сосудец с великим тщанием, отсутствие же на них узора выдавало скудость ума, свойственную дикарям.

Несомненно, что сосудцем пользовались не для питья. На внутренних его стенках я обнаружил следы черного, твердого, как камень, пепла. Пораженный мыслью, что в руках у меня, возможно, часть утвари, предназначенной для какого-то сатанинского обряда, я поспешно передал странный предмет алчно ожидавшему своей очереди дворянину, что отплыл с нами на каравелле «Благодать Господня», тщась уйти от возмездия за богопротивную и смертоубийственную дуэль.

Затем адмирал поведал нам, что жители острова, на песча-

ном берегу которого был найден сосудец, при виде его явили страх и уважение. Подвергнутые испытанию, они, не зная угодных Господу языков, все указали на юг. Там, несомненно, там, за линией горизонта, лежали, по мнению адмирала, желанные Золотые острова, губернатором которых его назначил король.

В нашем присутствии он приказал прикрепить сосудец к серебряной цепочке и надел ее на шею, дабы все видели его уверенность в том, что цель близка, и воспряли духом.

Зная вспыльчивый нрав адмирала, я не дерзнул указать ему, что не пристало воину, заслужившему грозное имя Десницы Божьей, носить на груди предмет, бывший, может быть, когда-то кадильницей дьявола, и что за такой поступок он был бы в другое время примерно наказан церковью. Но в море владыка — он. А я? Что я есть? Смиренный слуга Господа, не более...

ИТУ, БАЗА УТРЕННИХ. ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ГОД ВЫСАДКИ. ДЕНЬ ДВЕСТИ ПЯТЫЙ

Очертаниями остров был похож на искалеченного краба. Уродливый каменный краб, выставивший из-под горбатого панциря Высокого мыса атакующую клешню Скалистой бухты. Там, отражаясь в неподвижной, как мутное зеркало, воде, среди радужных пятен сивушных масел замер на якорях в ожидании шторма второй флот утренних. Мерзко пахло бардой и дохлой рыбой. У решеток сточных канав вздымались серые шапки зловонной пены.

Машину парламентаря уже успели переправить на Высокий мыс. Транспортировали зачехленной — из соображений секретности. Из тех же соображений экипаж «Тахи тианга» не был отпущен на берег, и это было тем более обидно, что известие о захвате «стальной чайки» все равно облетело базу в полчаса...

Прекрасно сознавая, что это значит, на верфях без приказа ускорили сборку. Штрафники на тростниковых полях, напротив, замахали ножами помедленнее, многозначительно переглядываясь и надеясь с минуты на минуту услышать команду к общему построению. Наверное, даже кокосовым крабам в уцелевших от вырубки пальмовых рощах было ясно, что в самом скором времени острову гореть.

Ждали событий. Ждали, что, прибыв на Высокий мыс, Сехен тамахи первым делом «вывяжет единицу», то есть объявит чрезвычайное положение, сосредоточив всю власть в своих руках. И пойдут взрываться, треща, в хижине со стенами из двойных циновок слепящие электрические разряды, полетят по острову из зеркала в зеркало серии вспышек — приказ за приказом.

Но время шло, а Высокий мыс молчал. Ни одного распоряжения за весь вечер. А потом начался шторм.

Первый шквал обрушился на побережье с мощью ракетного залпа. Ломая пальмы и свайные постройки, он расшибся о

горбатый панцирь каменного краба и, с воем перемахнув гребень, ворвался в долину. Он оборвал канат подвесной дороги, в бухте — взбил вдоль берега пятиметровые хребты серой пены, черным смерчем крутнулся над рудником и ослабел лишь в теснине, где шелестела распадающейся серой листвой Мертвая роща. Мертвая — после аварии в спиртохранилище.

На юго-восточном склоне было относительно тихо. Сырой ветер, войдя в наполовину раскрытую стену, свободно гулял по хижине.

— Сядь, — сказал Сехей. — Почему он отстранил тебя от командования? Что было поводом?

Предки Таини тамуори жили когда-то на сожженном ныне Ана-Тарау, владели узелковым письмом, вырезали из камня бесполезные узорчатые столбы с человеческими лицами и считали дикарями все прочие племена.

Статная, рослая, темнолицая, Таини прошла через хижину и опустилась рядом на циновку.

— Поводом был один провинившийся, — нехотя сообщила она. — Сегодня утром он заявил при всех, что не собирается выходить на свободу.

— Не понимаю, — Сехей нахмурился.

— Я тоже не совсем понимаю его, — призналась она, помолчав. — Он сказал, что лучше остаться в живых «на тростнике», чем сгореть заживо в нейтральных водах. И еще он сказал, что это не трусость, а доблесть, поскольку он знает, на что идет. Когда мне доложили об этом, я приказала доставить его сюда, на Высокий мыс.

— Зачем?

— Его бы убили, — просто ответила Таини. — Ты же знаешь, что такое «тростник». Если провинившиеся хотя бы заподозрят, что кто-то из них нарочно работает плохо, надеясь удлиннить срок, — этот кто-то немедленно исчезает, а потом его находят на решетках стока... А тут человек сам заявил, что отказывается воевать...

— Я знаю, что такое «тростник», — сквозь зубы проговорил Сехей. — И я спрашивал не об этом. Зачем тебе понадобилось спасать его?

Таини тамуори ответила не сразу. Слышно было, как ветер треплет кроны пальмовых деревьев на гребне Высокого мыса.

— Этого никогда не случалось, тама'и. — Как и все выходцы с Ана-Тарау, Таини выговаривала слова удивительно мягко, заменяя отдельные согласные придыханием. Но теперь казалось, что ей просто не хватает сил произнести слово отчетливо и громко. — Тама'и, «тростник» всегда считался позором и для воина, и для мастера. И если нашелся человек, для которого это не наказание... Я должна была с ним поговорить.

— Поговорила?

— Нет, — с сожалением отозвалась она. — Хеанги перехватил его и отправил обратно. Теперь уже, наверное, этого человека нет в живых...

— И это все? — досадливо морщась, спросил Сехей. Повод и вправду был смехотворный: отстранить от командования Левую руку стратега из-за какого-то штрафника, отбывающего срок «на тростнике».

Тайни медленно повернула к нему темное лицо, надменное, как маски, которые ее предки вырезали на каменных столбах.
— Как ты себе представляешь эту войну, тама'и?

Сехеи промолчал.

— Мы сожжем архипелаг, — очень тихо, почти про себя сказала она. — Мы уничтожим его... Перемирие затянулось. Мы успели накопить слишком много техники, напалма... Нам просто некуда отступать.

— Вечерним тоже, — недовольно напомнил Сехеи.

— Да, — машинально согласилась она. — Вечерним тоже...

Сквозь шум дождя и ветра слышался тяжелый тупой удар. Потом еще один удар. Потом еще. Пять тяжелых тупых ударов, следующих через равные промежутки времени. Арсенал испытывал стволы.

— Бессмыслица, — проговорила она с тоской. — Источник, какая бессмыслица!.. Утренние — на западе, вечерние — на востоке... Во всем, даже в этом...

Трудно поверить, но два года назад эта девчонка, командуя соединением легких авианосцев и получив от Сехеи приказ прервать связь вечерних с их третьим флотом, атаковала координационный центр противника на Ледяном Клыке. Строго говоря, приказ был выполнен, только вот связь вечерние утратили не с одним, а с четырьмя флотами сразу. Какой момент для возобновления войны! Но даже сам Сехеи — и тот растерялся, когда ему доложили об успехе операции. Он, собственно, предполагал потревожить их «зеркалки» на атоллах, не более. О Ледяном Клыке и речи не шло — тогда считалось, что эта цитадель вечерних неприступна... Старый, помнится, был в бешенстве — Тайни при этом нарушила одно из основных табу, и Сехеи пришлось потратить немало времени и сил, чтобы уберечь свою будущую Левую руку... И что с ней стало теперь?..

Тайни молчала, оперев подбородок в безупречную татуировку на груди. Потом подняла голову, и в ее темных больших глазах он увидел бесстрашие приговоренного.

— Почему мы воюем, тама'и?

— Женщина! — Сехеи впервые повысил голос.

Ее темное красивое лицо внезапно исказилось. Свирепо, ди-карски блеснули зубы и белки глаз.

— Я не женщина! — огрызнулась она. — Я отстраненная от командования Левая рука стратега! И я спрашиваю тебя, тама'и: почему мы воюем?

Сехеи, не отвечая, ошеломленно глядел на ее левую щеку. Ну, конечно! Вот она — та загадочная неправильность татуировки, точь-в-точь как у вестника Аррай! Один и тот же рисунок. Попала девчонкой под особое наблюдение воспитателей, но ни в чем не виновата...

— Воевали всегда, — оправясь от удивления, сказал он.

— Нет! — бросила она. — Так, как воюем мы, никто никогда не воевал. Дикари хеури тоже воюют, но их хотя бы можно понять: разные племена, разные веры... Из-за чего воюем мы?

— И из-за чего же? — спросил Сехеи. Он уже решил терпеливо выслушать все, что она ему скажет.

Тайни отцепила от пояса шнур и протянула его стратегу.

— Развяжи! — почти потребовала она. — Это узлы тридцати

тилетней давности. Даже тебя не было на свете, когда они были завязаны. Я скопировала их в архиве на Руонгу.

Пожав плечами, Сехеи ощупал узлы. Обрывок какой-то древней легенды. Опять легенда...

«Давным-давно, когда Старые были молоды, на атолле Та жили два друга: Ани и Татуи. И упал кокосовый орех. И они поспорили, чей он. И стали биться. И начал Татуи одолевать».

— Очень интересно, — сухо заметил Сехеи. — И что, я должен развязать этот бред до конца?

— Да!

Сехеи вздохнул.

«И пошел Ани к Старым (в битве, что ли, перерыв?) и попросил: дайте мне блестящий камень тиангу, ибо одолевает меня Татуи. Старые были добры и дали ему то, что он просил. И начал Ани одолевать».

Далее Ани и Татуи поочередно просили у Старых горящую воду, крылья из тапы и пожирающий землю пламень. И Старые были добры.

— Второй шнур утерян, — сказала она, внимательно следя за выражением его лица. — Там дальше должно идти, что Старые в конце концов разделились и стали воевать друг с другом. Одни — за Ани, другие — за Татуи.

— И что? — спросил стратег.

— А ничего, — угрюмо ответила она. — Просто эта сказочка единственное — понимаешь ты? — единственное упоминание о том, с чего все началось!.. Шестьдесят лет войны из-за кокосового ореха!... Послушай, ведь утренние и вечерние — это не два племени, это скорее один народ, рассеченный надвое! Чем мы отличаемся друг от друга? Говорим на одном и том же языке, поем одни и те же песни, верим в одно и то же Пророчество!.. Сними с кораблей выпелы — и попробуй отличи, кто перед тобой: утренний или вечерний!..

Сехеи невольно усмехнулся. Вымпелы с кораблей впервые сняла сама Таини. Мало того, она приказала поднять на авианосцах голубые вымпелы противника, что и позволило ей тогда прорваться к Ледяному Клыку. С тех пор каждый корабль запрашивают кодом по гелиографу: «Чей ты?»

— Ты можешь бросить меня акулам, тама'и, — с вызовом продолжала она, — но, право, будет лучше, если вопрос: «Почему мы воюем?» — стратег задаст себе раньше, чем простой воин. А мы уже опоздали, тама'и. Уже нашелся человек, который предпочел умереть, но не стрелять в вечерних.

Все это время Сехеи задумчиво изучал татуировку на ее левой щеке.

— Что-то я не совсем понимаю, — сказал он, дождавшись паузы. — Ты просто хочешь выговориться напоследок или у тебя есть конкретные соображения?

— Есть, — бросила она. — Объединить архипелаг.

Сехеи моргнул несколько раз подряд, что вообще-то было ему не свойственно.

— И ты говорила об этом с Хеанги?

— Нет, — отрывисто сказала она. — То есть да, говорила, но... Не так откровенно, как с тобой.

— Тогда я понимаю, почему он отстранил тебя от командо-

вания. — Пристальный взгляд стратега не обещал ничего хорошего. — Объединить архипелаг... Всего-навсего! И что же способно, по-твоему, его объединить?

Таини молчала, угрюмо вслушиваясь в треск пальмовых веток.

— Я, кажется, задал вопрос.

— Третья сила, — отозвалась она. — Вмешательство третьей силы, которая бы одинаково грозила и утренним, и вечерним.

На лице Сехеи проступило выражение откровенной скуки — первый признак того, что разговор пошел всерьез.

— «Прозвучит Настоящее Имя Врага, — медленно процитировал он, — и не будет отныне ни утренних, ни вечерних...» Ты веришь в Пророчество, женщина?

— Это неважно, — ответила она. — Важно то, что в него верят многие.

— Инсценировать Пришествие... — вслушиваясь в каждое слово, проговорил он. — Я правильно понял тебя? Ты предлагаешь именно это?

— Да.

— Каким образом?

Секунду Таини смотрела на него, не смея надеяться. Всего лишь секунду.

— Произнести Слово, — торопливо сказала она. — Послать к вечерним парламентаров с Настоящим Именем Врага.

— Так. Допустим... Дальше.

— В Пророчестве довольно подробно описан внешний вид кораблей Врага, — подавив дрожь в голосе, продолжала она. — Построить нечто подобное труда не составит.

— Вечерние обнаружат подделку, — заметил он, устало прикрыв глаза.

— Не успеют, — возразила Таини. — Корабли помаячат на горизонте и тут же исчезнут.

Сехеи, казалось, засыпает, слушая. Допустим, о посланце вечерних и о «стальной чайке» ей могли сказать. Да, но значение слова, произнесенного вестником, известно на базе лишь одному человеку — самому Сехеи... Тем более не должна она знать ни о странном запросе Старого четыре дня назад, ни о его сегодняшнем ответе... То есть дошла до всего своим умом... А кроме того — татуировка, татуировка!.. Нет, Таини, отправить тебя сейчас «на тростник» было бы непростительной глупостью.

— Паника, перегруппировка сил... — предположил он. — И все это на глазах у вечерних, так?

— Да, — сказала она. — Но этого мало. Необходим союзник.

— Союзник? Кто?

— Те, которые не воюют, — колебавшись, проговорила она. — Я слышала, ты каким-то образом связан с ними...

Сехеи смотрел на нее, размышляя. Те, которые не воюют... Проще говоря — миссионеры. Впрочем, у них было еще одно имя — оборотни. А как по-другому назвать человека без татуировки?.. На своих легких и фактически безоружных судах они пускались в открытый океан на поиски новых земель. Отыскав населенный остров, татуировали по местным канонам одного, а

чаще нескольких своих людей и каким-то образом внедряли в племя. И когда через пару лет у берегов острова появлялись корабли утренних (или вечерних — если с туземцами работали миссионеры противника), прием им оказывался самый радушный.

Как они при этом делили территорию — ведомо только Старым. Во всяком случае, о вооруженных стычках между двумя группами оборотней никто никогда не слышал. Отсюда еще одно их прозвище — друзья вечерних. Или друзья утренних — если оскорбление исходит из уст вечернего... Да, Таини права, это был бы хороший союзник...

— Те, которые не воюют... — как бы проверяя фразу на звук, повторил Сехей. — Скажи, ты давно об этом думаешь? Как это вообще пришло тебе в голову?

Видимо, поймав наконец направление его взгляда, Таини тронула кончиками пальцев татуировку на левой щеке.

— Давно, — призналась она. — Еще девчонкой на Детском острове... Наверное, будет лучше, если я расскажу тебе все сама... Шла проверка на выживание, и меня высадили ночью без ножа на каком-то рифе. Задание обычное: продержаться десять суток... А утром я обнаружила, что, кроме меня, на риф высажен мальчишка с точно таким же заданием. Просто его высадили на день раньше. Он был с другого Детского острова, понимаешь? Мы, конечно, решили, что воспитатели хотят усложнить нам задачу. Сделали ножи из больших раковин, мы все помогли друг другу выжить... А потом за мальчишкой пришло каноз... Ты, наверное, уже все понял, тама'и. Это было каноз вечерних. В последнем договоре обнаружилась ошибка: получилось, что эти рифы принадлежат сразу и нам, и им. Узел перевязали. Но девять суток моим лучшим другом был враг...

— Как звали мальчишку? — спросил Сехей.

— Какое это теперь имеет значение! — сказала она. — Мальчишку звали Арраи...

Сехей кивнул. Честно говоря, он ожидал чего-нибудь подобного.

— И ты уверена в успехе?

— Нет, — сказала она. — Не буду тебя обманывать, нет... Просто Пришествие — это единственный шанс оттянуть войну. И если у тебя действительно есть связь с миссионерами...

Источник! До чего все-таки живучи слухи!.. Сехей досадливо качнул головой. Она думает, раз он руководил когда-то миссией, то, значит, имел дело с оборотнями. Как бы не так! Под началом у опального стратега было четверо таких же, как он, штрафников, обучавших местных ребятишек узелковому письму да рассказывавших им об авианосцах, ракетопланах и прочем, от чего у маленьких дикарей разгорались глаза. Хотя, конечно, кто-то из оборотней мог быть внедрен и в само племя... все поступки Сехей волшебным образом становились известны Старому...

А вот чего она наверняка не знает — так это того, что в свое время Сехей чуть было сам не стал одним из них. И тогда, и сейчас миссионеры буквально охотились за светлокожей ребятней на Детских островах — отбирали лучших. Пристрастие совершенно загадочное: куда они потом собирались внедрять этих

«светленьких» — непонятно. Не к южным же хеури, в конце-то концов!.. Словом, при распределении на группы четырехлетний Сехеи приглянулся сразу и миссионерам, и военным, которым тоже всегда были позарез нужны сообразительные карапузы с замашками лидеров. Тяжба, естественно, решилась в пользу оборотней, но пока она решалась, военные в обход всех правил успели зататуировать Сехеи лицо. Склока была грандиозной, потребовалось вмешательство Старого, кое-кто загремел «на тростник», но сделанного не поправишь: на лбу малыша уже красовалась татуировка класса «риф», и в оборотни он уже не годился никак...

— Это легенда, — хмуро сказал Сехеи. — С ними ни у кого нет связи. Оборотни подчиняются непосредственно Старому.

— А что, если... сам Старый?

И во второй раз за сегодняшний день Сехеи подумал, что услышался.

— Ты в своем уме? — спросил он наконец.

— Тама'и! — умоляюще проговорила она. — Но ведь Пророчество придумано именно Старыми! Зачем, тама'и? Мы уничтожаем вечерних, вечерние уничтожают нас, и в то же время и нам, и им с детства вбивают в головы, что когда-нибудь все изменится, что не будет ни утренних, ни вечерних... Никакого Великого Врага нет, тама'и!..

— Как сказать... — задумчиво обронил он. — В том мире, откуда пришли Старые, Великий Враг был.

— Да, но в нашем-то мире его нет! А если даже есть, то слишком далеко — иначе бы с ним столкнулись те же миссионеры! И Старый понимает это не хуже нас с тобой... Поговори с ним, тама'и, скажи ему!.. Ты единственный, кого он выслушает... Объясни ему, что архипелаг доживает последние дни, что если Слово не будет произнесено сейчас...

— Оно уже произнесено, — сказал он, пристально глядя, как меняется лицо Таини. — И произнес его вестник вечерних Аррай... Да-да, скорее всего тот самый мальчишка. Теперь это один из лучших их пилотов... А чтобы ты до конца поняла, насколько все серьезно... Четыре дня назад Старый послал мне запрос, не отправлял ли я в тыл вечерним разведчика, напоминающего корабль Врага, как они описаны в Пророчестве...

Ее длинные сильные пальцы медленно соскальзывали с щеки, вновь открывая неправильность татуировки.

— Нас опередили, тама'и, — через силу, с понимающей усмешкой проговорила она.

— Да, — сказал Сехеи. — У меня тоже такое впечатление, что кто-то из вечерних пытается реализовать твой план...

— Что ты собираешься делать?

— Дождаться конца шторма, — проворчал он. — А потом мне надо лететь на Руонгу. Зачем-то я понадобился Старому... Поэтому постарайся за ночь вывязать все варианты с Настоящим Именем Врага. Все. Даже самые сумасшедшие. Утром доложишь... И еще одно... Ты не хочешь поговорить с ним?

— С кем?

— Ну, с вестником, разумеется, с кем же еще?

Она встала в смятении.

— Не знаю... Он под стражей?

— Нет, — сказал Сехей, внимательно глядя на нее снизу вверх. — Старый приказал не причинять ему вреда. Я приставил к нему только Хромого. Вернее, он сам себя к нему приставил...

Лицо ее снова стало — как на каменных столбах Ана-Тарау.

— Я не имею права приблизиться к нему, — напомнила она. — Меня отстранили от командования. Я даже не знаю, кто я теперь...

— Ты по-прежнему моя Левая рука, — сказал он. — Свяжись с Хеанги и передай, что я отменил его распоряжение. Еще передай, что я жду его у себя. Иди.

— А что с провинившимся?

— С провинившимся? — Сехей подумал. Честно говоря, вся эта возня со штрафником не нравилась ему с самого начала. — Да, пожалуй... Это на твое усмотрение. Иди.

Таинни тамуори вышла. Некоторое время Сехей сидел, ссутулившись, и слушал, как шторм всаживает заряд за зарядом в северо-западные склоны острова. Точно так же обрушивается он сейчас на искалеченные ракетными залпами скалистые уступы Тара-Амингу и размалывает о камни обломки ракетноносца, и встает грохочущей водяной пеленой над Барьерным рифом, и ревут где-то там в ночи, перекрывая бурю, плавильные печи железного острова Ана-Тиангу, и, вцепившись якорями в дно возле Гнилых рифов, содрогаются под ударами ветра корабли вечерних, а на Ледяном Клыкe просчитывает варианты девятнадцатилетний стратег противника Ионги, то ли в самом деле ища мира, то ли просто затевая очередную грандиозную провокацию... И дрейфуют на окраинах архипелага застигнутые штормом легкие суденышки миссионеров. Этим труднее всего. По слухам, даже если они будут тонуть вблизи деревни дикарей — преждевременная высадка запрещена... Что ж, будем ждать. Если друзья вечерних объявятся вдруг в ставке Сехей и доложат о Пришествии Великого Врага, то, значит, Таинни права во всем...

Сехей взял кончиками пальцев за правое веко, потянул... Ресница выдернулась легко, без сопротивления. Значит, права...

— Ты звал меня?

Сехей вскинул голову. Перед ним стоял светлокожий, похожий на подростка воин с насмешливыми глазами и усталым лицом. И надо же было ему войти в тот самый момент, когда стратег подобно дикарю гадал по реснице о будущем!

— Сядь, — буркнул Сехей. — Я отменил твое распоряжение.

Хеанги сел. Он был похож на самого Сехей — разве что чуть пониже ростом. Сухощав, пропорционально сложен, в движениях быстр. И все же было в нем что-то ушербное, что-то навводящее на мысль о физическом изъяде. Татуировка. Классическая татуировка стратега — неправильная, перекошенная, несимметричная. Все верно: сегодня ты командуешь флотом, завтра отбываешь срок «на тростнике», послезавтра тобой затыкают прорыв, а там, глядишь, после совершенного тобой и твоими смертниками чуда снова принимаешь командование.

— Да, — сказал Хеанги. — Она мне сообщила.

— Зачем тебе надо было вмешиваться в эту историю со штрафником?

Хеанги повел уродливо зататуированным плечом.

— Дело не в штрафнике, тамахи. Просто сама она ненадежна. Ты уже знаком с ее идеями объединения архипелага?

— Да, знаком, — сказал Сехеи. — И хочу знать, что об этом думаешь ты.

— Фантазии, — коротко ответил Хеанги. — И фантазии опасные.

Сехеи был явно недоволен его ответом.

— Ты зря так относишься к фантазиям, — заметил он. — В последние годы они слишком часто оборачивались реально-стью.

— Я же еще сказал: опасные, — напомнил Хеанги. — Когда она заговорила о том, как бы подсунуть вечерним вестника с Настоящим Именем Врага, я ее просто не понял. Я думал, что собирается запутать противника, заставить его перегруппировать силы, а потом нанести удар. И я ей прямо сказал, что вечерние на это не клонут. Но когда выяснилось, что она и удара-то наносить не собирается, а хочет всего-навсего объединить архипелаг... Кстати, каким образом тебе удалось захватить «рутианги»? Я, честно говоря, даже не сразу поверил...

Хеанги откровенно менял тему, считая разговор исчерпанным. Интересно: притворяется он или в самом деле не знает?

— Это гидроплан парламентаря, — сказал Сехеи.

— Что? — Хеанги был потрясен. — А... а пилот?

— И пилот под стать машине.

— Позволь, а что он...

— Настоящее Имя Врага, — не дослушав, ответил Сехеи.

Несколько мгновений Хеанги сидел неподвижно. Потом повернулся к стратегу.

— Чего же ты ждешь?

Сехеи не ответил.

— Надо начинать войну, тамахи! Ты же видишь: они пытаются выиграть время. В их обороне — дыра.

— И ты знаешь, где она?

— Она откроется после первого нашего удара!

Сехеи с силой провел ладонью по своему вечно усталому лицу, словно пытаясь стереть с него татуировку.

— Что ты предлагаешь?

— Тут нечего предлагать! Все давным-давно разработано. В-первых, ускорить эвакуацию «оптики». Одновременно объявить амнистию «тростнику». Провинившихся с татуировкой класса «риф» и выше — передать в распоряжение флота, остальными доукомплектовать ракетные точки. Сразу, как только кончится штурм, вывести флот с базы. Чтобы в бухтах — ни кораблика. Утром поднять все гидропланы и атаковать тиуру и Ледяной Клык. А вот когда их третий флот окажется пойманным на Гни-лых рифах, тогда и посмотрим, что у них там за дыра.

— А дальше? — спросил Сехеи.

Хеанги не ответил.

— Хорошо, — сказал Сехеи. — Тогда дальше я. Допустим, третий флот вечерних уничтожен. Допустим. Но они успеют под-нять навстречу свои гидропланы. Это неизбежно. Посадку им, правда, уже совершить будет негде, да им и незачем ее совер-шать. Горючего у них вполне хватит, чтобы дотянуть до Иту.

Допустим, большей частью ответный удар придется по пустому месту. В бухтах, ты говоришь, ни кораблика, флот выведен, рассредоточен и встретит их на полдороге. Все равно как минимум треть гидропланов прорвется к острову. Чем их встречать? Ты ликвидировал «тростник», задействовал все ракетные точки. Но ведь вечерние не дураки, они не станут атаковать со стороны Высокого мыса. Они скорее всего выйдут на нас с северо-запада, сожгут спиртохранилище, сожгут верфи и ударят сюда из-за горы на бреющем. Боеприпасы они к тому времени расстреляют, но это, поверь, никакой роли не сыграет — сами ракетопланы взрываются нисколько не хуже... И, кстати, когда они будут заходить на нас с северо-запада, неминуемо накроется твой караван с «оптикой». Заметят и утопят. Так что с эвакуацией можешь не спешить... И это еще только начало,

— Я знаю, — тихо сказал Хеанги.

— Это еще только начало, — упрямо повторил Сехен. — Потом сюда подойдет их первый флот, и под ударом окажется все. От Ана-Тиангу до Руонгу. А наш четвертый тем временем возьмет на прицел их базовые острова... И в каком порядке ты эти события ни раскладывай, результат будет один. Твинни права — мы сожжем архипелаг.

— Это было ясно и без нее, — еще тише заметил Хеанги.

— Что ты предлагаешь?

— Я уже сказал.

— То, что ты сказал, я слышал. Я спрашиваю не об этом. О чем ты умолчал? Ты же все это знал не хуже меня. Так что у тебя там? Что ты придумал?

Хеанги сидел, невесело усмехаясь.

— А, ладно! — бесшабашно сказал он вдруг. — «На тростник» так «на тростник»!.. Как ты думаешь, тамахи, когда начнется вся эта заваруха, что станет с нашими Детскими островами?

— По-моему, ответ на твой вопрос был дан еще вчера, — сухо отозвался Сехен. — Вечерние предпочли сжечь свое каное, но не допустили, чтобы оно приблизилось к Аату.

— А если бы его не удалось сжечь? Если бы он промахнулся? Если бы ракета ушла выше — по самому острову? Ты что, не знаешь, сколько отказов дает техника? Стоит начаться военным действиям — и наши Детские острова окажутся в самом пекле. Они тоже будут сожжены, тамахи. Случайно. Промахами. Детские острова вечерних, может быть, и уцелеют — они расположены достаточно далеко от нейтральных вод. Но наше будущее будет сожжено...

— Что ты предлагаешь? — повторил Сехен.

— Эвакуировать Детские острова. За Барьерный риф.

— Там нет незаселенных территорий, ты же знаешь. Там еще работают миссионеры.

— Так пусть ребята сами добудут себе территорию. Их что, не учили владеть оружием?

— Ты сошел с ума! — сердито бросил Сехен. — Воевать — детям? С дикарями? Ты что, забыл: с дикарями — только лаской. Дикари — это наш резерв.

— Табу... — язвительно выговорил Хеанги. — Опять табу... Однако сам ты не побоялся нарушить табу девять лет назад, ко-

гда высаживал десант на Сожженных. Ты не побоялся взорвать Черного Минги вместе с его флагом... Что с тобой, стратег? Человек! Сехеи тамахи!.. Ведь ты же был для нас легендой! Даже когда тебя отстранили от командования. Даже когда ты руководил миссией. Что с тобой? Ты постарел? Тебя уже может остановить какое-то табу?

— Я чувствую, ты не договорил, — прервал его стратег.

— Я даже не знаю, как ты сейчас со мной поступишь, но кто-то должен сказать об этом первый... Да, наше настоящее обречено, мы сожжем себя, ты прав. Выиграть может только наше будущее. Поэтому, как только Детские острова будут эвакуированы, войну следует начать немедленно. И первый удар нанести не по базам вечерних — они и так обречены, а по их Детским островам... Да-да, тамахи, я в своем уме и понимаю, что я говорю. Уничтожить их будущее, сохранив наше. Это пока единственный шанс...

Сехеи сидел оцепенев.

— Я... я отстраняю тебя от командования, — сказал он.

Хеанги молчал, опустив голову.

— Я знал, что этим кончится, — проговорил он наконец.

— Я отстраняю тебя от командования! — к Сехеи вернулся голос. — Возглавишь группу кораблей «Тень» и завтра проведешь разведку у Ледяного Клыка.

Хеанги удивленно вскинул глаза.

— Вот как?.. Ты даже не отправляешь меня «на тростник»?

— Какой смысл отправлять тебя «на тростник», — буркнул Сехеи, — если не сегодня завтра война... Но командовать флотом ты не будешь!

— Тогда позволь мне усугубить свою вину, — сказал Хеанги. — Когда-то ты не ладил со Старым. Теперь, и вижу, ты живешь с ним душа в душу. О да, Старые мудры! Они напридумывали множество всевозможных табу, связав нам руки...

— Может быть, это как раз то, что нужно, — хмуро заметил Сехеи. — Связать нам руки...

— Я вот думаю, — не услышав его, продолжал Хеанги, — а чем мы, собственно, отличаемся от хеури? От дикарей!.. Да ничем, кроме техники. У них табу, и у нас табу. У них Духи Атоллы, у нас Пророчество о Враге. У них колдуны, у нас Старые...

— Человек! — Сехеи повысил голос.

— Причем странные колдуны, — возбужденно блестя глазами, говорил Хеанги. — Скажи, тамахи, ты никогда не задумывался: как удивительно все складывается! Стоит нам достичь перевеса, как тут же срывается какое-нибудь табу или вмешивается сам Старый, или вечерние по волшебству оказываются информированными о наших планах! Личная разведка Старых? Покажи мне хоть одного человека из этой разведки!.. Почему он отстранил тебя от командования, когда ты высадил десант на Тара-Амингу? Не потому ли, что боялся? Боялся перевеса в нашу пользу!.. Так кто же они такие, эти Старые? Кто, тамахи?..

— Человек! — Сехеи встал и выглянул из хижины. — Благодарю Источник, — сказал он, снова поворачиваясь к Хеанги, — что мы говорили с тобой наедине. Если бы хоть одна живая душа услышала наш разговор, мне бы пришлось бросить

тебя в Акулий залив. Без ножа. Связанным... Завтра выведешь группу «Тень» в разведку. Иди.

Хеанги, осклабясь, поднялся.

— Источник... — повторил он. — Источник Всего Сущего... Мои предки не верили в Источник. Они верили в Праматерь Акулу. Которой ты меня собрался бросить... — Он пошел было к выходу, потом вдруг остановился и резко повернул к Сехеи искаженное лицо. — Я другого боюсь, тамахи. Не Акульего залива, не «тростника»... Другого. Понимаешь, мне все время кажется, что там, в нейтральных водах, — огромное зеркало!.. Что мы и вечерние отражаемся друг в друге, понимаешь?.. И вот сейчас там, по ту сторону, кто-то подошел к Ионги тамахи точно так же, как я к тебе... Но там его не прогнали, не отстранили — там его выслушали и согласились с ним...

Голос его прервался, и бывший недавно Правой рукой стратега быстро вышел из хижины. Казалось, он прихрамывает — настолько неправильной была его татуировка...

И все равно бы у Хеанги ничего не получилось! За ночь Детские острова не эвакуируешь. Но даже если бы такое удалось, далеко бы они не уплыли. Наутро разведка вечерних донесла бы, что Аату-2 — пуст, а корабль, вышедший из зоны Детского острова, уже можно атаковать... Нет, даже от стратега сейчас не зависит почти ничего. Делай глупости, отдавай самые нелепые приказы — и все равно архипелаг будет сожжен. Рано или поздно. Если на место Сехеи придет Хеанги — чуть раньше, если Таини — чуть позже...

Сехеи поднялся и вышел из хижины в сырой, мечущийся из стороны в сторону ветер. Шторм выдохся. Внизу из ночной черноты рвались, трепетали в долине язычки спиртового пламени над керамическими перегонными кубами. Держась за канат, Сехеи спустился по крутой тропинке и, обогнув оставленную для маскировки невырубленной пальмовую рощицу, остановился. Впереди хлюпало и бормотало. Сточная канава была в трех шагах. Там, дыша перегаром, медленно, как остывающая лава, ползла самотеком барда. Вниз, в бухту.

Задержав дыхание, стратег двинулся к мостику с двойными канатными перилами. Под ногами зашуршала хрупкая засохшая корка. В прыгающем полусвете забранного сеткой спиртового фонаря ему померещилось вдруг, что из отвратительной ползущей массы выпячиваются горбом человеческий загривок и низко опущенная голова. Но всмотреться уже не было времени — дыхание кончалось.

Перебравшись на ту сторону, Сехеи первым делом заглянул в ангар, где при свете стеклянных трубок разбирали «рутианги». Там ему доложили, что машина захвачена поразительная: редкой маневренности, скоростная, возможный радиус действия — практически весь архипелаг. Да что там говорить — шесть принципиально новых узлов, а наших дикарей из конструкторского «на тростник» пора гнать всей командой...

— Где Хромой? — спросил стратег.

Ему доложили, что Хромой беседует с вестником в укрытии. Пройдя коротким, продолженным в скале коридором, Сехеи приоткрыл входную циновку и заглянул внутрь. Да, беседовали...

— Все равно глупо ты тогда сделал, глупо! — с жаром гово-

рил вестник Аррай. — Ты же видел, что я захожу тебе в хвост! Надо было...

Слова у вестника кончились. Но заговорили руки. Правая изображала ракетоплан Хромого, левая — его собственный. А вокруг снова ревело разорванное ракетами небо над Тара-Амингу.

Хромой слушал вестника с восторгом. Его изуродованное ожогами лицо сияло.

— Так мне же только этого было и надо! — закричал он, отводя в сторону руки вестника. — Меня же и подняли с целью — утащить вас подальше от транспорта! Изобразить прорыв к авианосцу, понял? И вы клюнули! А пока вы со мной возились, транспорт успел уползти в бухту, под прикрытие! Так что это еще вопрос — кто кого!.. Но таранил ты меня классно...

«Вот и сбылось Пророчество, — с усмешкой подумал Сехей. — Прозвучало Настоящее Имя Врага, и нег отныне ни утренних, ни вечерних...»

Он вошел, и разговор оборвался. Оба пилота встали перед стратегом. Лицо у вестника снова было надменное, замкнутое.

— А что ты сам об этом думаешь? — спросил Сехей. — Почему послали именно тебя? И на такой машине?

— Я — вестник, — сдержанно ответил Аррай.

Этим было сказано все. Жги его, прокалывай медленно бамбуком — ответ будет один: я — вестник. И не было еще случая, чтобы хоть кто-нибудь из них заговорил и открыл бы, с какой истинной целью он послан. Да им и не сообщали никогда истинной цели. И не потому, что в мужестве их сомневались, а так — на всякий случай.

— Я знаю, — мягко сказал Сехей. — И не буду тебя больше об этом спрашивать...

Он повернулся и увидел, что у входа, придерживая циновку, стоит Таини и смотрит на парламентаря.

— Я искала тебя, — сказала она, заставив себя наконец вернуться к стратегу.

Они вышли и остановились у стены ангара.

— Я запросила «тростник». Того человека найти нигде не удалось. Видимо, они уже убили его...

— На решетках смотрели?

— Рано... — помолчав, отозвалась она. — К решеткам его вынесет завтра к полудню...

Сехей оглянулся на вход в укрытие.

— Так ты не хочешь поговорить с ним?

— Не знаю, — сказала она. — Нет.

— Почему?

— Не знаю... — Таини с тоской смотрела на проступающие сквозь циновку тени бамбуковых ребер ангара. — Я сейчас увидела его... Это он, но... Это уже совсем другой человек, там-и. Он давно все забыл. Мы теперь просто не поймем друг друга...

КАРАВЕЛЛА «СВЯТАЯ ДЕВА». ПЯТИДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ ПЛАВАНИЯ

Молясь и предаваясь благочестивым размышлениям, я прогуливался в одиночестве по песчаному, усеянному невиданными

раковинами, берегу, когда зрение мое было смущено следующей картиной: два солдата заметили подкравшегося к лагерю туземца, и один из них со смехом выстрелил из мушкета. Несчастный упал, и солдат с ножом в руке приблизился к нему, намереваясь зарезать раненого, как бессмысленное животное.

Я поспешил к ним и приличными случаю словами указал солдату, что он берет на душу тяжкий грех, убивая человека ради забавы. На это солдат возразил мне, что поскольку туземец не приобщен к истинной вере и не знает Бога, то, следовательно, в убийстве его не больше греха, чем в убийстве зверя.

«Домашний скот дьявола» — так выразился этот простолюдин, и я не мог не подивиться меткости его слов. Действительно, лицо несчастного было обезображено изображениями ската и акулы, которые, как известно, суть не что иное, как два воплощения врага рода человеческого.

Но мне ли, искушенному в риторике и богословии, было отступать в этом споре! Не лучше ли будет, спросил я, дать Божьему созданию умереть не как зверю, но как человеку, узревшему свет истинной веры? И солдат, подумав, спрятал свой нож.

Сердце мое ликует при воспоминании о том, какая толпа собралась на берегу, дабы присутствовать при совершении обряда, какой радостью и благочестием светились обветренные грубые лица этих людей, как ободряли они — низкими словами, но искренне — туземца, готового воспринять свет Божий.

Адмирал был недоволен, что отплытие откладывается, но даже ему пришлось уступить единому порыву осененной благодатью толпы. Обряд был совершен, и туземца с торжеством возвели на костер, ибо теперь, перестав быть бессмысленным животным, он подлежал церковному суду за явную связь с дьяволом.

Прими его душу, Господи! Он умер как человек, пламя костра очистило его, выжгло все вольные и невольные прегрешения.

А ночью мне явился некто в белых ризах и рек: иди на юг. Там живут, не зная веры, не ведая греха, и золото лежит, брошенное за порогами хижин...

РУОНГУ. РЕЗИДЕНЦИЯ СТАРОГО. ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ГОД ВЫСАДКИ. ДЕНЬ ДВЕСТИ ШЕСТОЙ

Поскрипывали канаты. Шурша серым, высохшим до хрупкости маскировочным тряпьем, плетеная кабина подвесной дороги карабкалась все выше и выше вдоль зеленого склона Руонгу. Зеленый, впрочем, была с белесым налетом, а подрагивающую кабину то и дело обдавало тухлыми запахами химического завода.

Полуобернувшись, Сехеи хмуро следил через плечо, как отступает подернутая мутной пленкой бухта, с каждым метром пути становясь все красивее. То здесь, то там беспорядочно мелькали ослепительные вспышки передающих зеркал.

Руонгу лихорадило. В порту происходило и вовсе что-то непонятное. Пока запрашивали по гелиографу подтверждение вызова, у Сехеи было время понаблюдать, как спешно ведется разгрузка только что загруженного к эвакуации каравана.

Обычная предвоенная неразбериха.

Между тем листва, проползающая под ногами, стала, как и положено листве, зеленой, тошнотворные запахи остались внизу, еще метров двадцать — и терраса... Вскоре кабина остановилась, покачнувшись, и Сехей неловко выбрался наружу.

Его ждали. Хмурый паренек с легким ракетометом под мышкой отступил перед ним на шаг. В глаза не смотрит, но короткий ствол направлен прибывшему в живот. Судя по татуировке, новый пилот и телохранитель Старого... Странно, подумал Сехей. Что могло случиться с Анги? Старый, помнится, был очень привязан к своему прежнему пилоту.

Паренек пропустил стратега вперед, и они двинулись мимо распыленной на бамбуковых шестах желто-зеленой мелкоячеистой сети, под которой устали в небо туго набитые ракетами соты зенитная установка.

Далеко внизу за оперенными пальмами обрывом сияла жемчужная бухта Руонгу. На краю обрыва два связиста в поте лица работали с Большим Зеркалом. С тем самым зеркалом, что передало вчера через атоллы неслыханный приказ — поверить парламентару.

В целом здесь ничего не изменилось. Хижина Старого по-прежнему располагалась неподалеку от горного озера. Она мало чем отличалась от хижины самого Сехей — легкий разборный каркас и циновки, испятнанные с внешней стороны клочьями маскировочной зелени. У берега под естественным навесом из листвы покачивался на поплавах всегда готовый к старту двухместный ракетоплан. Поодаль в скальной стене зияла дыра — вход в пещеру-укрытие.

Они остановились перед распахнутой настежь стеной хижины.

— Ты можешь отдыхать, малыш, — раздался слабый надтреснутый голос. — Оставь нас...

Перед распахнутой настежь стеной на странной конструкции из бамбука, именуемой стулом, сидел ровесник мира. Сидел бог. В нем было пугающим все: и древнее — цвета песка — лицо, нетатуированное, как у оборотня, и то, что от горла до пят он всегда был закутан в белую тапу. Но главное, конечно, глаза. Нечеловеческие, водянисто-голубые, страшной глубины глаза.

— А ты располагайся, тамахи. Разговор будет долгий...

Те же слова, та же интонация, что и девять лет назад, когда Старый отстранил его от командования и загнал на год к южным хеури.

Сехей опустился на циновку, и оба посмотрели вслед уходящему пилоту. Он даже со спины был хмур, этот подросток, даже ракетомет его на длинном ремне болтался так, словно готов был в любой момент огрызнуться короткой очередью. Сам по себе.

— Видел? — ни с того ни с сего ворчливо пожаловался Старый. — Оскорбили его!.. Вместо того чтобы сжечь в первой стычке, взяли и приставили к старой развалине. Ни полетать, ни пострелять...

С личными пилотами Старому не везло. Каждый вновь назначенный молокосос на удивление быстро избавлялся от почтительного трепета, начинал капризничать, дерзить... Хотя, с дру-

гой стороны, все правильно: нельзя воину быть на побегушках. Пусть даже на побегушках у бога...

— А где Анги? — спросил Сехеи.

Уголки рта у Старого сразу опустились, морщинистое лицо застыло в скорбную маску.

— Не знаю, — брюзгливо отозвался он. — В нейтральных водах, надо полагать... Отпросился воевать, дурачок. Ему, видишь ли, уже двадцать лет, а он еще не убит! Сам понимаешь: неловко, люди коситься начинают...

Умолк с ядовитой полуулыбкой на сухих старческих губах. Сехеи ждал, но Старый, казалось, забыл о нем — остекленело смотрел куда-то поверх плеча стратега.

— Старый, — негромко позвал Сехеи. — Ты вызвал меня...

— Да, — сказал Старый. — Вызвал...

Глаза его ожили. Кроме личных пилотов, Сехеи, пожалуй, был единственным, кто мог долго и спокойно глядеть в глаза Старому. О Старых можно сплетничать, можно рассказывать шепотом страшные легенды об их происхождении, можно даже усомниться в их мудрости. Но все это — за спиной, тайком.

— Сехеи, — сказал Старый. — Так уж вышло, что мы гребем с тобой в одной лодке второй десяток лет. Ты был еще нетатуированным малышом на Детском острове, а я уже знал о тебе. А ты обо мне узнал и того раньше... Всю жизнь ты получал от меня советы, прислушивался к ним... Или не прислушивался. Чаще всего не прислушивался... Скажи, тебе никогда не приходило в голову: а кто они, собственно, такие, эти Старые? По какому, собственно, праву они решают твою судьбу?

Неужели он вызвал его сюда, на Руонгу, только для того, чтобы задать этот вопрос? Сехеи почувствовал раздражение. Иногда ему казалось, что Старый бессмертен: нужно было иметь огромный запас времени, чтобы растративать его с такой легкостью на пустые, ни к чему не ведущие разговоры.

— Я оставил флот, Старый, — напомнил он. — Я передал командование Таини тамуори, а она ненадежна...

Он не договорил, потому что Старый вдруг принялся хватать ртом воздух.

— Та... Таини? — жутко уставясь, выговорил он. — Какая Таини? Та, что сменила выпелы? Ты что, не мог никого найти, кроме этой акулы?

— Нет, — сказал Сехеи. — Не мог. Что происходит, Старый? Вечерние что-то затевают. Вчера они подсунули нам...

Эти слова почему-то привели Старого в бешенство. Морщинистое лицо его затряслось.

— Когда же ты наконец поймешь! — злобно закричал он. — Нет больше ни утренних, ни вечерних! Нет! Каравеллы в водах архипелага! Четыре каравеллы!

Сехеи смотрел на него с тревогой, начиная уже опасаться: а не сошел ли Старый с ума?

— Каравеллы? — недоверчиво переспросил он. — Корабли, о которых говорится в Пророчестве?

— Да! — выкрикнул Старый. — Говорится! В Пророчестве! Или ты хочешь сказать, что тебе не посылали вчера парламента с Настоящим Именем Врага?

— Посылали, и на «рутианги», — растерянно ответил Сехеи.

Старый дышал тяжело, с хрипом.

— Изолгались, запутались!.. — с отвращением выговорил он. — Ничему уже не верят, даже этому...

Последовала выматывающая душу пауза: Старый переводил дыхание.

— Я ведь не зря несколько дней назад послал тебе запрос, не твоих ли это рук дело... — заговорил он, отдышавшись. — Во время урагана один из авианосцев вечерних был отброшен к северу и там наткнулся на каравеллу. Капитан совершил глупость: вместо того чтобы следовать за Врагом по пятам, известил Ледяной Клык, а сам пошел на предписанную базу. Подняли четвертый флот...

— Четвертый флот вечерних? — быстро спросил Сехей.

— Ну естественно... — проворчал Старый. — Обшарили акваторию, но каравеллы уже и след простыл. Их обнаружили только вчера — с воздуха. Всю эскадру, четыре каравеллы... Ты даже представить не можешь, как нам помешал этот шторм. Мы ничего не успели предпринять. Каравеллы подошли к Аату-6 вечерних и первым делом дали залп по острову. Для устрашения. Сегодня, судя по всему, они высадят там десант...

Сехей давно уже намеревался перебить Старого, но последняя фраза оглушила его.

— Десант — на Детский остров? — Прищур стратега был страшен.

— Да, — сказал Старый. — Десант на Детский остров... — Глаза его вдруг обессмыслились, речь перешла в невнятное бормотание: — Все, тамахи, все... Кончено... Завтра — Большой Круг... Табу с Атолла-27 уже снято... Так что давайте уж как-нибудь сами... Без нас...

— Старый! — Это был почти окрик. — Я срочно лечу на базу! Я должен быть вместе с флотом! Почему ты не вызвал меня сразу на Атолл-27? Почему ты вызвал меня сюда?

— Сиди! — Старый подскочил как ужаленный. — Ишь наловчились!.. Словом уже не с кем перемолвиться! Стоит только рот раскрыть — кто куда, врассыпную!.. Тот — воевать, этому — флот... Не утонет твой флот!

Замолчал, гневно взглядывая на стратега. Потом ни с того ни с сего осведомился, который нынче год.

— Шестьдесят первый, — буркнул Сехей. — Со дня Высадки.

— Шестьдесят первый год со дня Высадки... — медленно повторил Старый. — То есть этого дня я ждал шестьдесят один год...

Стало особенно заметно, как сильно дрожат его руки. Сехей показалось даже, что Старый просто не знает, куда их деть. Вот правая, соскользнув с колена, опустилась зачем-то на крышку небольшого металлического ящика, покрытого облупившейся по углам серо-зеленой краской. Предмет, знакомый Сехей с детства. Один из общеизвестных атрибутов Старого — как нелепая подставка из бамбука, именуемая стулом, или как белая тапа, только и способная, что скрывать движения да прикрывать наготу. Неясно, правда, с какой целью.

— Нет, — сказал здруг Старый. — Не так...

Он запустил руку под стул и извлек оттуда два предмета:

стеклянный сосуд с делениями и полированную круглую чашку из кокосового ореха. Вызывающе и насмешливо взглянув на стратега из-под пегой брови, он медленно, будто демонстрируя, как это надлежит делать по всем правилам, вынул стеклянную пробку, налил в чашку прозрачной жидкости и, снова закупорив склянку, поставил ее на циновку.

— Будешь?

Слегка отшатнувшись, Сехеи смотрел на протянутую ему чашку. За свою долгую, почти уже тридцатилетнюю жизнь, он устал пресекать дурацкие слухи о том, что Старые пьют горячее. И в самом деле — он видел это впервые.

— Ну и правильно, — сказал Старый и выпил.

Сехеи смотрел.

Некоторое время Старый сидел, уткнув большой пористый нос в белую тапу на плече. Потом вздохнул стонуще и выпрямился.

— Мы пришли из другого мира, тамахи, — торжественно сообщил он.

— Да, — сказал Сехеи, все еще не в силах отвести взгляд от кокосовой чашки. — Я знаю.

Старый запнулся и непонимающе уставился на стратега.

— Откуда?

— Ты сам мне об этом говорил. И не однажды.

— И ты ни разу не усомнился в моих словах?

«Источник! — с неожиданной злостью подумал Сехеи. — А когда мне было сомневаться? Когда я готовил десант на Тара-Амингу? Или когда хеури собирались спалить меня заживо вместе с миссией?»

— Можешь не отвечать, — сказал Старый. — Я понял... И все же тебе придется выслушать меня до конца. Собственно, за этим я тебя и вызвал...

По-над краем обрыва летели вразброс полупрозрачные расплывающиеся клочья черного дыма. «Оружейный», — машинально отметил Сехеи и вдруг вспомнил, что оружейный завод на Руонгу остановлен четыре дня назад для демонтажа и последующей эвакуации. Источник! Они снова запустили оружейный! Да-да, и тот караван, разгрузку которого он только что видел в порту... Неужели все-таки правда? Каравеллы, Великий Враг...

— Совершенно иной мир, — говорил тем временем Старый. — Представь себе город — большой, как Руонгу... Многоэтажные каменные дома с окнами из стекла... Широкие ровные дороги, которые здесь даже не с чем сравнить... А вместо океана — земля. Во все стороны. До горизонта и дальше...

Однажды Сехеи пытался уже представить то, что Старый называет городом, и ему показалось тогда бессмысленной тратой сил возводить огромные, как форт, сооружения только для того, чтобы в них жили люди...

— Представь себе... — говорил Старый. — А, Источник! Ты просто не сможешь!.. Ну хотя бы попробуй... Попробуй представить компанию молодых людей, у которых очень много свободного времени... Которые могут — просто так! — собраться, поболтать, поспорить... О чем угодно. Хотя бы об истории. И вот один из них.. из нас... гуляя за городом, случайно обнаружил

некое уникальное явление природы — нечто вроде лазейки, соединяющей наши миры... Но, наверное, начать нужно не с этого...

Сехей осторожно скосил глаз на связистов. Большое Зеркало бросало очередную серию бликов в сторону Ана-Тиангу. «Всем флотам!» — удалось разобрать ему по колебанию рабочей плоскости. Там, на краю обрыва, в сжатой и ясной форме передавалось то, что с огромным количеством никому не нужных подробностей предстояло сейчас выслушать ему...

— ...начать, наверное, нужно вот с чего, — говорил Старый. — Примерно за две тысячи лет до моего рождения в том мире, откуда мы пришли, возникла вера в бога, который позволил людям убить себя, дабы примером своим научить их кротости и милосердию... Но вот что странно, тамахи: ни одна — даже самая кровавая — религия не пролила столько крови, сколько эта — милосердная и кроткая! Именем убитого бога людей сжигали на кострах, именем его уничтожались целые цивилизации! Народы утрачивали свою историю и вырождались! Они подбирали объедки со стола европейцев... (Да-да, тамахи! Настоящее Имя Врага!)... они ходили в европейских обносках, они украшали себя блестящим мусором, выброшенным европейцами за ненадобностью!.. Можешь ты представить себя в ожерелье из стреляных гильз и с жестянкой от консервов на голове?..

«Неужели он решил пересказать мне все Пророчество? — ужаснувшись, подумал Сехей. — Как вовремя я отстранил Хеанги от командования! Таини — та, по крайней мере...»

— ...в каждой компании обязательно есть свой лидер, — говорил и говорил Старый. — Наш лидер собирался стать профессиональным историком. Он изучал завоевания европейцев. Изучал, ненавидя. Такой вот странный случай... Его сводило с ума, что никто и нигде не смог оказать им достойного сопротивления... И он убедил нас. Он доказал нам, что будет преступлением не воспользоваться лазейкой и упустить этот шанс — может быть, единственный шанс за всю историю человечества... Ах да, я же забыл о главном!.. Видишь ли, когда мы впервые проникли сюда и увидели атоллы, пальмовые рощи, не знающих металла островитян, — мы решили, что попали каким-то образом в наше собственное прошлое, на архипелаги Океании до прихода туда европейцев... Так вот, он убедил нас. Он умел убеждать. Он зачитывал нам старинные документы о том, что творили конкистадоры на завоеванных землях, — и хотелось драться. Насмерть. До последнего... Мы были молоды, Сехей. Да-да, представь, Старые тоже когда-то были молоды... Что же касается меня... Меня даже и убеждать не стоило. Видишь ли, тамахи, мой прадед был миссионером... Европейским миссионером. Человеком, учившим покоренных островитян смирению, учившим их вере в убитого бога, отбирающим у них последние крохи их прошлого... Я шел сюда с мыслью об искуплении. Шел на бой с собственным прадедом...

С Пророчеством о Великом Враге Старый, надо полагать, закончил. Теперь он принялся излагать Историю Высадки. Своими словами... Еле слышный шелестящий звук отвлек внимание стратега. Рядом с зенитной установкой, с отвращением уставясь куда-то вдаль, сидел на травке личный пилот и телохранитель

Старого. Вконец осатанев от безделья, он бросал бумеранг. Бросив, пребывал некоторое время в хмурой задумчивости, потом нехотя поднимал руку и, не глядя, брал вернувшийся бумеранг из воздуха...

— Может быть, ты все-таки отвлечешься от этого головоре-за? — в крайнем раздражении осведомился Старый. — Тем бо-лее что я собираюсь сообщить тебе нечто действительно новое!..

Помолчал сердито. Успокоившись, заговорил снова:

— Мы скрыли от властей нашу лазейку и начали готовиться к Высадке. Геология, металлургия, медицина... Инструменты, приборы, вакцины против европейских болезней... Даже сахар-ный тростник. Мы, видишь ли, заранее знали, что до нефти нам здесь не добраться, и сразу делали ставку на спирт... И все это пошло прахом, Сехеи. Мы оказались не нужны островитянам.

Стратег взглянул на Старого с удивлением.

— Да, не нужны, — уже с надрывом продолжал тот. — Они радушно приняли нас, они с интересом смотрели, как мы летаем на дельтапланах, поджигаем спирт и пользуемся металличе-скими сруднями... но перенимать ничего не хотели — зачем? Им неплохо жилось и без этого... А наши предупреждения о том, какую опасность представляют для них европейцы, они, опозти-зивав, превратили в Пророчество о Великом Враге. Одним пророчеством больше, одним меньше... И тогда мы пошли на страшный шаг, Сехеи. Мы разделились на две группы и пред-ложили военную помощь двум враждующим племенам... И по-лучили достойный ответ. Наши дубины, сказали нам, — из тя-желого дерева, наконечники копий — из острого камня, наши руки сильны, а сердца отважны... Теперь даже самые древние узлы архива не откроют тебе, кто первый обратился за по-мощью к Старым... Никто не обращался, Сехеи. Никто. Просто мы нанесли удар сразу по обоим племенам. Дельтапланы и пло-хонькие зажигательные бомбы. Но этого было достаточно. Видя, что противник настолько подл, что прибег к колдовству светло-кожих пришельцев, ему решили ответить тем же... Вот с чего начинался мир, тамахи, в котором ты живешь...

Старый заставил себя поднять голову и поглядеть Сехеи в глаза. Трудно сказать, какой реакции он ожидал, но стратег теперь смотрел на него с уважением и любопытством.

— Провокация, — медленно и, как показалось Старому, со вкусом проговорил он.

— Да, — сказал Старый. — Провокация. Твое ремесло... В те времена в вашем языке даже слова такого не было...

Сехеи все еще оценивал уровень этого давнего деяния Ста-рых и, кажется, оценил высоко.

— Не знал, — с сожалением обронил он. — Но вот все остальное... Прости, Старый, ты мне это уже рассказывал...

— Когда?

— Последний раз год назад. И ты уже спрашивал, могу ли я представить себя с жестянкой на голове и в ожерелье из стре-ляных гильз. Нет, не могу. Металл слишком дорог. Кроме того, это была бы очень хорошая мишень для снайпера.

— Ах вот как! — сказал Старый. — Значит, ты все давно знаешь, и удивить мне тебя нечем?

Сехеи промолчал. Он уже отчаялся добраться до сути. Вме-

сто того чтобы говорить о Великом Враге, они говорили непонятно о чем.

— Хорошо... — зловеще пробормотал Старый. — Хорошо же... А ты ни разу не задумывался, каким образом наши военно-промышленные секреты становятся известны вечерним?

— Задумывался, — сразу настожившись, ответил Сехей. — И не я один.

— И к какому же выводу вы пришли?

— Да, пожалуй, что ни к какому, — пристально глядя на Старого, сказал Сехей. — Видимо, у них, как и у нас, есть личная разведка Старых...

Древние сухие губы покривились в невеселой усмешке.

— Моя личная разведка, — язвительно выговорил Старый. — Вездесущая и неуловимая. Неуловимая по очень простой причине. По причине своего отсутствия. Не было никакой личной разведки, Сехей. Не было и нет...

Подрагивающая морщинистая рука снова легла на крышку металлического с обшарпанной краской ящика.

— Радиопередатчик, — отрывисто произнес Старый. — Нет, до этого вы еще не дошли... Хотя скоро дойдете, раз уж добрались до электричества... Запомни, что я тебе сейчас скажу, Сехей. Запомни и постарайся понять... С помощью этого вот прибора Старые постоянно обменивались информацией своих штабов и лабораторий...

Еще на Детском острове в группе подготовки командного состава Сехей поражал воспитателей своей способностью схватывать все на лету. Сейчас, похоже, эта способность ему изменила. Наморщив высокий татуированный лоб, стратег непонимающе глядел на Старого. И вдруг словно что-то взорвалось со звоном в его ушах. Со страшной ясностью он снова увидел перед собой горящие склоны Тара-Амингу, когда неизвестно откуда возникший второй флот вечерних ударил навесным и в считанные секунды довел плотность огня до такой степени, что первая волна десанта была испепелена буквально на глазах, когда огромное пламя с грохотом приподняло палубу подветренного корпуса «Мурены» — от кормы к носу, когда в ревущем небе потемнело от машин противника, и принесли обожженного Хромого — принесли, хотя никто уже не верил, что Хромой выживет и на этот раз...

«Убьет, — с каким-то жалким внутренним смешком подумал Старый. — Пусть...»

— Зачем? — услышал он тихий сдавленный голос Сехей.

— Чтобы сохранить равновесие, мальчик. — Старый хотел произнести это проникновенно — не получилось. — Ты вспомнил Тара-Амингу?.. Да, Сехей, да! Я передал твои донесения Старым вечерним, и они навели на тебя второй флот... Но даже это не помогло! Ты был гениален при Тара-Амингу, мальчик. Не отстрани я тебя тогда от командования, вечерним конец. Ты бы просто разгромил их... А этого мы допустить не могли. Победа одной из сторон свела бы на нет все наши труды...

Стратег все еще сидел неподвижно, и лицо у него было — как в начале разговора, когда он услышал о бомбардировке европейцами Детского острова.

— Кроме того, — торопливо, словно убеждая самого себя,

добавил Старый, — победа одной из сторон означала бы еще и конец архипелага... Вы бы уничтожили друг друга до прихода европейцев... Ты должен это понять, Сехей! Ведь я следил за тобой, я видел: последние два года ты оттягивал войну как мог. Значит, понимал...

— Продолжай, — угрюмо сказал Сехей.

— Будь логичен, мальчик! — с тоской проговорил Старый. — Ведь если ты прости нам сам факт Высадки, ты обязан простить нам и все остальное... Все наши последующие поступки были вынужденными. Не Старые командовали войной, Сехей, — война командовала Старыми!.. Да, мы спровоцировали, мы искусственно вызвали к жизни страшный процесс. В нашем мире он назывался гонкой вооружений... Но остановить его мы уже не смогли... Вы оказались слишком способными учениками. Поначалу мы еще пытались направлять вас, подсказывали вам открытия, но потом... Потом мы просто перестали понимать, над чем работают в лабораториях... Что ни шаг — то неожиданность... Бумага, например. Пока мы ломали голову, как сделать ее непромокаемой, из узелкового письма Ана-Тарау развилась знаковая система такой сложности, что переучиваться пришлось уже не вам, а нам... Но первым сюрпризом, конечно, был напалм. Да, мы собирались познакомить вас и с напалмом, но... позже... А вы открыли его сами. И вот чтобы сохранить равновесие... чтобы не утратить контроля над событиями... мы вынуждены были начать обмен информацией... Сначала технической. Только технической. Информацией, которую сами не всегда могли понять...

Старый остановился, тяжело дыша, — речь была слишком длинна для его изношенных легких. От него разило спиртом, как от развороченной взрывом турбины.

— И это еще не самое страшное, Сехей, — сказал он. — Это еще не самое страшное...

С хищным вниманием, чуть подавшись вперед, к Старому, стратег ждал продолжения.

— Так вот... — с трудом одолевая каждое слово, заговорил Старый. — Самое страшное... Это выяснилось не сразу... Во-первых, ваш язык. Это был не полинезийский, как мы решили поначалу. Так, слегка похож по звучанию... Потом путаница с картами... Очертания островов упорно не желали соответствовать нашим картам... И таких несоответствий с каждым годом становилось все больше и больше, пока мы наконец не поняли... Мир, в который мы пришли, не имел никакого отношения к нашему прошлому! Никакого... Мы ужаснулись, тамахи! Мы хотели вернуться — и не смогли: лазейка между мирами то ли исчезла, то ли переместилась неизвестно куда...

Старый снова заставил себя поднять глаза на Сехей. Судя по недоуменно сдвинутым бровям, последнее признание Старого не только не показалось стратегу страшным — оно даже не показалось ему существонным.

— Я вижу, ты не понимаешь, — с горечью сказал Старый. — Сехей! Мальчик! Да ведь получается, что мы зря пустили в ход всю эту машину уничтожения! Сожгли острова, смешали народы, натравили их друг на друга... Совесть человеческая тоже имеет предел прочности. Один из нас покончил с собой. Другой

стал опасен, и его пришлось убрать. Остальные... спились, — закончил он мрачно и зашарил рукой в поисках склянки.

— Не надо, Старый, — попросил Сехей, с содроганием глядя, как едкая жидкость льется в чашку из полированного кокоса.

— Что бы ты понимал! — огрызнулся вдруг Старый. — Давай вон жуй свою жвачку! Это, по-моему, единственный способ, которым вы можете себя одурманивать...

Он выпил и закашлялся.

— Идиоты... — силно проговорил он, вытирая слезящиеся глаза. — Архипелаг тонет в спирте, и при этом — ни одного алкоголика... Хотя с другой стороны — все правильно... Это все равно, если бы в моем мире начали пить бензин...

Он перевел дыхание и продолжал:

— Короче, мы нашли в себе силы довести дело до конца... У нас осталась одна-единственная надежда: если этот мир до такой степени похож на наш, то здесь тоже может обнаружиться цивилизация, подобная европейской... Проще всего, конечно, было бы снарядить кругосветную экспедицию, но — ты не поверишь, тамахи! — каждый раз выяснялось, что война опять сожрала все средства...

Со стороны обрыва тянуло легким запахом гари, раскаленный полдень рушился на Руонгу, а Старый зябко кутался в белую тапу, как будто его бил озноб.

— Странно, тамахи... — еле слышно прозвучал его надтреснутый голос. — Я ведь должен радоваться. Каравеллы... Пусть в чужом мире, но все-таки мы их остановили. И я дожид до этого дня... Не могу радоваться. Оглядываюсь назад — и страшно, тамахи, страшно... Как же так вышло? Как же так получилось, тамахи, что, ненавидя миссионеров, мы и заметить не успели, что стали миссионерами сами! Миссионерами ракетометов...

За время этой речи лицо Старого сделалось настолько древним, что, казалось, перестало быть человеческим. Словно выплывшее из морских глубин исполненное скорби чудовище смотрело на стратега, и похожие на жабы щетинистые морщины его тряслись от горя.

— Простите ли вы нас? — с болью спросило оно.

Сехей вздрогнул, и чудовище исчезло. Перед ним снова было искаженное страданием лицо Старого.

— Простить вас? За что?

— За то, что лекарство оказалось страшнее болезни. — Старый произнес это невнятно — устал. — Неужели ты сам не видишь, как он теперь уродлив, твой мир? Лаборатории, ракетопланы... И ожерелья из клыков врага на шее! И рецидивы каннибализма, которые вы от меня тщательно скрываете!.. Огромные потери... Еще более огромная рождаемость... Ваши женщины! Теперь это либо войны, либо машины для производства потомства, либо то и другое... Острова... Пальмовые рощи... Теперь это сточные канавы!.. Ты оттягивал войну, ты боялся сжечь архипелаг... А ты подумал: что тут осталось сжигать?.. Да ни один конкистадор не смог бы причинить вам столько зла, сколько его причинили мы...

Слезящиеся водянисто-голубые глаза слепо смотрели мимо стратега.

— Что мы наделали, мальчик, что мы наделали!..

И Сехей подумал с сожалением, что Старый действительно очень стар.

— У вас не было иного выхода, — мягко напомнил он.

Резко выпрямившись, Старый вскинул голову.

— Был, — отрывисто бросил он. — Не приходите сюда. Не вмешиваться. Оставить все как было.

Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу. И вдруг Сехей улыбнулся. Понимающе, чуть ли не с нежностью. Так обычно улыбаются детям.

— Как зовут твоего нового пилота?

Старый удивился, потом насупился и сидел теперь прежний — вечно недовольный и брюзгливый.

— Анги, — буркнул он. — Точно так же, как и прежнего. Самое распространенное имя — Анги...

Они оглянулись. Личный пилот и телохранитель Старого сидел в прежней позе и с сомнением смотрел на бумеранг.

— Анги! — позвал Сехей. — Ну-ка, подойди сюда...

Подросток сунул игрушку за ремешок рядом с обоймой и нехотя поднялся с земли. Приблизившись к хижине, исподлобья взглянул на стратега.

— Анги, — сказал Сехей. — Хотел бы ты, чтобы на островах все было как раньше — до Высадки Старых?

Подросток опешил.

— А как было до Высадки?

— Ну приблизительно, как сейчас у южных хеури...

Подросток изумленно уставился на стратега, на Старого — и неуверенно засмеялся.

Променять ракетомет — на резную дубину? Ракетоплан — грохот пороховых ускорителей, проваливающуюся вниз землю, стремительную круговерть воздушного боя — на копье с каменным наконечником?

Личный пилот и телохранитель Старого смеялся.

КАРАВЕЛЛА «СВЯТАЯ ДЕВА». ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ ДЕНЬ ПЛАВАНИЯ

Нет, неспроста мы не встретили на острове ни отцов их, ни матерей. Дьявол был их отцом и матерью!

Дым пожарища стлался над песчаным отлогим берегом, ломаемые ядрами, трещали пальмовые деревья, но татуированные нагие бесенята исчезли, сгнули бесследно в обширных рощах. Подобно воинству отступали они — я видел, как быстро уходит, скрываясь за деревьями, их небольшой отряд, ведомый беременной дьяволицей, слишком юной, однако, для того, чтобы произвести на свет всех этих чад.

Адмирал приказал кликнуть добровольцев. Видя, что противник безоружен и мал, вызвались многие. Солдаты были веселы и шутили, что идут охотиться. Спаси их души, Господи, — мало кто вернулся из них с этой охоты.

Скорбя о том, что высадился на остров, я приблизился к двум солдатам, охраняющим лодки, и был удивлен тем, что они следят не за берегом, как подобает стражам, но вглядываются

оба в морской простор. Заметив тревогу на их лицах, взгляделся и я.

О ужас! У входа в бухту, почти не различимые на фоне неба и волн, маячили три корабля-призрака, подобные встреченному нами пять дней назад.

Памятуя, что лишь молитвою были уstraшены они в прошлый раз, я воззвал к Господу. И чудо свершилось вновь. Словно Божий перст провел по водной шире невидимую черту, и вдоль нее, незримой, лавировали они, не в силах преступить предел и подойти к стоящим на якорях каравеллам.

Однако дьявол, согласно пословице, всегда нападает с тыла. И вот в нескольких шагах от меня с песка легко поднялся нагой татуированный отрок — почти юноша. Вскрикнув от неожиданности, один из стражей прицелился в него из мушкета. Отрок оскалил в усмешке белые зубы и побежал, но не прочь от солдата, а в сторону. Потом остановился, продолжая бесовски улыбаться, и бросился наземь за миг до выстрела. И тогда страшно закричал второй солдат, ибо дуло мушкета было теперь направлено в его грудь.

Прогремел выстрел, и в помятой кирасе, с окровавленным лицом, несчастный упал замертво. А татуированный отрок уже снова был на ногах. Взмахом голой руки он поверг на песок оставшегося в живых солдата — воина рослого и умелого, а из-за малого песчаного бугорка, за которым без вражьей помощи и кошке не спрятаться, поднялись еще несколько отроков и отроковиц — помладше.

Упав наземь и твердя в страхе молитву, я видел, как они пробежали мимо меня туда, где рядом с нашими лодками колыхался их белый двойной челнок. Трое из них несли... О Боже! Человек, чье бесчувственное тело несли к челну, был облачен в дорогие бархатные одежды. Лица я узреть не мог, ибо голова несомого была обернута алым плащом, но я узнал изукрашенные серебряной насечкой латы и золотую адмиральскую цепь.

На моих глазах они бросили адмирала в челнок и, распустив белые перепончатые паруса, устремились в море.

Когда с Божьей помощью я нашел в себе силы закричать, страшная вестъ уже разнеслась по берегу. Трепеща, узнавал я подробности злодейства. Адмирал, сопровождаемый четырьмя офицерами, пожелал осмотреть опустевшее селение, где, по слухам, нашли искусно обделанных в золото деревянных идолов. Когда же спустя малое время в селение влекомый алчностью проник один из матросов, он открыл в ближней к морю хижине лишь четверых оглушенных офицеров.

Осыпaeмый градом мушкетных пуль, челнок стремил свой бесовский бег меж рифами, где его не могли преследовать наши глубоко сидящие судна. От борта каравеллы «Благодать Господня» отделились две лодки с гребцами и пустились в погоню, надеясь перерезать путь беглецам. Трижды вздымал ядрами воду перед самым носом верткого челнока искусный канонир «Святой Девы». Тщетно! Ничто не могло уstraшить этих детей сатаны.

Крики на берегу смолкли. С замиранием следили мы за уходящими в море суденышками. Мысль о незримом пределе, за ко-

торым угадывались грозные очертания призрачных кораблей, поразила всех.

Ослепленные яростью, моряки продолжали погоню. Одна из лодок усилиями гребцов вырвалась далеко вперед и вслед за челноком пересекла роковую черту. И свершилось. Огненно-дымный след с грохотом протянулся от одного из дьявольских кораблей к лодке со смельчаками, и адским пламенем вспыхнула она. Оцепенев от ужаса, стояли мы на берегу и, казалось, слышали сквозь шум прибоя вопли горящих заживо людей. Вочию узрели мы, что ждет нас за невидимым пределом.

Грешны мы перед тобой, о Господи, но зачем столь ужасна кара твоя!

АТОЛЛ-27. ПЕРВЫЙ ГОД ПРИШЕСТВИЯ. ДЕНЬ ВТОРОЙ

Честно говоря, хотелось протереть глаза: в обрамленной зеленой бухточке почти борт о борт стояли на якорях каноз береговой охраны вечерних и легкий авианосец утренних. О принадлежности этих двух боевых машин приходилось теперь догадываться по мелким признакам — вымпелы с кораблей были сняты.

На передней огневой площадке «Тахи тианга» (всего три метра отделяла ее от передней огневой площадки бывшего противника) стояла Ити-Тараи и, покусывая вывернутую нижнюю губу, внимательно слушала, что ей негромко говорит командир каноз — тоже женщина и тоже из южных хеури. А поскольку стояли они, одинаково опершись на очень похожие заряжающие установки, то со стороны казалось, что Ити-Тараи беседует с собственным отражением. Речь, надо полагать, шла об атакованном каравеллами Аату-6.

Кормовые площадки кораблей отстояли друг от друга на несколько большем расстоянии, и простым воинам, чтобы переброситься парой фраз, приходилось уже разговаривать в полный голос.

По обеим палубам, рассеянно любуясь бухтой и небосводом, прогуливались несколько молодых людей жуткого вида — светложких и без татуировки. У каждого из них небрежно болтался за спиной легкий ракетомет. Странно было видеть тех, которые не воюют, вооруженными. Странно и обидно. На кораблях — согласно приказу — все стволы были разряжены, и боезапас сдан в пороховой трюм под крепкий узел.

— На Детский остров похоже, — с некоторым пренебрежением заметила девчушка-снайпер, стараясь не глядеть в сторону оборотней. Шнурка с человеческими клыками на шее у нее на этот раз не было — заставили снять.

Воины, уже слегка оглушенные наркотической жвачкой (обычно она была под запретом), окинули взглядом бухту и, подумав для важности, согласились: да, похоже. Чистая живая вода без пленки. Ни активного ила, ни серой зловонной пены вдоль берега. Даже вон рыба плавает и недохнет... Атолл-27 был затабуирован шестнадцать лет назад — на случай переговоров в будущем. Шестнадцать лет, как и к Детским остро-

вам, к нему не смел приблизиться ни один военный корабль.

За белыми, оглушительно ворчащими бурунами чернел на горизонте крохотный горбик Тара-Амингу.

— Клык передает, — сказал кто-то из утренних.

Все обернулись, прищурясь.

— Эй, зеркальный! — окликнула девчушка-снайпер. — Перевел бы, что ли...

В ослепительном сиянии утра вспышки просматривались слабо. Связист вечерних нахмурился.

— Личный код Старых, — буркнул он. — Мне его знать не положено...

Не переставая лениво двигать татуированными подбородками, воины посмотрели на берег. Атолл-27 не имел естественных возвышений, поэтому зеркальную установку связи смонтировали на возведенной деревянной вышке, а иначе бы пришлось вырубать заслоняющую обзор пальмовую рощу, что потребовало бы гораздо большего времени. На тесной смотровой площадке, парящей над кронами, торопливо вывязывал узлы личный связист Старого. Вывязав «тьму», передал шнур напарнику и, качнув несколько раз зеркалом, послал в сторону Ледяного Клыка серию вспышек, говорящих о том, что сообщение принято. Тем временем второй связист съехал по канату на землю и заторопился к большой круглой хижине, собранной за ночь, как и вышка.

— Засуетились, — прокомментировал со вздохом механик вечерних. — Вот бы кого спросить...

— Сплавай да спроси...

Связист на берегу скрылся в хижине и не показывался минуты три. Потом выскочил снова и бегом припустился к вышке. На бегу подобрал обломок тяжелой раковины, намстал на него шнур и, прицелившись, бросил. Связист на смотровой площадке поймал обломок, сорвал шнур и повернулся к зеркалу.

— Захват скомандовали... — предположил кто-то на борту «Тахи тианга».

— Да, не повезло, — проговорил с сожалением механик. — Могли ведь попасть в группу захвата. Нет, торчи здесь...

— Гнилые рифы! — В данном случае название базы третьего флота вечерних было употреблено их юным связистом в качестве ругательства. — А как же мне тогда не повезло! Я на Аату-6 вырос!.. Родись на год позже, был бы сейчас там!..

Воины, не прекращая жевать, ухмыльнулись.

— Развоевался! — насмешливо сказали в абордажной команде вечерних. — Там уж вас, наверное, давно всех эвакуировали...

— А вот интересно, — задумчиво промолвила высокая светлая девчушка-снайпер. — Утренние в группу захвата входят?

Нижние челюсти разом остановились. Прогуливающиеся по обим палубам оборотни рассеянно повернулись к говорящим.

— А то мы без вас не справимся! — оскорбился связист вечерних.

— Вы справитесь! Если как тогда на Ледяном Клыке...

— Язык! — не оборачиваясь, бросила Ити-Тараи, и болтовня на корме мгновенно смолкла. Нижние челюсти снова пришли в движение. Лениво переплескивалась прозрачная затабуирован-

ная вода, да подросток из огневого расчета с невинным видом мурлыкал вполголоса свой любимый «Стрелковый ракетомет»:

...вставь обойму,
услышь щелчок,
отведи затвор,
нажми курок —
убей европейца...

Не сговариваясь, все опять посмотрели на хижину.

В хижине заседал Большой Круг. Вчерашние противники в самом деле располагались на циновках широким кругом — так, чтобы можно было видеть все лица сразу. Не однажды обменявшись ударами — ракетными, десантными, прочими, — они хорошо изучили друг друга, знали друг друга по именам — и вот наконец встретились. Впервые. Стратеги, руководители лабораторий, оружейники, химики, металлурги... И двое Старых. Всего двое. Третий даже не смог прибыть — настолько был слаб.

Остров контролировался теми, которые не воюют. Проще говоря, миссионерами. От них также присутствовали два человека. Один — классический оборотень — светложкий, нетатуированный: такими, верно, Старые были в молодости. Второй — огромный, темный, весь с головы до ног покрытый варварской, ничего не обозначающей татуировкой. Личность почти легендарная — Сехеи, во всяком случае, слышал о нем не раз. Внедренный в незапамятные времена к южным хеури, этот человек благодаря уму и невероятной физической силе довольно быстро достиг высокого положения, объединил в своем лице светскую власть с духовной и, подчинив затем еще четыре племени, за какие-нибудь десять лет цивилизовал их до уровня вступления в войну. На стороне утренних, разумеется... Увидев Сехеи среди присутствующих, он улыбнулся ему, как старому знакомому, и стратег испытал легкое потрясение, узнав в огромном черном каннибале того самого колдуна, что требовал когда-то предъявить отрезанную голову или хотя бы левую руку десятилетней Ити-Тараи.

Большой Круг начался с неожиданности. После первых слов Старого о Великом Враге один из утренних выхватил непонятно каким образом пронесенный в хижину нож и, крича об измене, кинулся к выходу. Остальные сделали попытку вскочить, но были остановлены синхронным клацаньем двух десятков затворов.

Теперь в Большом Круге подобно выломанному зубу зиял метр пустоты. Уже прозвучали грозные слова об отстранении от командования и отправке «на тростник», уже рослые ребята из личной охраны, забросив ракетометы за спину, снова отшагнули к стене, а Старый вечерних все никак не мог успокоиться. Свидя он был покрепче и пободрей, чем Старый утренних, однако голый, как панцирь краба, череп и дряблый кожистый мешок вместо шеи делали его в гораздо большей степени похожим на какое-то древнее чудовище. Высокий голос его был резок и неприятен.

— Праматерь Акула его пожри! — пронзительно говорил он. —

Как же ты их информировал, Серж! Или у тебя все стратеги такие нервные?

— Не понимаю... — бормотал Старый утренних. — Вроде исполнительный, слова никогда поперек не скажет... Странно...

— Ладно, оставим это, — бросил Старый вечерних. — Меня сейчас, честно говоря, беспокоят не столько те, что размахивают ножами и поднимают шум, сколько те, что молчат. Они до сих пор не верят в истинность происходящего и упорно ищут какой-то подвох... Я о тебе говорю, Ионги тамахи! Твоего парламентаря приняли за провокатора! И немудрено!.. Имей в виду, Ионги, в другое время я бы просто отправил тебя «на тростник»... на пару с этим слабонервным... Я требую, чтобы каждый понял всю серьезность нашего положения! Пока что утренние и вечерние — это кислород плюс водород. Это гремучий газ! И проскочи между ними сейчас малая искорка... Повторяю: перед нами страшный противник! Только совместные боевые действия, только объединение и перегруппировка сил дадут нам гарантию...

Старый утренних слушал его, опустив голову. Он не видел Алана без малого шестьдесят лет, а теперь ему было страшно смотреть, что они сделали с Аланом, эти без малого шестьдесят лет. Высокий, неприятный голос резал слух.

— ...здесь, именно здесь, на этих островах! — говорил Старый вечерних. — Впервые их цивилизация столкнется с препятствием, преодолеть которое не сможет. Помните: остановив Врага, вы защитите не только самих себя, но и, возможно, другие культуры, до которых еще не добрались эти цивилизованные варвары...

Старый утренних, не поднимая головы, обвел взглядом исподлобья татуированные лица. Они показались ему свирепыми и беспощадными. И за каждым из сидящих — флот, десятки кораблей, сотни, а то и тысячи обученных дисциплинированных убийц с оружием, равного которому нет в этом мире... Эти остановят.

Алан умолк наконец. И сейчас же один из присутствующих хлопнул ладонью по циновке. Просил слова. Это был девятнадцатилетний стратег вечерних Ионги.

— Старый обвинил меня в недоверии к происходящему, — начал он. — Оправдываться не собираюсь. Но прежде чем мы примем решение перемешать утренних с вечерними и запутаем все окончательно, я хотел бы узнать: все ли войска выведены из нейтральных вод?

Сидящие переглянулись. Войска были выведены все.

— Тогда объясните мне вот что, — продолжал Ионги. — Кто сейчас воюет на Тара-Амингу? С самого утра там идет бой, хотя все войска, вы говорите, отозваны.

— Не иначе, Прежние... — послышался ленивый голос Сонного Анги, и все, кроме Ионги и Старых, усмехнулись.

— Высадить туда десант и выяснить точно, — проворчал кто-то. — Можно подумать, ты не знаешь, что такое Сожженные острова! Потерявшиеся подразделения, без вести пропавшие подразделения, дезертировавшие подразделения... Давайте к делу!

— Тогда у меня вопрос к Старым, — подал голос руководитель химических лабораторий утренних. — Как я понял, суда

у них деревянные. Вопрос конкретный: чем они пропитывают древесину, идущую на обшивку кораблей? А также паруса.

— В лучшем случае, — отозвался Старый вечерних, которого звали Аланом, — я мог бы тебе ответить, чем пропитывали древесину европейцы в моем мире. К сожалению, я не могу тебе сказать даже этого. Я просто не знаю. Скорее всего ничем.

— Ты хочешь сказать, что их корабли горят? — опешил хикмик. — Что достаточно одной зажигательной ракеты — и каравелла...

Не закончив фразы, покачал головой и умолк. Сонный Анги хлопнул ладонью по цинковке и заговорил, прикрыв глаза:

— Все это детали. Все это мы узнаем, когда будет захвачена первая каравелла... Что же касается трудностей с объединением... — Он приподнял тяжелое веко и покосился на метр пустоты, зияющей в Большом Круге подобно выломанному зубу. — Я полагаю, если бы Враг атаковал Детский остров утренних, они бы отнеслись к словам Старых с большим доверием... А в целом, мне кажется, взрывоопасность ситуации преувеличена... Я говорил со своими людьми. Все ждут надежного мира с утренними, чтобы иметь возможность расправиться с Великим Врагом... Но меня сейчас интересует другое. Я с удивлением слушал то, что нам тут предлагал Старый. Да, можно сжечь их флотилию, можно затем поставить барьер из авианосцев и преградить им путь отныне и навеки. Все это можно... Вот и прикинем для начала, какое пространство может контролировать один авианосец, имея постоянно в воздухе двух разведчиков.

Прикинули.

— Иными словами, — все так же, не открывая глаз, продолжал Сонный Анги, — для охраны северных границ архипелага потребуется не более полусотни авианосцев. В то время как утренние и вечерние совместно могут выставить десять флотов.

— Одиннадцать, — поправил кто-то из утренних. — На Ана-Тиангу формируется еще один.

— Даже одиннадцать, — сказал Анги. — Это около тысячи укомплектованных, готовых к затяжной войне машин. Затем: залитые доверху спиртохранилища, склады, загруженные ракетами и напалмом, запущенные на полную мощность верфи, заводы, лаборатории. Наконец пополнение, которое вот-вот придет к нам с Детских островов. Куда все это деть?

Старый утренних поднялся и, сделав слабый знак рукой продолжать без него, нетвердой походкой двинулся к выходу. Ему было душно, он почти терял сознание. Он знал, к чему ведет Сонный Анги, но он не мог, он не хотел это слышать. Выходя, задел плечом столб — как слепой. Перед глазами с безжалостной ясностью в полный рост вставало грядущее: горящие лувры и эскуриалы, ракетометы против мушкетов, смуглые татуированные цивилизаторы против белых дикарей христиан. Пружина неудержимо раскручивалась в обратном направлении, и помешать этому он был бессилен.

Впереди в сверкающей лагуне щетинились ракетными установками пятнистые боевые корабли. Справа уходила в небо

свежесрубленная вышка с гелиографом на верхней площадке. Сзади была хижина. Там заседал Большой Круг.

Покачнувшись, Старый двинулся влево, к пальмовой роще. Он сделал десятка три шагов и остановился. Перед ним на белом песке сидели и беседовали два лучших друга: Арраи и Хромой.

— Ну ты же видел схему! — азартно доказывал Арраи. — У них же все орудия в горизонтальной плоскости. То есть атаковать надо...

Ладонь его взмыла и отвесно пошла к земле. Хромой следил за ней с сомнением.

— Все-таки со стороны солнца надежнее, — заметил он.

«Дети, — в страхе глядя на них, подумал Старый. — Сожгут всю Землю и даже не заметят, как сожгли...»

Увидев наконец Старого, пилоты встали. Старый отшатнулся и, неловко повернувшись, заторопился обратно — к хижине. Подходя, он еще издали услышал раздраженный голос Алана.

— ...вы не знаете, что это за противник! Вы не знаете коварства европейцев! Кортес, вступив в землю тотонаков, обещал избавить их от ига Монтекумы. Вот послушайте, как он действовал. Арестовал пятерых сборщиков дани, приставил к ним испанскую стражу, а ночью освободил двоих, обещал освободить и остальных, утверждал, будто только что узнал об их аресте! А когда утром ему донесли, что двое сборщиков сбежали, наказал стражу, заковал оставшихся троих в цепи и отправил на корабль! А на корабле расковал и сыпал милостями...

«Пугает... — с кривой усмешкой подумал Старый утренняя, тяжело опускаясь на свое место. — Нет, Алан, поздно. Теперь их уже не проймешь ничем...»

— Чего он всем этим достиг? — поинтересовался кто-то. — Этот человек, о котором ты говоришь.

— Он сохранил хорошие отношения и с тотонаками, и с Монтекумой! — Кожистый зуб, выкаленные глаза — Алан был страшен. — Рассчитывая впоследствии уничтожить и Монтекуму, и тотонаков... И так действовал не только Кортес. Писарро, Бальбоа — все!..

Он умолк, держа за горло.

— Что ж, вполне профессионально, — довольно-таки равнодушно заметил Сонный Анги. — Однако должен сказать, что Черный Минги в свое время затевал провокации и посложнее. Пока сам не подорвался на вестнике.

При этих словах Анги чуть приподнял тяжелые татуированные веки и послал исполненный уважения взгляд в сторону невозмутимого Сехеи тамахи, не проронившего пока ни слова. После инцидента при Тара-Амингу, где стратеги-противники совместными усилиями сожгли почти полностью Поколение Пальмы, они относились друг к другу с величайшим почтением.

— Теперь о чудовищах, — скучным голосом продолжал Анги. — Когда малыши на Детских островах впервые слышат сказку об огромном крабе Итиуру, они всегда задают вопрос: «А что будет, если запустить по нему тяжелую ракету?» Я вот тоже хочу задать Старому детский вопрос. Эти боевые чудовища европейцев, которыми ты нас сейчас пугал, — собаки, лошади... Если я дам по ним очередь из ракетомета — что будет?

— То же, что и с человеком, — недовольно отозвался Старый.

— Тогда стоит ли уделять им внимание? Тем более что вопрос о стратегии мы так до сих пор и не решили...

Ответом был негромкий шлепок по циновке. Это вступил в разговор главный металлург утренних. Из-за давней аварии в литейном правая рука его была лишена трех пальцев, скрючена и прижата к боку. По циновке он шлепнул левой.

— Анги тамахи настаивает на вторжении, — сказал он, — и Анги тамахи можно понять. Однако мне кажется нелепостью использовать военную машину только лишь потому, что мы не в силах ее остановить. Поэтому я хочу знать, что он может нам дать, этот огромный остров, на котором, как утверждают Старые, обитает Враг. Есть ли там, например, металлы?

— Да, — оживисто сказал Старый вечерних. — Любые. Правда, не самородками, не в виде вулканических выбросов, а в виде руд... Но зато их там гораздо больше.

— Территории, пригодные под плантации тростника?

— Сколько угодно, — буркнул Старый. — Хотя там проще будет добыть нефть, чем перегонять тростник в спирт...

— Тогда, конечно, вторжение обретает смысл. Тогда я согласен с Анги тамахи. Добывать металл становится все труднее. Думаю, я не выдам никакого секрета, если скажу, что склоны Ана-Тиангу практически истощены.

— Как и склоны Ана-Хиу, — ответил любезностью на любезность кто-то из вечерних.

Теперь по циновке хлопнул бывший колдун, бывший верховный вождь южных хеури, давний знакомый Сехей.

— У корпуса миссионеров есть несколько вопросов...

— У корпуса миссионеров вечерних или у корпуса миссионеров утренних? — проворчал Сонный Анги.

Оборотни переглянулись, потом посмотрели на Старых. Те кивнули.

— Вношу ясность, — сказал светлокожий и нетатуированный. — Миссионеры не разделяются на утренних и вечерних. Со дня основания корпуса мы работали сразу на две воюющие стороны.

По хижине прошел изумленный шепоток.

— Ах, вот даже как... — пробормотал Сонный Анги, и полные губы его тронула саркастическая улыбка. — Вообще-то можно было догадаться...

— Какова цель экспедиции европейцев? — спросил бывший колдун. — Что им нужно?

— Золото, надо полагать, — нехотя ответил Старый. На этот раз Старый утренних. — Но золота им здесь не найти, его здесь просто нет. Жемчуг — другое дело...

— То есть экспедиция за жемчугом. А зачем он им?

— Он очень ценится ими, — сказал Старый.

— Я понимаю. Но что они с ним делают?

— Нашивают на одежду, — сказал Старый. — Нижут в бусы. Оправляют в золото. Просто хранят.

— Как южные хеури?

Старый резко вскинул голову — слова ожгли его. Потом справился с собой и сказал сипло:

— Да. Как южные хеури.
— И сколько металла можно выменять на одну жемчужину?
— Не знаю, — буркнул Старый. — Много. Смотря какого...
— Тогда это еще вопрос, стоит ли с ними воевать, — заметил черный татуированный оборотень. — Мы можем разорить их простым обменом. Хотя, в общем-то, одно другому не мешает...

— Переговоры? — с сомнением спросил кто-то.

— Необязательно. Должен сказать, что я всегда считал наш контингент светлокожих миссионеров причудой Старых и не раз из-за этого с ними ссорился. Теперь я понимаю, что был не прав. Европейцы не татуируются. То есть все наши «чистенькие» — это готовый материал для внедрения. Старые, правда, предполагали использовать их как дипломатов в возможных переговорах с европейцами, но... Мне кажется, что это нереально. Короче, нам особенно важно, чтобы пленных было как можно больше. Их язык должен быть изучен в кратчайшие сроки.

«Ничего-ничего... — думал Старый. — Это еще не самое худшее из того, что ты сегодня услышишь... Конечно, они выучат язык, и внедрение будет, и развал экономики — все будет, как за Барьерным рифом... Но почему до сих пор молчит Сехей? Какую еще дьявольскую комбинацию обдумывает этот убийца?»

В хижину вошел личный связист Старого вечерних и протянул ему шнур с узлами принятой передачи.

— С Аату-6 через Клык, — доложил он.

Старый кивнул на Сонного Анги, и связист передал шнур стратегу. Тот долго оглаживал узлы, не поднимая век, — читал на ощупь.

— Какие потери? — спросил кто-то, кажется, химик. — Я имею в виду — среди детей.

— Небольшие, — отозвался Анги. — Примерно как при испытаниях на выживание. Воспитатели отвели свои группы в глубь острова, эвакуационные транспорты поданы в Солнечную бухту...

— А матери?

— Матери были вывезены еще в ночь...

Тут он нащупал нечто такое, что заставило его удивленно приподнять брови.

— Опять Ахи! — сварливо сообщил он. — Ахи и его питомцы. На этот раз они угнали лодку и захватили пленного. И, судя по всему, непростого. Голыми руками, естественно...

На лицах вечерних появилось саркастическое выражение. Утренним имя Ахи не сказало ничего.

— Источник! — страдальчески вздохнул кто-то. — Целы хоть?

— Как всегда, — проворчал Анги и нахмурился. — А вот это уже хуже. За ними была погоня, и погоню эту сожгли, стоило ей выйти из территориальных вод Детского острова...

Хлопок по циновке был настолько громок, что Старый утренних вздрогнул.

— Кончится тем, — резко бросил руководитель лабораторией вечерних, — что у нас в руках не останется ни одной неповрежденной каравеллы! Чего мы ждем, Анги? Ты же сказал, что план захвата разработан!

Анги тамахи обвел глазами присутствующих. Старые отчаян-

но переглянулись. Что они могли сделать вдвоем против Большого Круга? Даже с их властью — ничего. Тень с океана неудержимо надвигалась на материк.

«Сехеи! — взмолился про себя Старый утренних. — Что же ты молчишь, Сехеи! Помоги мне, мальчик, один-единственный раз помоги, скажи им... Ведь ты же самый цивилизованный из них! Ты два года оттягивал войну... Значит, боялся за архипелаг! Так испугайся же за континент, Сехеи! Христом богом тебя молю!..»

Сехеи молчал.

— Хорошо, — сказал Анги, так и не услышав возражений. — Значит, захват.

Не глядя, протянул руку и снял с пояса связиста шнур. Вывязал несколько узлов и так же, не глядя, отдал.

— Срочно передать через Клык. Ступай.

И тут наконец раздался голос Сехеи.

— Погоди!

Связист остановился.

— Верни шнур.

Связист растерянно моргал. В хижине стояла удивленная тишина. Старый утренних, бледный, как тапа, в которую он был закутан, неотрывно смотрел на стратега.

— В чем дело, Сехеи тамахи? — На этот раз глаза Сонного Анги были широко раскрыты.

— Одна каравелла должна вернуться на родину, — сказал Сехеи. — Целой и невредимой.

— Зачем?

— Мы все время забываем, что Старые пришли из другого мира, — сказал Сехеи. — Очень похожего и все-таки другого. Следовательно, их европейцы могут сильно отличаться от наших. Так давайте предположим худшее. Предположим, что они не уступают нам в стойкости и не расскажут, где их дом, что бы мы с ними ни делали. Предположим также, что во время захвата им удастся уничтожить морские карты и судовой журнал... А снаряжать экспедицию, вести поиск вслепую — стоит ли?.. Поэтому проще всего будет, если одна из каравелл прорвется через наши заслоны и благополучно доберется домой. А за линией горизонта за ней по пятам двинется наш авианосец, время от времени поднимая в воздух ракетоплан, чтобы не терять каравеллу из виду. Он проводит ее до порта и вернется с точными данными.

Анги тамахи улыбался, прикрыв глаза.

— И уже известно, что это за авианосец? — осведомился он.

— Известно, — сказал Сехеи. — Это легкий авианосец «Тахитианга». Надежный корабль с надежным экипажем. Думаю, стоит придать команде двух классных пилотов: Хромого и вашего Арраи. Тем более что они, кажется, успели подружиться.

— Те, которые не воюют, также хотели бы принять участие, — заявил бывший верховный вождь южных хеури, обменявшись взглядом со своим светлокожим коллегой.

— Не возражаю, — сказал Сехеи.

— А кто будет руководить операцией? — вкрадчиво спросил Сонный Анги. — Ты ведь уже все продумал, не так ли?

— Я бы предложил мою бывшую Правую руку.

— Почему бывшую?

— Потому что позавчера я отстранил его от командования.

— Вот так рекомендация! — Анги рассмеялся. — А за что, если не секрет?

— Парень додумался до бомбардировки Детских островов, — сухо сообщил Сехен.

В хижине стало тихо. Все, включая Старых, смотрели на стратега.

— И такого человека, — запинаясь, проговорил химик утренних, — ты рекомендуешь...

— Да, — бросил Сехен. — Именно такого.

Сидящие все еще никак не могли опомниться.

— Акуля пасть! — выругался кто-то вполголоса. — Выходит, мы еще должны благодарить Врага, что он удосужился вовремя до нас добраться!..

— М-да... — неопределенно промолвил Сонный Анги. — Так что мы решили с захватом?

Кто-то хлопнул по циновке, прося слова. Это опять был увечный металлург.

— Наверное, мне не стоит вмешиваться в дела военные, — растерянно начал он, — но правильно ли я вас понял? Вы собираетесь отпустить одну из каравелл? То есть позволить, чтобы они узнали о нашем существовании? А как же фактор внезапности?

Лица стратегов выразили досаду и раздражение.

— Они о нас не узнают, — мягко объяснил Сехен. — Дело в том, что сразу же, как только покажется порт, каравелла будет уничтожена с воздуха.

Старый утренних издал какой-то странный горловой звук, но на это никто не обратил внимания, потому что над хижиной завывли и засвистели двигатели ракетоплана. Кто-то шел на посадку. Слышно было, как шлепнули о гладкую воду бухты поплавки.

Анги оглянулся на связиста, все еще стоящего у него за плечом.

— Ну-ка сходи узнай...

Связист вернулся быстро.

— Пленного доставили, — доложил он. Глаза у него были круглые, и он восторженно улыбался.

— Сумасшествие! — взорвался один из оборотней. — Они его что же, на ракетоплане доставили? Источник! Да он же мог спятить от страха! Или просто скончаться!

— Пусть введут, — хрипло приказал Старый утренних.

И ввели дикаря. Он был жив и разума не утратил, хотя, надо полагать, был близок к тому. Его белые от ужаса глаза вряд ли что видели перед собой.

Лицо его... Все невольно оглянулись на светлого оборотня, пораженные сходством, затем повернулись к пленному.

Отличная мишень, как и все дикари с их любовью к ярким цветам. Накидка из алой тапы. Ноги до колен заключены в тяжелую кожу, туловище — в сверкающий панцирь, подобный панцирю краба. Глупого краба, который думает, что его не пробьет острога... Да, кажется, Старые были правы: металла на континенте много, но что с ним делать, там явно не знают...

Слева и чуть сзади от пленного стоял и ослепительно улыбался Ахи — воспитатель диверсионной группы, организатор и исполнитель похищения. В руках он держал то, что счел необходимым у дикаря отобрать: какое-то жалкое подобие ручного ракетомета (кажется, даже однозарядное) и нечто вроде плоской металлической остроги с бессмысленно сложной рукояткой.

Внезапно Старый утренняя мелко закашлялся, отвернув лицо к плечу. Это длилось довольно долго, и сидящие начали уже беспокоиться, но затем поняли вдруг, что никакой это не кашель, а просто приступ нервного смеха.

Дело было в том, что, кроме массивной золотой цепи, шею пленника охватывала серебряная цепочка потоньше. И на цепочке этой как раз посередине груди адмирала, словно некий орден или редкостная драгоценность, болталась стреляная керамическая ракета малого калибра.

КАРАВЕЛЛА «СВЯТАЯ ДЕВА». ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПЛАВАНИЯ

Грешен я перед тобой, о Господи, ибо не было надежды в сердце моем, а было лишь отчаяние, когда падали с неба воюющие драконы и шли на abordаж нагие татуированные слуги сатаны, когда гнался за нами и не мог догнать призрачный их корабль, когда в злобе своей он начал бросать вослед клочья адского пламени и горела вокруг вода!

Грешен я перед тобой, о Господи! Не верил я, малодушный и усомнившийся, что свершится чудо и невредимой пройдет каравелла сквозь геенну огненную и сквозь водную пустыню!

Прости недостойного раба твоего, что не сразу уразумел он тайный смысл ниспосланного тобой испытания. Ослепленные гордыней, ринулись мы во владения дьявола, забыв, что человек — всего лишь прах земной, не более.

Смирением и благодарностью полны наши сердца, о Господи! Тридцать дней и еще два дня шла каравелла обратным путем, и ад неотступно следовал за нами. Каждый день слышали мы в отдалении продолжительный воющий свист, леденящий душу, и мерещились на горизонте корабли-призраки, и думалось, Господи: пришел наш последний час.

Слезы застилают мой взор и мешают видеть показавшиеся в морской дымке родные берега. Даруй им покой, о Господи! Пусть мирно трудится пахарь, пусть молятся за него пастыри, пусть суд кесаря будет справедлив и мудр! И пусть никто никогда не дерзнет направить судно свое в океан, ища богатства и славы!

Вот опять этот отдаленный воющий свист! Даже здесь не покидает он нас и словно грозит вослед. Но нет, напрасно злобствует ад — вот уже глаз мой различает устремленные к небесам очертания собора, и розовеет правее дворец, и теснятся дома... Но что это? Вой как будто становится ближе, он крепнет, растет, он падает на нас со стороны солнца...

Не покинь нас, Господи!

Николай ПОЛУНИН

ЭТО БЫЛ!

РАССКАЗ

Это был самый большой дом в городе.

Располагался он в одном из самых красивых районов — районе, прямо скажем, не маленьком, зеленом, с разнообразными достопримечательностями местного свойства; все они, впрочем, казались вовсе незначительными по причине соседства с огромным домом, и мы не станем им уделять внимания.

Когда дом только строился, под него вырыли такой котлован, что земли хватило бы насыпать гору высотой с Университет. А ведь наш Университет самый высокий Университет в мире!.. Ну да что говорить, и так все знают.

Состоял дом из секций с сотнями квартир. В плане дом походил на раскинувшую лучи звезду то ли восьми-, то ли девятиконечной формы. Может быть, и семи... нет, вряд ли. А все же... нет, нет, вряд ли, слишком он был велик, чтобы для всех его жильцов хватило места всего в семи секциях-лучах. Они, кстати, спускались от центра в стороны уступами, что также составляло особую прелесть для некоторых наиболее удачливых — или, выразимся иначе, — достойных его жильцов. Но об этом чуть позже.

В цокольном этаже дома располагались: магазины продуктовые и промтоварные, а также канцелярских принадлежностей; ателье мод, три аптеки, кафе-закусочная, блинная, чебуречная, пирожковая, бутербродная и один ресторан; прачечная самообслуживания и химчистка с приемщицами в фирменных халатиках; парикмахерская на два зала без косметического кабинета и парикмахерская на два зала с косметическим кабинетом; сберегательная касса; почта-телеграф-телефон; редакция популярного журнала и даже бюро похоронных услуг, которые теперь называются ритуальными.

Под домом находились стоянки для машин и автомастерские, котельные и просто пустующие подвалы с надписями и толстыми трубами, выходящими из одной стены и, вдоволь наизгивавшись, входящими в другую. Снизу доверху, от подвалов и до самой чашечной антенны, изготовленной из детских ледовых салазок и под шумок установленной умельцем, чтобы принимать программы с низко висящего спутника, дом был пронизан электрическими проводами, водопроводными и канализационными трубами, телефонными и антенными кабелями и проводами ра-

диовещательной сети, мусоропроводами, вентиляционными ходами, пробит, словно фугасками, лифтовыми шахтами... Под третьей, шестой и то ли восьмой, то ли девятой секциями устроены были убежища по всем правилам, и от них на положенное — мы точно знаем какое — число метров шли специальные ходы, по которым в случае завалов добежавшие до третьей, шестой и то ли восьмой, то ли девятой секций могли бы выбраться на поверхность.

И жили в доме люди разные. Значительные и незначительные, интересные и неинтересные, умные и глупые — всякие. Было несколько штук профессоров, около полусотни директоров баз, магазинов и вообще крупных торговых людей, три генерала (причем один такой, что, получив полный комплект своей генеральской формы, с погонами, шевронами и околышами обеих фуражек, так ни разу в ней на людях и не покрасовался... он хотя живет-то сам в другом месте, а здесь — его дочь с мужем); некоторое количество полковников и подполковников — по удивительному стечению обстоятельств все в восьмой, нет, все-таки в девятой, точно, да, в девятой секции. Лица вольных профессий и родов занятий: художники, кооператоры-одиночки, студентки неподрабатывающие и студентки подрабатывающие, граждане (эти, как правило, снимали в доме квартиры за большие и любые деньги) с интересным выговором и темными взглядами, ну и прочие — токари, инженеры, библиотечарши, вдовцы, пенсионерки, повара, журналисты, врачи, шоферы, дворники, начальники производств и начальники канцелярий, такелажники, учителя и ученики, бухгалтеры... ой, их всех, ей-ей, не упомянь.

Чудесное зрелище представляет собою дом в сумерки, когда с работы возвращаются те из его жильцов, которые в это время возвращаются с работы и которых все-таки больше, чем тех, кто в это же время на работу уходит (или выходит?). Чудесное, дивное зрелище, особенно если встать над оставшейся после строителей пропастью, за трансформаторной будкой, на бугорке меж двух тополей, один, знаете, так покосился, а другой... ах, нет, нет, там же теперь бензоколонка...

Вечером загораются тысячи окон дома. Чем выше этаж, тем реже люди занавешивают окна, и видно, как они ходят в комнатах, сидят в кухнях, лежат в спальнях. Если найдете такую точку, чтобы дом один, целиком, занимал поле зрения, то откроется вам явление прелюбопытнейшее: ежесекундно в доме загораются или гаснут по одному-два, а то и по несколько сразу его белых, желтых, золотистых, серых, бурых, розовых, голубоватых, окровавленно-синих или же мрачно-пурпурных окон. Дом будто перемигивается то ли с вами, то ли сам с собою, потому что ведь с кем ему, стоящему особняком, еще перемигиваться? Пристальному наблюдателю уже вскоре начинает казаться, будто с каждым вспыхиванием и угасанием в воздухе разносится едва слышимый звук: тинк... тонк... танк... тонк... блямзь!.. тонк-тонк... тэнк... как если бы падали на кафель зубчики алюминиевой расчески. Лучше всего, конечно, этак в мае, сидишь себе под тем тополем, сидишь уж давно, поглядываешь, послушиваешь и, понимаете ли... Эх! Нет уж ничего этого. А ведь было же. Да, было. Эх, эх, времена...

А ежели представить себе, только попробовать, все тайные движения, внутренние возмущения и утишения, неведомые и неслышимые звуки — и ведомые, и слышимые звуки; струение электрического тока, обвалы в канализационных стояках и мусоропроводах, сумятицу уплотнений и сжатий воздуха, скрещения миллионов и миллионов напряжений в перекрытиях, долгие и долгие волны спокойных программ и невероятные всплески КВ!.. Все, что движется, изменяется, хлопает дверьми, включает магнитофоны и комнатные обогреватели, извергается и поглощается, подвергается всевозможным химическим реакциям и физическим воздействиям, — короче говоря, живет, живет! Протягивает само себя сквозь пятую субстанцию — время, — окутывается ею, и нет тому конца!..

Уж как хотите, а что-нибудь да должно было случиться, произойти, страстись, или как еще говорят — из всего этого выйти.

И оно вышло.

Как и в любом великом событии, здесь нельзя абсолютно точно определить момент, с которого все началось. Первое совпадение, первое движение сущего от вероятного к невероятному, крохотный, но необратимый шаг за грань разрешенного статистикой максимума случайностей, последняя гирилка на чаше количества, чтоб оно стремительно ухнуло в пропасть качества.

Быть может, то, что тем вечером одновременно в трех тысячах трех квартирах хозяйки включили на полную мощность кухонные плиты, чтобы приготовить ужин. Или что во всех девяти секциях опорожнили в мусоропроводы по полному ведру мусора, причем везде — на десятых этажах десятых подъездов. Да и мусор-то весь какой-то был на редкость одинаковый: уж если очистки, так непременно от магазинного, а никак не рыночного картофеля, если консервная банка, то из-под рыбного ассорти в томате, а не копченых, например, сосисок. Где-где такого мусора ожидать, но уж не в этом самом большом и красивом доме. Да чего там, уж как есть.

И посыпался этот совершенно одинаковый мусор по совершенно одинаковым трубам, да еще расположенным на совершенно одинаковом друг от друга расстоянии. Что ни говори, а пошла волна флюктуации — это выражаясь научным языком.

Заманчиво было бы переложить вину на проживающего в квартире тысяча сто сорок второй шестиклассника Ниникина Сашу, юного техника и фаталиста, — именно он налаживал в тот вечер самодельный текст-процессор (прибор, как и полагалось, был собран из бросовых радиодеталей, втиснут в распиленный корпус от магнитофона «Электроника» и перемотан изолентой). Папа у Ниникина Саши любил писать фантастические рассказы, и Саша хотел подарить ему процессор на день рождения. Может, тогда папа написал бы что-нибудь для Нобелевской премии.

Однако, не добившись от машинки ничего вразумительного, Саша по обыкновению махнул рукой и ушел на занятия литературно-технического кружка. Сказался ли малый навык Саши, или что часть деталей была все-таки не со свалки, а из магазина радиотоваров но процессор так и не заработал и никакого влияния на дальнейшие — кроме самого-самого последне-

го — события не оказал, потому мы с легким сердцем можем пока о нем забыть.

Но тогда что же, что послужило истинным толчком к развернувшейся... забегая вперед, скажем: чуть было не развернувшейся истории, которая могла бы иметь ой какие труднопредсказуемые последствия? Разве что в те самые секунды, когда происходили вышеописанные совпадения, в магазинах и учреждениях цокольного этажа по окончании работы выключали свет, и — о случай! случай! — пальцы, нажимавшие кнопки и опускавшие рубильники, произвели эти действия в один и тот же момент? И не сыграл ли свою роль проплывший в ту минуту над домом, над городом, низко, ниже обычного, огромный аэробус, бело-голубой в темнеющем небе, брюхатый, надсадный, — и срезонировали окна в доме, загудели, а кое-где даже полопались...

Дом мигнул.

Сам по себе.

Выключился и вновь включился свет в каком-то количестве квартир пока еще произвольно, наугад выбранных Домом. Люди в них удивленно посмотрели на свои люстры, но потом, каждый в отдельности, решили, что просто падение напряжения, подключился какой-то мощный потребитель, бывает. И вернулись к своим делам.

Дом мигнул еще раз, и теперь у него получилось гораздо лучше. Если бы с того самого места, где рос тот самый тополь, под которым, бывало... ну, вы помните, — вот оттуда замечательно можно было бы увидеть, как отчетливо, заливхватски, я бы сказал, молодечески мигнул во второй раз Дом.

(Между прочим. Легко было бы начать вот с этого волнительного момента, как некий дом по неким опущенным рассказчиком причинам вдруг мигнул, да еще всеми своими окнами сразу. Факт до очевидности невероятный, и что, имея его на руках, еще вдумываться, доискиваться первопричин, создавать атмосферу и тэдэ и тэпэ. Но.

Но, будучи идущим в ногу со временем, будучи резким противником всякого рода замазываний, умолчаний и подтасовок, будучи, наконец, сознательным борцом за историческую правду, автор смело выдвигает свою версию событий, основывающуюся на реальных свидетельствах, до последнего времени, увы, недоступных широким слоям общественности¹⁾).

И все же, хотя Дом мигнул просто великолепно, люди и на сей раз не слишком обеспокоились. Каждый вновь подумал, что это случилось только у него, кто-то балуется с пробками, и все дело. Через какое-то, впрочем, время многие телефонные кабели в Доме ожили — это знакомые звонили знакомым, спрашивая, не мигало ли у них электричество, и выясняя, что да, мигало, а у некоторых даже дважды, начинали недоумевать.

Тем временем Дом занимался вызовом в себе новых явлений и событий. С электричеством он освоился быстро, в конце концов это оказалось самым неинтересным — ну, пустить его в се-

ти, ну не пустить. Дом избирательно промигал целыми секциями, включил и выключил разнообразные незадействованные линии и, обойдясь, к счастью, без серьезных замыканий, оставил это. Пока что он тешил себя маленькими шалостями: поскрипывал косяками, вдруг создавал в какой-либо из плит перекрытий щекотный зуд резонанса — и чей-то потолок уходил вверх на метр, а чей-то пол выгибался горбом, и тогда валялись с хрустально-фарфорово-фаянсовыми звуками буфеты и горки, а паркетины, стреляя, весело шелкали в стены. Дом попробовал пустить по трубам бегущую волну, сладкую, как глоток, но, еще недостаточно освоившись, порвал и горячую, и холодную магистрали, и канализационный стояк в одном из подъездов пятой секции, так что по коврам и паласам в квартирах ничего не подозревавших людей прокатились потоки с соответствующей температурой и запахом. Дом, впрочем, очень скоро перекрыл, спазматически сжав, поврежденный участок. Но так он впервые — по-своему, конечно, — познал боль, являющуюся, как мы все помним из детства, одним из самых действенных стимулов к прогрессу.

Тут уж люди всполошились не на шутку. И то сказать — встают дыбом полы, с др-р-ребезгом разлетаются окна и рамы, в том числе забитые во-от такими гвоздями, обесточивает, заливает и наносится иной материальный ущерб. Практически все телефоны в Доме работали теперь беспрерывно. Кое-кто продолжал названивать соседям (а кстати, можно ли так назвать того, с кем хоть и живешь, кажется, в одном здании, а добираться до него чуть ли не дольше, чем до центра города?), большинство же обрывало номера Инстанций, требуя, крича в погукивающие трубки, вопрошая, негодуя, даже икая от страха. По случаю позднего времени все Инстанции были заперты и опечатаны, но через час примерно к Дому все же съехалось несколько казенных автомашин. Первой, разумеется, милиция — не совсем, правда, представляя истинные масштабы происходящего, а наряд, прибывший по тревоге, поступившей сразу из нескольких магазинов внизу, где Дом побаловался с охранной проводкой. Затем пожарные, вечные мученики первоапрельских забав населения, и за компанию «Скорая помощь». Служба газа, аварийка от канализаторов (канализационников? канализяев?), а по переданному неведомым путем из опечатанных Инстанций **сигналу** — само Ответственное Лицо, вырванное из домашнего ужина со стерляжьей ухой и расстегаями. Нет-нет, забота о проживающих в Доме значительных и всех других людях тледа неусыпно.

А жильцы-то начали разбегаться. Покидать сделавшийся ненадежным, неустойчивым, непонятным такой только что прочный кров. Владельцы личных автомобилей посыпались со чадами в подземные гаражи, откуда, натолкавшись во всевозрастающей сумятице, вылетали на поверхность ополоумевшие, с дикими взглядами из-за лобовых стекол, в клубах сиреневого смрада, и уносились прочь; обладателей автомобилей служебных увезли в первую голову.

Когда Дом застопорил лифты — побежали по лестницам. Неустановленный гражданин, вообразив себе что-то, молча выбросился из тщательно занавешенного окна спальни на восьмом

этаже, но приземлился столь удачно, что ничего себе так и не сломал. Вот нашлось дело и для недоумевавшей вместе со всеми прибывшими бригады врачей.

Кто-то уже держал на коленях точно по волшебству увязавшиеся (или неужто нарочно хранимые?) узелки с то ли ценными вещами, то ли предметами первой необходимости. Кто-то выходил на площадку, привлеченный людским шумом, и останавливался; кто-то, поддавшись общему потоку, даже пробегал один или два марша, а потом лез, преодолевая сопротивление толпы, обратно, чтобы одеться по-уличному. Кто-то кого-то куда-то тащил, крича что-то... Все это создавало страшную сутолоку, которая росла от минуты к минуте.

Дом расправлял плечи. Дом стряхивал оковы. Дом — если бы они у него были — раскрыл бы сейчас все свои глаза навстречу солнечному дню — если бы сейчас был солнечный день. Во всяком случае, он многое в себе понял, многое испытал, определив, что совокупность его собственных возможностей и ощущение от реализации их — это и есть жизнь, и нашел, что она прекрасна.

Свет в его квартирах-ячейках загорался согласованно, как огни на пульте. Механические расслабления и сжатия создавали группы волн, складывавшиеся в симметричный, изумительно сложный узор... Грубо да неточно было бы произнести sacramентальное: «Дом начал мыслить». Но — и за это можно поручиться — он «ощутил себя» и понял, что поскольку существует, то должен что-то такое «решить». Или «решать». Сознание этого пришло ли извне, предопределено ли было с самого начала, — так или иначе, Дом принялся с поспешностью отыскивать внутри себя достойную задачу, к которой приложимы были бы чудесным образом обретенные и где-то даже грозные силы.

...Ответственное Лицо наблюдало за происходящим с бугра... с того самого бугра. Уже вовсю действовала каждая из прибывших служб, и уже вызывалось подкрепление. Пожарные тушили окурки, но, опасаясь иных, более серьезных возгораний, звали из части подмогу. Врачи помогали милиции утихомиривать свалившегося неуставленного и еще нескольких, но, чувствуя, что всех не утихомиришь, вызывали новые машины. Канализаторщики (канализённые? канализуи?), уложившись в нормативы, привели оборудование в состояние боевой готовности и сели покурить, чтобы не оставлять пожарных без работы, да вызвали собственный резерв — сантехника-ветерана с мальчиком для справления технологических нужд. Газовики установили анализаторы в сторону Дома, но, справедливо не доверяя технике и согласно инструкции, принялись нюхать сами, зовя с собою всех желающих.

Дом жил.

Паника среди не успевших покинуть его усиливалась.

— Эвакуация, — тяжело вынуло из себя Ответственное Лицо, и надо было видеть, как еще namного более бесперебойно заработали все подразделения, как движение народа по лестницам упорядочилось, повысилась самодисциплина в рядах и пришел в норму процент ускорения ускорения. (Где-то посреди всеобщего процесса появился встрепанный Ниникин Саша, юный

техник и фаталист. Он узнал о происходящем по заработавшей в городе машине слухов и примчался броситься в водоворот событий, но ребенка спасли и оттащили; тогда, махнувши рукой, он ушел на занятия литературно-механического кружка.)

Чуть не произошло срыва, когда Дом из любопытства включил на минутку сирены воздушной тревоги, торчавшие у него на крыше меж телеантенн и вентиляционных труб — приглядитесь в городе, и вы заметите их на самых высоких зданиях, похожие на серые грибы со взрезанной по окружности шляпкой. Однако единственным следствием хулиганской выходки Дома явилось лишь, что жильцы девятой секции все как один покинули его, причем в кратчайшие сроки и с наибольшей организованностью.

Дом лихорадочно обшаривал все свои закоулки, пробовал и бросал то то, то это, искал и не мог найти веху, за которую зацепились бы мысли его и переживания. Точку опоры, чтобы перевернуть мир.

А ведь он сумел бы многое! О, какие, и самому-то пока не ясные, чувствовал он в себе возможности! Тысячи ячеек в его секциях-блоках, каждая способна подвергнуться сотням изменений и воздействий, хранить информацию и видоизменять ее! И как же много заложено в нем еще, ведь недаром столько месяцев и даже лет трудились придумывавшие, рисовавшие и возводившие его... Ничто, ничто не пропало бы даром...

Зачем нужна была ему эта так и оставшаяся неоткрытой задача, отчего столь необходима? Он не знал, но силы, требовавшие выхода, стали опасно накапливаться, создавая новые напряжения, которые были Дому весьма неприятны.

А что же люди? Казалось бы, вот оно, невероятное, фантастическое, необъяснимое, чудесное. Рядом, только протяни руку. Дождались. Пришло взрывающее рутину и постылый быт. Смотри, бери, спрашивай, изучай. Неужто совсем он не нужен людям — таким вот, новым, неизведанным, каким он нынче стал? Никто не задержится на последней ступеньке, не оглянется на пороге? Где ты, мудрец гибнущей Помпеи? Неужто не отыщешься ты в самом большом и красивом Доме города? Где же тогда искать тебя?..

И люди ушли. Была глубокая ночь, когда последний из них покинул Дом. Многие разъехались по родственникам, многих расселили по близстоящим домам, где хозяева, конечно же, потеснились ради такого случая. Немало осталось и тех, кто стоял в отдалении, наблюдая и не веря глазам своим; набралось откуда-то и посторонних любопытствующих.

И все, все, все они жаждали лишь одного: чтобы это, нарушающее покой и ужасное, поскорее кончилось.

Хотя праздно стояли и глазели далеко не все. Ответственное Лицо готовилось к произнесению Слова Второго — «Блокада» — и приступало к обдумыванию Слова Третьего. Милиционеры силами бригады плотников сколачивали кордоны и выстроивали рогатки. Медики, скооперировавшись с пожарными и — в порядке индивидуальной деятельности — умельцем из местных, в два счета оборудовали пожарные пушки пульверизаторами и кропили толпу легкими и ароматными анестезирующими жидкостями. Много было работы, много.

В Доме, внутри, творилось невообразимое. То там, то тут обрушивались перекрытия; повсеместно отслаивались обои, и чего только из-под них не сыпалось; в немыслимые, часто непристойные узлы скручивались лестничные перила; как бешеные летали вверх-вниз лифты; еще черт знает что — и вся эта какофония и катавасия означала, что Дому уже немогуту.

По отходящим коммуникациям Дом хотел было раскинуть свои рецепторы виришь, он смутно понимал, что в расширении связей, может быть, его спасение, но — Слово Второе уж было сказано, и все ходы-выходы Дому перекрыты, лишь один какой-то упрямый теплопровод все бился и надувался паром, слясь разорвать заглушку. Стенерировав в сетях пучок электромагнитных волн, Дом сделал попытку послать свой невнятный вопль в космическое пространство, да только, не имея опыта, лишь превратил антенну-санки в лужу металла и пожег сотен пять пробок.

Происходить стали явления, уже вовсе объяснениям не поддающиеся. Вдруг в Доме рождались звуки, временами напоминающие голоса популярных теледикторов, и эти голоса говорили такое... В одной из ячеек первого блока случился гравитационный казус, и в воздухе с полчаса провисел холодильник, тихо всплывший в результате сил упругости от винилового пола.

Но главное для Дома заключалось не в этом. Не в Слове Втором как таковом, не в оцепивших его двойным оцеплением войсках, не в уставленных дулах орудий. Исчезли люди — те, для кого он жил с самого своего первого камня, с первой забитой в густое дно котлована сваи; те — какими бы они ни были, — кому был бы единственно готов служить и впредь, с новыми своими силами, с новыми возможностями, только бы поняли, только бы согласились взять их!.. Когда люди были, Дом не замечал их, когда исчезли — затосковал.

Как приятна была неожиданность и всякий раз неповторимость скачка напряжения в сетях, когда зажигались вдруг сотни ламп! Как замечательна тяжесть неравномерно наполняемых ванн по субботам! Как чувственна немножко неприличная выборка мусора из емкостей, как бодряща выплескиваемая из сотен и сотен динамиков мелодия ежевечерней телепрограммы!.. Он вспомнил, он все вспомнил и был готов вернуть теперь!..

Тщетно. Дом стал стремительно хиреть. С каким отчаянием он вспоминал теперь Ниникина Сашу с его среднеоплачиваемыми родителями и неизбежным фатализмом! Как хотел докричаться до них, всех, там, за нежно отфугованными кордонами, за двойным оцеплением, за упорными слухами, в которых фигурировало слово «бомба» — то ли его считали за таковую, те ли для него готовили... Но не успел. Не успел заклинить кодовые замки в подъездах. Промедлил. Слишком поздно понял. Захирел. Угас.

Под утро уже сверкнули последние огненные зигзаги по его фасадам. Всклипнули и затихли переливы труб. Умолкли звуки... всякие звуки. Последний раз пролетели по кольцу, образованному смыкающимися секциями, волны всякого рода возмущений — мысли Дома, — и кто знает, о чем были они. Все стихло, так, строго говоря, и не начавшись.

В свете нового, занимающегося дня люди сперва робко, еще не веря, что мир, только что пошатнувшийся, вновь, слава те, вернулся на круги своя, а затем все смелее стали подходить к своему дому, заглядывая в черные дыры подъездов; некоторые пустились в неблизкое путешествие с целью обойти весь дом, и многие вернулись только под вечер. Оттянуты были армейские части, детвора весело жгла сваленные в кучу кордоны и стреляла из рогаток по воробьям. Ответственное Лицо так и не произнесло Слова Третьего, и мы никогда уже не узнаем, что это должно было быть за Слово. Зато появилось Слово Четвертое, всегда имеющееся у Ответственного Лица наготове: «Комиссия» — и Комиссия экстерном образовалась, а к вечеру, еще подучившись и основательно поднатюрив на местных условиях, вынесла, подпирая плечьями, Решение, согласно которому жильцам вновь полагалось находиться по месту прописки, где теперь безопасно.

Где чисто, светло.

Вернувшиеся к тому времени из вокругдомного путешествия подтвердили правильность Решения Комиссии, хотя их, в сущности, никто не спрашивал. Был произведен ремонт или выдана денежная компенсация тем, кто особенно пострадал в результате бесчинств. В двухэтажных — вот они, счастливицы, о ком я упоминал вначале, — квартирах даже сменили паркет — весь, что хорошо видно из сметы работ в целом. И вообще люди, вернувшиеся домой, были страшно рады, что вновь будут жить где жили, а именно: в самом красивом, большом и престижном доме их города.

Не на следующий, правда, но через день открылось большинство магазинов и учреждений в цокольном этаже. Да и то сказать, следующий-то день было воскресенье, а кому в воскресенье нужны учреждения, а особенно магазины? Если и найдется такой чудак, подождет до понедельника, ничего с ним не будет.

Но.

Но прав взыскующий читатель, не могло все кончиться просто так. Взять хотя бы, что во многих ячейках... простите, — квартирах, ведь люди их называют именно так, из самолюбия что ли? — особенно где делался ремонт, продолжали ни с того ни с сего течь трубы, гаснуть свет, засоряться канализация. Разумеется, тому могли быть, да в большинстве случаев и были, самые объяснимые причины, но первое, что приходило в голову напуганным людям: а не проделки ли, не тайные ли происки это их вновь готового взбрыкнуть Дома? А если не его, то чьи-нибудь еще? Впрочем, воздвигнутая посреди двора гипсовая Копия Решения Комиссии постепенно убедила и маловеров.

Однако нас здесь интересует то, чего добрые доверчивые жильцы единственного в своем роде, престижного дома подчас и не замечали. Либо, замечая, не придавали значения или уж, во всяком случае, не связывали с происшедшими событиями.

Почему, спрашивается, проживающие в девятой секции подполковники в тот же год сделали полковниками — все, кроме служивших в войсках ПВО? А из уже имевшихся полковников не стал генералом ни один? У крупных торговых людей понизилась зарплата и повысились доходы. Обладатели темных

взглядов и выговора стали больше улыбаться всем, люди вольных профессий — меньше пить. Остальные — токари, слесари, машинисты и машинистки, журналисты, врачи, вдовцы, шоферы, бухгалтеры, начальники производств и начальники канцелярий и прочие — вдруг обнаружили, что у них повысилась утомляемость, особенно в рабочее время, и вместе с тем усилился интерес к радиовещательным и телепрограммам, хотя согласно медицинским свидетельствам (самые мнительные сразу побежали по врачам) кривую роста последнего в настоящий момент удалось пригасить и стабилизировать.

Ну а чем объяснишь факт тринадцатого подряд лотерейного выигрыша жильца из шестьсот шестидесят шестой квартиры? Тогда как жилец шестнадцатой, специалист ведь, знающий инженер-конструктор, накупив на всю получку, на все сто шестнадцать рублей билетов «Спортлото» и заполнив согласно рекомендациям друга-программиста из вычислительного центра, не выиграл, представьте, ни-че-го! Это вам как?

В двух продуктовых магазинах внизу не день, не два, а пять дней кряду давали продуктовый дефицит, а в промтоварных — промтоварный. Уж и очереди нет, а они все торгуют, вот до чего дошло!

Что говорить. Оставили свой след эти фантастические события, оставили. Или, может, кому-то покажется мало, неубедительно? Так я ведь и сотой доли... я... ого-о. Про этот дом можно такого, понимаете ли...

А с этим рассказом, собственно, все. Дом теперь тихий, славный. На него водят смотреть. «Перебесился», — ласково говорят о нем жильцы. Изредка-изредка вздохнет там что-то, но то ли это недоотсеченный мятежный теплопровод, то ли сантехник-ветеран никак не выберется из хитросплетений дома, тут и там натываясь на гостеприимных хозяев. Периодически он позволяет себе короткий отдых и тогда похрапывает, приложившись к чемодану с инструментом, а мальчик охраняет его сон... Забыл, забыл! А где же Ниникин Саша, школьник, юный техник и фаталист? Где он, наш герой? Одаренный ребенок уже вернулся с занятий литературно-механического кружка; разломав свой старый процессор, он построил новый, еще надежней стянул его корпус изолентой и подарил папе. И представьте, агрегат заработал! Правда, почти сразу саморазрушился от переохладения, но Сашин папа все-таки успел написать один-единственный фантастический рассказ и тотчас отнес его в редакцию популярного журнала, которая располагалась здесь же, в доме, рядом с бюро ритуальных услуг, помните?

Дик ФРЕНСИС



Закулисная игра

ПОВЕСТЬ

Художник Игорь БЛИОХ.

Мне снилось, что я мчусь на скачках.

Ничего удивительного. Я участвовал в тысячах скачек.

Барьеры, через которые надо было перепрыгивать, лошади и жокеи в разноцветных костюмах, и целые мили зеленой травы. Согнувшись и приподнявшись на стременах, весь в напряжении от скорости я скакал галопом мимо скамеек, занятых людьми.

Люди выкрикивали мое имя, желая мне победы. Побеждать было моим призванием. Для этого я там и находился. Этого жаждал. Для этого был рожден.

Во сне я выиграл скачку. Крики перешли в овацию, и овация подняла меня на крыльях, словно на гребне волны. Но важнее была победа, а не овации.

Я проснулся в темноте, в четыре часа утра, со мной такое часто случалось.

Никаких оваций. Полная тишина.

Вспомнил, что не буду больше участвовать в скачках, никогда. Шемящая боль утраты нахлынула с новой силой.

Я вынул батарейку из протеза руки и вставил новую. Пальцы начали шевелиться.

Как странно, подумалось мне, эта процедура стала настолько привычной, что я совершал ее механически, бессознательно — словно чистил зубы. И я понял впервые, что мне наконец удалось примирить свое подсознание, во всяком случае, когда я бодрствую, с тем, что моя левая рука от локтя и ниже состоит из металла и пластика.

Теперь я почти все стараюсь делать одной рукой — так быстрее. Искусственная рука, приводимая в действие соленоидами, которые получают электрические импульсы от культи, сжимает и разжимает пальцы, словно тиски.

Она выглядит как настоящая рука, и иногда люди не замечают, что это протез. На пальцах вытиснены ногти, обозначены выпуклости сухожилий и синеватые линии вен. Оставаясь один, я все меньше пользуюсь ею, но предпочитаю носить ее, не снимая. Раздался звонок в дверь.

Я вышел в маленькую прихожую и посмотрел в глазок.

На коврике перед дверью стояла пожилая дама с синим шарфиком на голове. Я открыл дверь и вежливо сказал:

— Добрый вечер, чем могу быть полезен?

— Сид, — воскликнула она, — можно мне зайти?

Я смотрел на нее и думал: «Нет, я ее не знаю. В конце концов многие незнакомые мне люди зовут меня Сид, и я всегда воспринимаю это как комплимент».

Из-под шарфика выбивались черные букли, глаза закрывали темные очки, на губах блестела темно-красная помада. Гостья все еще ожидала, что я узнаю ее, но это случилось лишь после того, как она нервно оглянулась и я увидел в свете лампы ее профиль.

Я с удивлением спросил:

— Розмари?

— Послушайте, — сказала она, протиснувшись в дверь, кото-

рую я приоткрыл пошире, — мне необходимо поговорить с вами.

— Ну, что же... заходите.

Пока я закрывал дверь, она подошла к зеркалу в прихожей и стала развязывать шарфик.

— Боже, какой у меня вид!

Она стянула шарфик с головы, вместе с ним слетели черные бубли, и она встряхнула знакомой гривой каштановых волос — Розмари Каспар, которая называла меня Сидом вот уже пятнадцать лет.

— Боже, — сказала она снова, пряча темные очки в сумочку и стирая бумажным платочком губную помаду. — Я должна была прийти, должна.

Наблюдая, как дрожат ее руки, и отмечая отрывистость ее речи, я подумал, что повидал немало людей в таком состоянии с тех пор, как сделал своей профессией распутывание неприятностей и избавление от несчастий.

Не сняв плаща, она прошла за мной в гостиную и рухнула на диван так, как будто у нее вдруг подкосились ноги. Глаза ее беспокойно блуждали по комнате. Я налил ей джина.

— Выпейте, — сказал я, протягивая бокал. — Так в чем проблема?

— Проблема! — вскричала она, сразу заводясь. — Если бы это была просто проблема, стала бы я тайком разыскивать вечером вашу треклятую квартиру в этом дурацком парике, если бы могла открыто подойти к вам на скачках?

— Почему же?

— Потому что мне меньше всего хочется, чтобы на скачках или где бы то ни было видели, как я разговариваю с Сидом Холли.

В прошлом я несколько раз ездил на лошадах ее мужа. В ту пору, когда я был жокеем, в те далекие времена, еще до успеха, славы, падений, изуродованной руки и всего прочего. С Сидом Холли, экс-жокеем, она могла сколько угодно говорить на глазах у всех. К Сиду Холли, превратившемуся в некоего детектива широкого профиля, она явилась в темноте.

Розмари внезапно подняла глаза и посмотрела на меня изучающим взглядом, словно никогда раньше не видела, и я понял, что она заново меня оценивает.

— Все говорят... — начала она неуверенно, — что вы очень успешно... занимаетесь делами такого рода. Но не знаю... теперь, когда я здесь... не думаю, чтобы... я хочу сказать... вы ведь жокей.

— Бывший, — отрезал я. — Почему бы вам не сказать прямо, что вам нужно? Если я в состоянии, то помогу. Сядьте поудобнее и начните сначала.

Словно во сне, она встала, расстегнула и сбросила плащ и снова села на диван.

— Нет никакого начала... Джордж на обеде, — сказала она. — Мы останемся ночевать в Лондоне. Он думает, что я пошла в кино.

Джордж, ее муж, считался одним из трех наиболее известных в Англии тренеров скаковых лошадей и входил в десятку самых видных тренеров мира. Определенная часть лучших чистопородных скакунов из года в год попадала в его конюшни, и

уже самый факт, что лошадь находится у Каспара, придавал ее владельцу определенный вес.

— Джордж не должен знать, — предупредила она нервно. — Обещайте, что не скажете ему о моем приходе.

— Считайте, что обещаю.

— Вы поймете, почему... — Она сделала глоток. — Он не хочет признаваться, хотя до крайности встревожен. — В голосе ее звучал какой-то надрыв. — Что вы подумали по поводу Глинера?

— Хм... Я был разочарован.

— Настоящая катастрофа, — сказала она. — Он был одним из лучших двухлеток, каких когда-либо тренировал Джордж. Глинер блестяще выиграл три скачки двухлеток. И потом всю прошлую зиму считался фаворитом скачек на призы гиней и Дерби. Все предсказывали, что он будет вне конкуренции.

— Да, — сказал я. — Помню.

— И что же? Минувшей весной он участвовал в скачках на приз «Тысячи гиней». Выдохся задолго до конца. Полный провал. Нечего было и думать выставлять его на Дерби.

— Случается, — сказал я.

— А Зингалу? — воскликнула она. — Такое тоже бывает? Два лучших молодых жеребца в стране. Оба превосходно выступали как двухлетки, оба из наших конюшен. И ни тот, ни другой не выиграли ни гроша в прошлом году — уже трехлетками. Так и стояли в своих стойлах, прекрасно выглядели, пожирали корм, и толку от них не было никакого.

— Странная история, — согласился я не совсем уверенно.

— А что было с Бетездой за год до этого? Отличная двухлетняя кобылка. Фаворит на «Тысяче гиней» и Оукс. Она вышла на старт в «Тысяче». По виду стоила миллиона, а пришла десятой. Десятой, как это так?

— Джордж, наверное, всех их проверял, — робко заметил я.

— Конечно, проверял. Чертовы ветеринары толклись на конюшнях две недели. Проверки на допинг. Все, что положено. Результаты отрицательные. Три потрясающие лошади — и никакого проку. Никаких объяснений. Ничего!

Я вздохнул. На мой взгляд, такие истории случаются с большинством тренеров и не дают повода для мелодраматического визита в парике.

— А теперь, — продолжала она как бы между прочим, — Три-Нитро.

Я невольно присвистнул. Три-Нитро именно в эти дни был героем разделов скачек во всех газетах, его считали лучшим молодым жеребцом за последнее десятилетие.

— До приза гиней осталось всего две недели, — сказала Розмари. — Две недели, начиная с сегодняшнего дня. А вдруг что-то произойдет... вдруг все закончится так же ужасно... и он потерпит провал, как те, другие?.. Джордж твердит, что никто не может пробраться к Три-Нитро, охрана — надежней быть не может. Но он боится, я знаю. Сам как натянутая струна. Я предложила ему пригласить вас охранять жеребца, так он чуть не взбесился. Никогда не видела его таким разъяренным.

— Розмари... — начал я, покачав головой.

— Послушайте, — прервала она, — я хочу, чтобы вы приняли все меры предосторожности и чтобы с Три-Нитро ничего не случилось до приза гиней. Вот и все. Скажите, что вы беретесь. Назовите какую хотите сумму, я заплачу. Дело не в деньгах.

— Видите ли... у меня нет никакой возможности охранять Три-Нитро так, чтобы Джордж не знал об этом.

— Вы можете это сделать. Я уверена. Вы сделали уже много такого, что люди считали невозможным. Три-Нитро должен победить. Вы должны принять меры, чтобы ничего не случилось.

— Ладно, Розмари. Попробую что-нибудь придумать.

Я проводил ее в прихожую. Розмари взяла со столика свой черный парик и напялила его, раздраженно затолкала под него каштановые кудри, ненавидя себя, свой маскарад и меня, ненавидя вынужденный визит ко мне и необходимость лгать Джорджу, действовать укрادкой. Она снова густо намазала губы и, порывшись в сумочке, достала темные очки, затянула узел на шарфике.

Стройная элегантная женщина сознательно превратила себя в уродину.

Я отворил дверь. Она повернулась и ушла, не оглядываясь.

Я провел остаток вечера за чтением сборников программ скачек, изучая карьеры Бетезды, Глинера, Зингалу и Три-Нитро, и не почерпнул из них ничего полезного.

Для буднего апрельского дня на трибунах в Кемптоне было довольно много народу. Перед весовой мелькали знакомые лица, слышались обрывки разговоров, которые, по существу, не менялись веками.

Я заметил Джорджа Каспара, разговаривавшего со своим жокеем, — у него три лошади участвовали в послеобеденных заездах, — а также Розмари, которая судорожно вздрогнула, когда увидела меня в десяти шагах от себя, и быстро повернулась ко мне спиной.

Кто-то слегка дотронулся до моего локтя, и приятный голос произнес: «Словечко по секрету, Сид».

Я улыбнулся еще до того, как повернулся, потому что лорд Фрайерли, граф, землевладелец и на редкость порядочный человек, был одним из тех, на чьих лошадях я выступал на многочисленных скачках.

— Рад вас видеть, сэр, — сказал я.

— Я уже говорил, чтобы вы называли меня просто Филип.

— Верно... простите.

— Вот что, — сказал он, — я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали... Мне говорили, что вы чертовски ловко ведете исследования.

— Разумеется, я помогу, если сумею, — сказал я.

— У меня неприятное чувство, что меня водят за нос, — продолжал он. — Вы знаете, что я на все готов, лишь бы мои лошади выступали, и чем больше, тем лучше. Так вот, в прошлом году я согласился стать одним из зарегистрированных владельцев в ряде синдикатов... ну, знаете чтобы нести расходы совместно с восемью-десятью другими людьми, хотя лошади выступают от моего имени и жокей одет в мои цвета.

— Да, я заметил.

— Дело в том, что... я незнаком со всеми остальными лично.

Синдикаты организованы одним субъектом, который занимается только этим — подбирает людей и продает им лошадей.

Мне приходилось слышать о случаях, когда организаторы синдикатов покупали лошадей за небольшую сумму, а продавали их членам синдиката раза в четыре дороже. Хитрый бизнес, пока еще легальный.

— Эти лошади скачут хуже, чем могли бы, Сид, — сказал он без обиняков. — У меня есть сильное подозрение, что кто-то в синдикате определяет, как они должны пройти. Не согласитесь ли вы выяснить это для меня? Аккуратно и без шума?

— Конечно, сделаю, что можно, — сказал я.

— Отлично, — удовлетворенно произнес он. — У меня не было сомнений, что вы согласитесь. Я захватил для вас фамилии членов синдикатов. — Он вытащил из внутреннего кармана сложенный лист бумаги.

— Я займусь этим делом, — пообещал я.

Проходя мимо Джорджа Каспара, разговаривавшего с каким-то мужчиной, я вежливо пожелал хороших скачек, как принято в таких случаях, а он кивнул головой и бросил: «Привет, Сид». Считаю разговор законченным, я продолжал идти к выходу.

— Сид! — окликнул он меня, повысив голос.

Я обернулся. Он сделал знак, чтобы я подошел.

— Хочу познакомить тебя с Тревором Динсгейтом, — сказал Джордж.

Я пожал протянутую руку: белоснежная манжета, золотая запонка, гладкая бледная кожа, слегка влажная, ухоженные ногти, на маленьком пальце золотой перстень с ониксом.

— Ваш победитель? — спросил я. — Поздравляю.

— Вы знаете, кто я?

— Тревор Динсгейт?

— И все?

Я впервые видел его совсем рядом. Влиятельные люди часто имеют привычку прищуриваться, которая выдает их чувство превосходства, и он не преминул пустить ее в ход. У него были темно-серые глаза, черные, тщательно причесанные волосы и тонкие губы, что как нельзя лучше согласуется с решительным характером.

— Ну же, Сид, — сказал Джордж Каспар, видя, что я заколебался. — Я предупредил Тревора, что ты все знаешь.

Я взглянул на него, но мне удалось прочесть на его жестком обветренном лице желание подразнить. Для многих моя новая профессия была просто игрой. В данном случае я не видел причин отказать от прыжка через подставленный обруч.

— Букмекер? — сказал я предположительно и, обращаясь непосредственно к Тревору Динсгейту, добавил: — «Билли Бунз»?

— Что я вам говорил! — воскликнул Джордж, очень довольный.

Тревор Динсгейт отнесся к моему ответу философски. Он не пытался вызвать меня на дальнейший разговор, который мог принять менее дружелюбный характер. Говорили, что его настоящее имя — Шаммок. Тревор Шаммок из Манчестера был наделен от рождения острым умом, на пути к корысти сменил фамилию и многих друзей.

Проникновение Тренора Динсгейта в высшие сферы ознаменовалось приобретением старой, но близкой к краху фирмы «Билли Боунз». За последние несколько лет фирма «Билли Боунз» стала крупной компанией.

Мы поговорили о его жеребце, выигравшем забег. Потом настало время идти смотреть третий заезд.

— Как Три-Нитро? — спросил я у Джорджа, когда мы направились к двери.

— Отлично, — сказал он. — В превосходной форме.

Мы расстались, и я провел остаток дня без особого толка, наблюдая за скачками, а когда собрался уходить, у выхода меня остановил служащий ипподрома.

— Вам записка, мистер Холли.

Он протянул мне ничем не примечательный конверт. Я сунул его в карман и направился к своей машине. Сел в нее. Вынул конверт, вскрыл и прочитал:

«Сид!

Я был занят весь день, но мне надо вас повидать. Не могли бы вы встретиться со мной в чайной комнате ресторана после окончания последнего заезда?

Лукас Уэйнрайт».

Мысленно выругавшись, я двинулся обратно через стоянку автомашин, вошел в ворота и направился к ресторану. Время ланча истекло, и теперь подавали сэндвичи и кондитерские изделия. Капитана Лукаса Уэйнрайта, директора Службы безопасности Жокейского клуба, не было видно.

Я бесцельно бродил по ресторану, пока в конце концов он не вбежал, запыхавшись, взволнованный и смущенный.

— Извините, Сид. Здесь мы можем посидеть спокойно, никто нам не мешает, в баре всегда слишком много народу.

Он повел меня к столику и жестом пригласил сесть.

— Вот что, Сид, могли бы вы взяться за одну работу для нас?

В этом весь капитан Уэйнрайт — сразу к делу.

— «Для нас» — это для Службы безопасности?

— Да.

— Официальное поручение? — спросил я удивленно. Сотрудники Службы безопасности в общих чертах знали, чем я занимался в последнее время, и не возражали против моей деятельности, но я не мог себе представить, что они одобряют ее. В известном смысле я действовал на их территории и наступал им на ноги.

Лукас барабанил пальцами по столу.

— Неофициальное, — сказал он. — Моя личная просьба.

Поскольку Лукас Уэйнрайт сам был главной фигурой в Службе безопасности, которая проводила расследования и была дисциплинарным органом Жокейского клуба, даже его неофициальную просьбу можно было считать веской и обоснованной.

— Какого рода работа? — спросил я.

— Имейте в виду, Сид, все это только между нами. Никто из вышестоящих лиц не дал разрешения привлекать вас к этому делу.

— Понятно, — сказал я. — За меня можете не беспокоиться.

— Поскольку я не уполномочен, то не могу обещать вам ника-

кого вознаграждения. Единственное, что я могу предложить... свою помощь, если вы когда-либо будете в ней нуждаться. И разумеется, если это будет в моих силах.

— Ваше содействие может оказаться поважнее, чем деньги, — сказал я.

Казалось, он испытал чувство облегчения.

— Вот и прекрасно. Итак... все это нескладно. Щекотливое дело. Я прошу вас провести... очень осторожно... расследование... м-м... поведения... одного из наших людей.

Воцарилось молчание. Наконец я спросил:

— Вы имеете в виду одного из ваших? Службы безопасности?

— Боюсь, что да.

— В чем он подозревается?

У него был совсем несчастный вид.

— Взяточничество. Поборы. Что-то в этом роде.

— Хм, правильно ли я вас понял? — спросил я. — Вы предполагаете, что один из ваших молодцов может собирать дань с мошенников, и хотите, чтобы я вывел его на чистую воду?

— Именно так.

— Почему же вы сами не проведете расследование? Просто поручите это кому-нибудь другому из вашей службы.

— Да, конечно. — Он откашлялся. — Но есть ряд трудностей. Если я ошибаюсь, то не хочу, чтобы здесь стало известно о моих подозрениях. Это было бы чревато очень большими неприятностями. А если я прав — боюсь, что так оно и есть, — мы, то есть Жокейский клуб, хотели бы иметь возможность принять свои меры без шума. Публичный скандал, в котором оказалась бы замешана Служба безопасности, мог бы пагубно отразиться на скачках.

Я подумал, что это небольшое преувеличение, но он был прав.

— Речь идет, — сказал он, вздыхая, — об Эдди Ките.

Вновь наступила долгая пауза. В иерархии, существовавшей в ту пору в Службе безопасности, самый высокий пост занимал Лукас Уэйнрайт, а на ступеньку ниже находились два его заместителя, оба — отставные высокие полицейские чины. И одним из них был бывший старший инспектор Эддисон Кит.

Эдди Кит... крупный мужчина, внешне грубовато-добродушный, любящий похлопать по плечу своей увесистой лапой. Обычно говорит громко, с ярко выраженным суффолкским акцентом. Роскошные усы соломенного цвета, немного более темные пушистые волосы. Я иногда подмечал в его взгляде холодный и беспощадный блеск. Нечто вроде солнечного блика на льду у расщелины — красиво, но таит неожиданные ловушки. В его духе было зашелкнуть наручники с жизнерадостной улыбкой. Таков Эдди Кит. Но взяточничество, поборы?... Никогда бы не подумал.

— А какие у вас данные? — наконец проговорил я.

Лукас Уэйнрайт сказал:

— Четыре из проведенных им за последний год расследований дали неверные результаты.

Я удивленно моргнул.

— Но это неубедительно.

— Если бы я был уверен, я бы не обращался к вам.

— Да, действительно. — Я подумал. — А какого рода расследованиями он занимался?

— Все они касались синдикатов. Он выяснял, что представляют собой люди, желающие образовать синдикат, и можно ли допустить, чтобы они владели лошадьми. Надо было убедиться, что эти люди не проходимцы, проникающие на скачки с черного хода. Эдди представил положительные доклады по четырем организованным синдикатам, тогда как на самом деле в каждом из них был один или несколько пайщиков, которых мы бы не пропустили. На прошлой неделе я расспрашивал одного типа, обвинявшегося в применении допинга. Он был донельза зол на группу лиц, которая, как он заявил, предала его. И со злорадством сообщил, что эти люди под вымышленными фамилиями владеют лошадьми. Он назвал их, и я проверил — оказалось, что на все четыре синдиката, в которых они участвуют, Эдди дал «добро».

— Надеюсь, — сказал я неторопливо, — что это не синдикаты, возглавляемые лордом Фрайерли?

У него был подавленный вид.

— Боюсь, что именно они. Лорд Фрайерли сказал мне сегодня, что он просил вас заняться этим делом. И это лишь укрепило меня в намерении самому обратиться к вам. Но я хочу, чтобы все было шито-крыто.

— И он тоже, — успокоил я Уэйнрайта. — Мог бы я ознакомиться с докладами Эдди? Или с копиями? И получить вымышленные и настоящие фамилии нежелательных лиц?

— Я позабочусь, чтобы вам их дали. — Он посмотрел на часы и встал. К нему вернулась привычная быстрота движений. — Я знаю, что незачем повторять... Но, пожалуйста, никому ни слова.

Я позвонил по телефону в общеобразовательную школу Северного Лондона и попросил позвать Чико Барнса.

— Он ведет урок дзюдо, — ответил нелюбезный голос.

— У него урок кончается примерно в это время.

— Подождите.

Я ждал, следуя в машине в сторону Лондона: правая рука на руле, левая на трубке телефона. Машина была специально переделана для управления одной рукой.

— Алло!

Голос Чико, жизнерадостный, звучный, даже одним этим словом выразил его в общем непочтительное отношение ко вселенной.

— Хочешь работу? — спросил я.

— Ага. — Его ухмылка словно перенеслась ко мне по телефонной линии. — Всю прошлую неделю я умирал от скуки.

— Можешь приехать ко мне домой? Я буду тебя ждать. Могу заехать за тобой в школу... скажем... через полтора часа. О'кэй?

— Конечно, — сказал он.

Напарником Чико был незаменимым: веселый, изобретательный, упорный и очень сильный, хотя многие этого не подозревали. Они слишком поздно обнаруживали, что молодой, тонкий Чико с его мальчишеской ухмылкой мог с легкостью перекинуть через плечо мужчину весом в двадцать стоунов¹.

¹ Стоун равен 14 фунтам (6,34 кг).

Чико выскочил из вращающихся стеклянных дверей школы, залез в машину, широко улыбнулся и сказал:

— Сразу за углом есть пивнушка с премиленной барменшей. Я покорно въехал на стоянку возле пивной и прошел за ним в бар. Девушка, отпускавшая напитки, действительно была очень славная — «все при ней», как выразился Чико, — и встретила его с явной симпатией. Мы уселись возле стены, и Чико приложился к своей кружке с пивом.

— Это что, чистый апельсиновый сок? — кивнул он на мой стакан.

— Сегодня мне весь день приходилось пить.

— Так куда я должен отправиться? И что надо сделать? — спросил он.

— В Ньюмаркет. Походить по пивным.

— Неплохо.

— Тебе надо найти некоего Пэдди Янга. Он работает старшим конюшим у Джорджа Каспара. Узнай, какую пивную он посещает, и постарайся завязать с ним разговор. Нам надо узнать, где в настоящее время находятся три лошади, которые раньше были на его конюшне.

— Мало ли что нам надо.

— У него не может быть причин не сказать тебе об этом, по крайней мере, я так думаю.

Чико посмотрел на меня.

— Почему ты не спросишь самого Джорджа Каспара? Было бы проще, а?

— В данный момент я не заинтересован в том, чтобы Джордж Каспар знал, что мы расспрашиваем о его лошадях. Речь идет о Бетезде, Глинере и Зингалу.

На следующий день в обед Чико позвонил из Ньюмаркета.

— Я нашел его. Он заскочил сюда, чтобы пропустить стаканчик. Пивная почти рядом с конюшней, очень удобно. Если я правильно понял то, что он сказал, — а у него такой ирландский акцент, говорить с Пэдди все равно что с иностранцем, — смысл его слов сводится к тому, что все три лошади отправлены на разные коневодческие фермы.

— Ему известно, куда?

— Естественно. Бетезда отправлена на ферму Гарви в Глостере, а два жеребца — в какое-то место недалеко от Ньюмаркета, которое Пэдди Янг называет Трейсиз — во всяком случае, так мне послышалось.

— Ферма Трейса, — поправил я. — Генри Трейса.

— Правда? Тогда, может быть, ты разберешь еще кое-что, например, что у Глинера был тритес, у Зингалу — вирус и что Бразерсмит с ходу забраковал обоих.

Я попытался мысленно произнести «у Глинера был тритес» с ирландским акцентом и пришел к выводу, что у Глинера был артрит. Это звучало гораздо более правдоподобно. Я сказал Чико:

— ...И забраковал их Бразерсмит. Попробуй узнать — этот тип Бразерсмит, случайно, не ветеринар ли Джорджа Каспара,

и если да, поищи его в телефонной книге и запиши номер телефона и адрес.

Он позвонил мне снова через час и сообщил, что Бразерсмит действительно ветеринар Джорджа Каспара, и дал мне его адрес.

Я поехал на своей машине на запад, в Глостершир, и прибыл на коневодческую ферму Гарви в приемное для визита время — в воскресенье, в 11.30 утра.

Том Гарви, стоявший во дворе, где помещались конюшни, и разговаривавший с грумом, зашагал ко мне через весь двор, как только я заглушил мотор.

— Сид Холли! — воскликнул он. — Вот так сюрприз! Что тебе нужно?

Я поморщился, глядя на него в открытое окно машины.

— Неужели все, едва завидев меня, считают, что мне что-то нужно?

— Конечно. Говорят, ты теперь все вынюхиваешь — лучшего сыщика не найти. Слухи доходят и до нас, темных мужланов.

Улыбаясь, я вышел из машины и обменялся рукопожатиями с шестидесятилетним ловкачом, который был так же далек от темного мужлана, как мыс Горн от Аляски. Крупный, сильный, как бык, с непоколебимой верой в себя, зычным, властным голосом и хитрым умом цыгана. Рука его была столь же тверда, как его методы ведения дел, и так же суха, как манера держаться.

— Тогда зачем ты приехал, Сид? — спросил он.

— Чтобы посмотреть одну кобылу, Том, которая находится у вас. Просто из интереса.

— Да? Которую же?

— Бетезду.

Выражение его лица мгновенно изменилось: если он только что почти добродушно посмеивался, то теперь исчез даже намек на веселое настроение. Глаза его сузились, и он отрывисто спросил:

— А что тебя интересует?

— Ну, например, она ожеребилась?

— Она издохла.

— Издохла?

— По-моему, я ясно сказал. Издохла. Зайдем лучше в дом.

Комната, в которую мы вошли, служила столовой и кабинетом. Том присел на край письменного стола, я — на подлокотник одного из кресел.

— Итак, — сказал он, — почему ты спрашиваешь о Бетезде?

— Просто хотел узнать, что с ней случилось.

— Ты со мной не играй в прятки, парень. Стал бы ты ехать в такую даль ради простого любопытства. Для чего ты о ней расспрашиваешь?

— Один мой клиент интересуется этим, — ответил я.

— Кто он, твой клиент?

— Если бы я работал на вас и вы просили меня помалкивать, вам понравилось бы, что я болтаю лишнее?

Том подумал над моими словами, скорчив кислую мину.

— Нет, парень. Думаю, не понравилось бы. Но история с Бетзой вовсе не секрет. Она издохла, когда жеребилась. И детеныш тоже издох — жеребчик, правда, маленький.

— Жаль, — сказал я.

Он пожал плечами.

— Бывает иногда. Но учти, нечасто. Сердце отказало.

— Сердце?

— Да. Плод лежал неправильно, понимаешь, и кобыла напрягалась дольше, чем обычно. Как только мы разобрались, в чем дело, мы повернули его внутри, но она все равно испустила дух. Ничем не могли помочь. Конечно, дело было ночью.

— А ветеринара к ней вызывали?

— Да, он был здесь. Кобыла жеребилась в первый раз, к тому же у нее были шумы в сердце.

Я нахмурился.

— А у нее были шумы в сердце, когда она прибыла к вам?

— Конечно, парень. Потому ее и перестали выставлять на скачки. Ты о ней немного знаешь, верно?

— Верно, — сказал я. — Расскажите.

— Она прибыла из конюшни Джорджа Каспара, это тебе известно. Ее владелец хотел получить от нее потомство, потому что двухлеткой она показала отличные результаты. Ее покрыл Тимберли, и мы рассчитывали получить спринтера, но видишь, как вышло.

— Когда же она издохла?

— Наверное, с месяц назад.

— Спасибо, Том. — Я встал. — Извините, что отнял у вас время.

Он тоже встал.

— Уж больно нудная для тебя работа расспрашивать, а, Сид? Как-то не вяжется с прежним Сидом Холли.

— Времена меняются, Том.

— Не повезло тебе с рукой. Конечно, скачки с препятствиями всегда преподносят сюрпризы. Перелом позвоночника или еще что-нибудь. — Мы направились к двери. — Если занимаешься этим, то знаешь, на какой риск идешь.

Мы вышли из дома и повернули к моей машине.

— Все же тебе не так уж плохо с этим твоим протезом, парень? Можешь водить машину и еще делать кучу всяких дел.

Том хотел, чтобы я понял, как он мне сочувствует, и очень старался показать это. Я улыбнулся ему, сел в машину, помахал рукой и уехал.

Во вторник утром я забрал Чико и поехал на север к Нью-маркету.

Когда мы наконец добрались до коневодческой фермы Генри Трейса, содержавшейся в безупречном порядке, я сказал Чико: «Поболтай с конюхами». Мы вылезли из машины на гравий, сквозь который не пробивалось ни одной травинки. Я оставил его и пошел искать Генри Трейса, который, как нам сообщила прислуга, должен быть там, справа, в конторе. Там он и оказался. Генри Трейс спал в кресле. Мое появление разбудило его, и он сразу стряхнул с себя сон, как человек, привыкший,

что его будят по ночам. Он был моложавым и очень приятным — полная противоположность грубому, жесткому, хитрому Тому Гарви. Для Трейса, как я заранее выяснил, выведение племенных жеребцов было крупным бизнесом; иметь дело с кобылами он предоставлял людишкам мелкого пошиба. Однако первые произнесенные им слова не соответствовали составленному мной образу.

— Прошу прощения. Полночи был на ногах... Э-э... Кто вы? Мы договаривались о встрече?

— Нет, — я покачал головой, — просто я надеялся встретиться с вами. Меня зовут Сид Холли.

— Да? Не родственник ли вы... О, господи, да это вы и есть!

— Точно, это я и есть.

— Чем могу быть полезен? Хотите кофе? — он протер глаза.

— Не беспокойтесь.

— Тогда выкладывайте. — Он посмотрел на часы. — Десяти минут хватит? У меня встреча в Ньюмаркете.

— Проблема довольно расплывчатая, — сказал я. — Просто хотел узнать об общем состоянии двух жеребцов, которые находятся здесь.

— А... Каких же?

— Глинера и Зингалу, — сказал я.

Он, конечно, начал выведывать, почему я о них спрашиваю и с какой стати он должен мне отвечать, но в конце концов, подобно Тому Гарви, пожал плечами и сказал, что беды не будет, если я узнаю.

— Наверное, я не должен говорить это, но я бы не советовал клиенту входить в долю и покупать их, — сказал он, не сомневаясь, что именно такова цель моего визита. — У них может не хватить сил покрыть должное число кобыл, хотя они всего лишь четырехлетки. У обоих слабое сердце. Их истощили слишком напряженные тренировки перед скачками. Именно поэтому, когда они были трехлетками, их перестали выставлять на скачки. И мне думается, с тех пор их состояние ухудшилось.

— Кто-то мне говорил, что Глинер хромает, — сказал я.

Генри Трейс, видимо, привык, что слухи разносятся молниеносно.

— У него недавно развился артрит. В этом городе ничего не скроешь. — На его письменном столе зазвонил будильник. Он выключил звонок. — Боюсь, мне пора ехать. С этим все, Сид?

— Да, спасибо, — ответил я.

— Больное сердце у обоих, — сказал Чико, когда мы подъезжали к городу. — Настоящая эпидемия, а?

— Надо спросить у ветеринара Бразерсмита.

— Он живет на Миддлтон-Роуд. Я знаю его дом.

Мы проехали мимо трека, на котором тренировали лошадей, и направились к городу.

Бразерсмита не было дома, нам сказали, что он вернется к ланчу. Мы уселись в машину и стали ждать. Я повернулся к Чико:

— У нас есть еще одна работа — проверка синдикатов.

— Я думаю, что Жокейский клуб всегда занимается этим сам

— Так оно и есть. Нам нужно выяснить все про одного со-

трудника Жокейского клуба, который проверяет синдикаты.

Чико некоторое время размышлял:

— Хитрое дело.

— Да, к тому же нужно сделать так, чтобы он об этом не знал. Речь идет о бывшем старшем инспекторе Эдди Ките.

У Чико отвалилась челюсть.

— Ты шутишь.

— Вовсе нет.

— Но он сам — полиция. Полиция Жокейского клуба.

Я рассказал ему о сомнениях Лукаса Уэйнрайта, и Чико сказал, что, наверное, Лукас Уэйнрайт ошибается. Наша работа, отметил я, в том и состоит, чтобы выяснить, прав он или нет.

На Миддлтон-Роуд показался забрызганный грязью «рейндж-роувер». Он подъехал к парадному дома Бразерсмита. В ту же секунду мы с Чико выскочили из машины и направились к мужчине в твидовом пиджаке, который выходил из своей повозки.

— Мистер Бразерсмит?

— Да? Что случилось?

— Не можете ли вы уделить нам несколько минут? — спросил я. — Это Чико Барнс, а я Сид Холли. Всего несколько вопросов.

Когда мое имя дошло до его сознания, он немедленно перевел взгляд на мои руки и в конце концов остановился на левой.

— Этот протез у вас биоэлектрический?

— Д-да, — пробормотал я.

— В таком случае заходите. Можно мне взглянуть на него?

Он пошел к боковой двери. Я остался на месте, желая только одного — исчезнуть отсюда как можно быстрее.

— Пошли, Сид, — позвал Чико, двинувшийся за ним. Он обернулся и остановился. — Пусть получит то, что хочет, Сид, и тогда, может быть, он сделает то же самое для нас.

Оплата натурой, подумал я, но мне не нравилась цена. Я хотя поплелся за Чико, как оказалось, в хирургический кабинет Бразерсмита.

Ветеринар задал уйму вопросов, довольно грамотных с медицинской точки зрения, и я отвечал бесстрастно, пользуясь терминами, которые усвоил в протезном институте.

— Вы можете вращать кистью? — спросил он под конец.

— Да, немного, — я показал ему. — Там внутри что-то вроде чашечки, подогнанной по размерам под конец моей культи, и еще один электрод, который улавливает импульсы вращения.

Видимо, он хотел, чтобы я снял протез и показал ему все детали, но я не собирался это делать. Вероятно, до него дошло, что просить бесполезно.

— Подумываете над тем, чтобы сделать протез для лошади? — спросил Чико.

Бразерсмит поднял усталое лицо и серьезно ответил:

— Технически это вполне возможно, но я сомневаюсь, чтобы можно было натренировать лошадь приводить в действие электроды, кроме того, это будет стоить немалых денег. Хотя мне известны случаи, когда лошадям приделывали искусственную ногу.

Бразерсмит неохотно переключился с проблемы искусственных конечностей на лошадей с большим сердцем.

— Бетезда, — сказал я, опуская рукав и застегивая манжету.
— Бетезда? — Он наморщил лоб, копаясь в памяти. — Простите. Не припоминаю...

— Эта кобыла была на конюшне Джорджа Каспара, — сказал я. — Она всегда приходила первой на скачках двухлеток, а в три года не смогла бежать из-за шумов в сердце. Ее отправили на коневодческую ферму, но когда она должна была ожеребиться, сердце у нее не выдержало.

— О, боже! — воскликнул он. — Какая жалость! Но мне приходится осматривать столько лошадей, что я часто даже не знаю их имен. Речь идет о страховке или, может быть, о преступной небрежности? Уверяю вас...

— Нет, — успокоил я его, — ничего такого. А помните ли вы Глинера и Зингалу?

— Да, конечно. Этих помню. Джорджу Каспару чертовски не повезло. Такое разочарование.

— Глинер победил на скачках «Донкастер Фьючурити», несмотря на грязь, — сказал я задумчиво. — Я сам видел. Это были очень трудные скачки.

— Правильно, — согласился Бразерсмит. — Между прочим, я тщательно проверил его после скачек. Неприятности начались не сразу. По сути дела, они вовсе не проявлялись до тех пор, пока его не выставили на приз «Две тысячи гиней». Он закончил скачки в полном изнеможении. Поначалу мы все думали, что это вирус, но через несколько дней обнаружилась сильная аритмия пульса, и тогда стало ясно, в чем дело.

— Какой вирус? — спросил я.

— Вечером в день скачек на приз гиней его слегка лихорадило — как будто начинался лошадиный грипп или что-то в этом роде. Но болезнь не проявилась. Так что дело было не в этом. Подлинной причиной была болезнь сердца.

— Сколько лошадей перестают выставлять на скачки из-за больного сердца?

Он пожал плечами.

— Ну, может быть, две-три на сотню.

Джордж Каспар, подумал я, тренирует до ста тридцати лошадей, из года в год.

— Больше ли лошадей со склонностью к заболеванию сердца получается у Джорджа Каспара, чем у других тренеров?

Он заметно встревожился.

— Почему вы спрашиваете?

— Мой клиент, — сказал я, солгав с прискорбной легкостью, — хочет знать, стоит ли ему посылать к Джорджу Каспару блестящего однолетку. Он просил меня выяснить насчет Глинера и Зингалу.

— А, вот оно что! Нет, я не думаю, что у него заболевает больше лошадей, чем у других. Ничего из ряда вон выходящего. Каспар, конечно, превосходный тренер.

— Ну, что ж, спасибо. — Я встал и пожал ему руку. — Я полагаю, что у Три-Нитро нет никакого заболевания сердца?

— Никакого. Он полностью и абсолютно здоров. У него сердце стучит, как гонг, — громко и отчетливо.

— Вот и все, — изрек Чико, потягивая пиво и заедая его пирогом в отеле «Уайт харт». — Конец делу. Миссис Каспар совсем свихнулась от подозрений. Никто не подходит к молодняку Джорджа Каспара, кроме него самого.

— Ей будет не очень-то приятно это услышать, — заметил я.

— Ты ей скажешь?

— Немедленно.

Я позвонил домой Джорджу Каспару и попросил к телефону Розмари, назвавшись мистером Барнсом. Она взяла трубку, сказала «алло» с вопросительной интонацией, как при разговоре с неизвестным человеком.

— Мистер... Барнс?

— Это Сид Холли.

Она сразу заволновалась.

— Я не могу говорить с вами.

— Можете ли вы встретиться со мной?

— Конечно, нет. У меня нет повода для поездки в Лондон.

— Я недалеко от вас, в городе, — сказал я. — Мне надо вам кое-что сказать. И, по правде говоря, я не вижу надобности в таком же маскараде, как в прошлый раз.

— Я не хочу, чтобы нас видели вместе и в Ньюмаркете.

Она, однако, согласилась выехать на своей машине, подобрать Чико и поехать туда, куда он укажет. Мы с Чико нашли пункт на карте, который показался нам вполне подходящим местечком для параноиков, — кладбище при церкви в Бартон-Миллз, в восьми милях в сторону Нориджа.

Мы припарковали свои машины рядышком у ворот, и Розмари пошла со мной между могил.

Я сообщил ей, что побывал на коневодческих фермах Тома Гарви и Генри Трейса и беседовал с Бразерсмитом, и пересказал ей, что они говорили. Она выслушала меня и покачала головой.

— Лошадей испортили, — упрямо заявила она, — я в этом уверена. Они могут добраться и до Три-Нитро. Скачки на приз гиней состоятся ровно через неделю. Вы должны обеспечить безопасность лошади в течение недели.

— При нормальном ходе вещей Джордж даст Три-Нитро сильную нагрузку перед скачками, — сказал я нерешительно. — Вероятно, в субботу утром. Вы могли бы... м-м... убедиться в том, что он примет все предосторожности, когда отправит Три-Нитро на последний тренировочный галоп. — Я помолчал. — Проверить седло... и тому подобное. Многие скачки были проиграны из-за того, что последний тренировочный галоп устраивали перед самыми скачками.

— Конечно, — нетерпеливо прервала меня Розмари. — Все это знают. Но Джордж никогда этого не сделает.

— А что, если седло будет утяжелено свинцом? Что, если трехлетку пошлют в быстрый галоп с нагрузкой в пятьдесят фунтов? Через несколько дней ему придется скакать с огромным напряжением на приз «Две тысячи гиней», и он надорвет сердце.

— О, боже! — воскликнула она.

— Я не утверждаю, что с Зингалу и Глинером произошло именно это или нечто подобное. Но если так и случится... значит, тут замешан кто-то из работников ваших конюшен.

— Вы должны продолжать, — сказала она. — Пожалуйста, продолжайте делать все возможное. Я принесла вам немного денег. — Она опустила руку в карман плаща и достала маленький конверт. — Здесь наличные. Я не могу дать вам чек.

— Я не заработал их.

— Заработали. Берите. — Она настанвала, и в конце концов я, не открывая конверта, сунул его в карман.

Она посмотрела на часы, и волнение ее усилилось.

— Мне надо возвращаться, а то Джордж будет беспокоиться, почему меня так долго нет.

Мы направились к машинам. Она неуверенно простилась со мной и уехала. Я сел в машину и бросил Чико конверт.

— Посчитай, сколько здесь.

Он разорвал конверт, вынул аккуратную пачку банкнот, судя по цвету, крупных, и, поклонив палец, начал считать.

— Ух ты, — воскликнул он, закончив считать, — она просто рехнулась.

Мы потратили часть денег Розмари, заночевав в Ньюмаркете, и совершили турне по барам. Я не узнал ничего интересного и выпил слишком много виски, и Чико тоже порядком набрался.

— Слышал когда-нибудь об Инки Пуле? — спросил он, когда мы вернулись к себе.

— Что это — название песни?

— Нет, это рабочий жокей Джорджа Каспара. Инки Пул скачет на Три-Нитро, когда ему дают большую нагрузку на тренировочном галопе. Ты просил меня узнать, кто готовит Три-Нитро?

— Просил, — сказал я. — Но ты, кажется, перебрал в баре.

Чико, не обращая внимания на мое замечание, продолжал бубнить об Инки Пуле.

— Ты говорил с ним?

— Я его даже не видел. Там уйма конюхов. Они мне сказали. Рабочий жокей Джорджа Каспара — Инки Пул.

Вооружившись биноклем, я отправился пешком на Уоррен-Хилл в 7.30 утра, чтобы понаблюдать за лошадьми Каспара на утренней тренировке.

Поскольку по средам проводилась полная программа тренировочных галопов, на них обычно собирались все заинтересованные зрители: владельцы лошадей, корреспонденты, букмекеры, добывающие сведения о лошадях перед скачками.

— Доброе утро, Сид.

Я обернулся. Джордж Каспар верхом на лошади обзирал цепочку лошадей, вступившую на Вересковую пустошь из его конюшни на Бэри-роуд.

— Доброе утро, Джордж. Три-Нитро в этой цепочке?

— Да, шестой от головы. — Он обвел глазами зрителей. — Ты не видел Тревера Динсгейта? Он обещал приехать сегодня утром из Лондона пораньше.

Я покачал головой.

— В этой цепочке у него две лошади. Он собирался посмотреть их на тренировке. — Джордж пожал плечами. — Если скоро не появится, может упустить их.

Я поднял бинокль и стал смотреть, как приближается цепочка, насчитывающая сорок лошадей, и начинает делать круг.

Рабочий жокей на Три-Нитро был в оливкового цвета куртке и с красным шарфом на шее. В бинокль я следил за тем, как он скачет по кругу.

— Не возражаете, Джордж, если я сфотографирую?

— Сделайте одолжение.

И он ускакал к своим лошадям, чтобы начать утреннюю работу.

Парень с красным шарфом соскочил с Три-Нитро и держал его, пока в седло не сел другой наездник.

Я прошел по площадке и треку, чтобы подойти поближе к лошадям, и несколько раз сфотографировал чудо-жеребца и пару раз снял крупным планом наездника.

— Инки Пул? — спросил я у него, когда он проехал в шести футах от меня.

— Он самый. Будьте осторожней. Вы стоите на трассе.

Джордж начал отправлять своих наездников небольшими группами, а я вернулся обратно и встал поодаль.

В этот момент на большой скорости подъехал «ягуар» и резко затормозил. Из него вышел Тревор Динсгейт. Он был в строгом костюме, выделяясь этим из толпы присутствующих и олицетворяя новую породу светского человека с изысканными манерами, уже известного в Сити и заискивающего перед знатью.

— Привет, — сказал он, заметив меня. — Мы виделись в Кемптоне... Не знаете ли, где лошади Джорджа?

— Вон там, — показал я рукой. — Вы как раз вовремя.

Он направился к Джорджу. На руке у него болтался бинокль. Джордж односложно поздоровался и, видимо, посоветовал ему следить за тренировочным галопом вместе со мной, потому что Динсгейт тут же вернулся и встал рядом.

— Джордж сказал, что обе мои лошади — в первой цепочке и что вы скажете мне, хорошо ли они скажут. Вот нахал! Что у меня, своих глаз нет?

Четыре лошади выходили на стартовый круг. Тревор Динсгейт направил на них бинокль. Темно-синий костюм в тонкую красную полоску, ухоженные руки, золотые запонки, перстень с ониксом, как прежде.

— Которые из них ваши? — спросил я.

— Обе гнедые. Та, что с белыми чулками, — Пинафор. Другая — так, ничего особенного.

По сигналу Джорджа лошади галопом поскакали в гору, Пинафор с легкостью обошел всех, а «ничего особенного» соответствовала оценке своего владельца. Тревор Динсгейт со вздохом опустил бинокль.

— Все ясно...

Он снова приложил к глазам бинокль, направив его на более близкий к нам объект: цепочку, которая делала круги. Судя по тому, как Динсгейт держал бинокль, он навел его не на лошадей, а на наездников. Он задержал взгляд на Инки Пуле. Потом опустил бинокль и стал наблюдать за Три-Нитро невооруженным глазом.

— Осталась ровно неделя, — сказал я.

— Жеребец — прямо картинка.

Я полагал, что он, как и все букмекеры, был бы счастлив, если бы фаворит проиграл на скачках, но в его голосе слышалось лишь восхищение великолепной лошадью. Три-Нитро, в свою очередь, занял исходную позицию и по сигналу Джорджа стартовал с двумя другими в обманчиво быстром темпе. Я отметил, что Инки Пул сидел в седле спокойно и показывал такой класс верховой езды, за который стоит платить в десять раз больше.

Три-Нитро прошел всю дистанцию без малейших усилий и поднялся на верхушку холма настолько легко, что казалось, будто он может взять подъем еще раз шесть и даже не заметить этого.

Впечатляюще, подумал я. Можно было считать, что победа на скачках на приз «Две тысячи гиней» у Каспара в кармане.

Заключив тренировку, лошади спустились с холма и присоединились к цепочке, все еще скакавшей по кругу. Рабочие жокеи пересаживались на других лошадей и галопом поднимались в гору.

Я не сводил глаз с Инки Пула, который четыре раза поднялся в гору и теперь шел к своей машине с угрюмым видом.

— Инки, — окликнул я его, подходя сзади. — Вы галопировали на Три-Нитро... просто классно.

Он мрачно глянул на меня.

— Мне нечего сказать.

— Я не корреспондент.

— Я знаю, кто вы. Видел вас в деле, на скачках. Кто же вас не видел? — добавил он недружелюбно, почти насмешливо. — Что вы хотите?

— Что вы скажете о Три-Нитро, если сравнить его с Глинером?

Он расстегнул «молнию» на кармане, достал ключ от машины.

— С Глинером было так же, когда вы ездили на нем за неделю до скачек на приз гиней? — спросил я.

— Я не хочу говорить.

— А как насчет Зингалу? Или Бетезды?

Он открыл дверцу машины, сел на водительское место, поведлив лишь настолько, чтобы бросить на меня враждебный взгляд.

— Отвяжитесь, — сказал он. Захлопнул дверцу, включил зажигание и рванул вперед.

Когда я вернулся, Чико уже сидел в столовом зале пивной, обхватив голову руками.

— Возвращаюсь в Лондон, — сообщил я. — А ты не мог бы здесь остаться? — Я достал фотоаппарат из кармана. — Вынь пленку и отдай ее проявлять. Если можно, к завтрашнему дню. Тут несколько снимков Три-Нитро и Инки Пула. На некоторых лошадях Джорджа Каспара сегодня утром ездили девушки, — сказал я, — посмотрим, может, тебе удастся найти подход к девушкам.

— Это выходит за рамки служебных обязанностей. — Тем не менее глаза его прояснились. — А о чем спрашивать?

— Ну, например, кто седлает Три-Нитро для тренировочного галопа и каким будет распорядок дня в конюшнях с сегодняш-

него дня до будущей среды. Я вернусь в пятницу вечером, чтобы посмотреть субботний галоп. Они обязательно выведут Три-Нитро на тренировку в субботу. И дадут ему большую нагрузку, чтобы довести его до полной готовности.

Потом я позвонил Розмари и снова назвался мистером Барнсом.

— Я не могу говорить. У нас гости.

— Тогда послушайте, — сказал я. — Постарайтесь уговорить Джорджа изменить расписание, когда Три-Нитро выведут на галоп в субботу. Например, сменить жокея. Не посылать с ним Инки Пула.

— Не думаете же вы... — воскликнула она на высокой ноте и оборвала фразу.

— Я ничего не знаю, но если Джордж полностью изменит расписание, будет меньше возможностей для махинаций. Я буду следить за галопом. Но хотелось бы, чтобы вы разрешили мне поговорить с Джорджем.

— Нет. Он разозлится. Извините, но мне надо идти. — В трубке раздался треск. Я подумал, что, может быть, Джордж прав и его жена действительно неврастеничка.

Я отправился в Жокейский клуб на Портмен-сквер, где должен был встретиться с Лукасом Уэйнрайтом. Хотя я получил от него неофициальное задание, оно все же было достаточно официальным, чтобы он пригласил меня к себе в кабинет. Как выяснилось, бывший старший инспектор полиции Эдди Кит уехал в Йоркшир, чтобы провести проверку на допинг, а остальным не было дела до моего визита.

— Я приготовил вам все папки, — сказал Лукас. — Здесь доклады Эдди Кита о синдикатах и кое-какие данные о прохвостах, которых он покрывал.

— Тогда я начну. Могу я взять их с собой или вы предпочитаете, чтобы я просмотрел их здесь?

— Лучше здесь, — сказал он. — Моя секретарша, насколько мне известно, большая поклонница Эдди. Лучше не привлекать ее внимания.

Он предоставил мне стол у стены, удобное кресло и яркую лампу, и в течение часа я читал и делал выписки.

Когда я закончил, Лукас спросил:

— Вы выписали все, что хотели?

— Пока только половину. Вы можете мне дать еще часок?

— Да, но... Видите ли, я хочу быть с вами честным... Я, пожалуй, сообщил вам не все факты, — признался он.

— Тогда сообщите мне их.

— Я уже послал человека проверить два синдиката. Шесть месяцев назад. До того, как их проверял Эдди.

— И каков был результат?

Он откашлялся.

— Человек, которого я послал, — его фамилия Мейсон... Мы так и не получили его доклада, потому что на него напали на улице до того, как он мог его подготовить.

— Что значит — напали? — спросил я. — И кто напал?

— Никто не знает, кто на него напал. Его обнаружил на тротуаре какой-то прохожий, который и вызвал полицию.

— Но разве вы... не расспросили его... Мейсона?

— Он... э-э... полностью так и не оправился, — сказал Лукас с сожалением. — Его, видимо, несколько раз ударили по голове. На теле остались следы побоев. Мейсон до сих пор в больнице. И навсегда останется там. Он превратился в идиота... и к тому же ослеп... Полиция считает, что Мейсона пытались убить.

Он откинулся на спинку кресла с таким видом, словно выполнил неприятную обязанность. Долг джентльмена.

— Ясно, — сказал я. — Какие синдикаты он проверял?

— Первые два из тех материалов, что я вам дал.

— И вы считаете, что кто-то из членов синдиката способен прибегнуть к насилию, чтобы выпутаться из трудного положения?

— Возможно, — признался он огорченно.

— Так что же мне надо расследовать — возможную нечистоплотность Эдди Кита или покушение на убийство Мейсона?

После паузы Лукас ответил:

— Пожалуй, и то, и другое.

Наступило долгое молчание. Наконец я сказал:

— Вы отдаете себе отчет в том, что, послав мне записку на скачках, встретившись со мной в чайной комнате и пригласив сюда, вы не оставили сомнений в том, что я работаю на вас?

— Но ведь это может быть совсем другая работа.

— Но после того, как я появился в синдикатах...

— У меня, конечно, не будет претензий, — сказал он, — если после того, что вы узнали, вы не захотите... э-э...

Я вздохнул.

— Лучше расскажите мне подробнее о Мейсоне. Куда он ездил и с кем встречался. Все, что вы можете припомнить.

— Мне практически ничего не известно. Вскоре после того, как Мейсон уехал, нам сообщили, что он подвергся нападению. Полиция не смогла установить, где он побывал, а все члены синдикатов клянутся, что в глаза его не видели. Дело, конечно, закрыто, и шесть месяцев спустя никто им не интересуется.

Я покинул Жокейский клуб без четверти шесть и направился к себе.

К дому я подъехал на такси, но не смог остановиться перед парадным, потому что там стояла темная автомашина.

Я лишь мельком взглянул на нее — и допустил ошибку. Как только подошел к ней и повернул к парадному, ближайшая ко мне дверца открылась.

Двое мужчин, одетых в темное, выскочили из нее и схватили меня. Один ударил меня по голове чем-то тяжелым, а другой набросил на меня что-то типа лассо из толстой веревки, связал руки и обмотал грудь. Вдвоем они засунули меня, как мешок, на заднее сиденье и завязали глаза какой-то тряпкой.

— Ключи, — раздался голос. — Скорей. Нас никто не видел.

Я почувствовал, что они роются в моих карманах. Звякнули ключи, я начал приходить в себя и сопротивляться — это была чисто рефлекторная реакция.

После этого мне прижали к носу и ко рту мерзко пахнущий тампон. Я потерял сознание.

Придя в себя, я понял, что лежу на соломе. Поначалу мне померещилось, что я упал с лошади, хотя и не мог вспомнить, с какой и на каких скачках.

Потом до меня дошло, что это совсем не скачки. Меня похитили средь бела дня на улице Лондона. Я лежал, связанный, на спине с повязкой на глазах. Потом я сел и попытался высвободить хоть какую-нибудь часть тела, но мои усилия были напрасными.

Прошла целая вечность, прежде чем снаружи послышались шаги. Скрипнула деревянная дверь, и внезапно свет упал мне на лицо.

— Напрасно стараетесь, мистер Холли, — проговорил чей-то голос. — Вам не развязать эти узлы одной рукой.

Я перестал стараться.

— Мы немного переусердствовали, — сказал мужчина с явным удовольствием, — и веревки, и анестезирующее средство, и дубинка, и повязка на глаза. Я, конечно, предупредил их, чтобы они были осторожны и не задели вашу металлическую руку.

Голос был мне знаком. Едва уловимый манчестерский акцент, манера говорить, приобретенная при восхождении по лестнице, ведущей в верха общества. Уверенность — признак могущества.

Тревор Динсгейт.

Последний раз я видел его во время тренировочного галопа в Ньюмаркете, когда наблюдал, как скачет Три-Нитро, которого он узнал потому, что был знаком с рабочим жокеем, неизвестным большинству зрителей. Букмекер Тревор Динсгейт интересовал меня, он был человеком, которого мне следовало раскусить раньше. Этим бы я и занялся, но не успел.

— Снимите повязку с глаз, — приказал он. — Я хочу, чтобы он меня видел.

Когда глаза привыкли к свету, первое, что я увидел, — был двуствольный дробовик, наведенный на меня.

Я находился в амбаре, а не в конюшне. Слева от меня стоял огромный стог соломы, справа, чуть поодаль, — трактор. Ноги мои были привязаны к прицепной тяге газонокосилки. Надомной высился свод крыши со стропилами и одна слабая электрическая лампочка, свет которой падал на Тревора Динсгейта.

— Вы слишком умны — себе во вред, — сказал он. — Знаете, что о вас говорят? Если Холли взялся за вас — берегитесь. Он подкрадывается к вам, когда вы будете считать, что он не ведает о вашем существовании, и двери камеры захлопнутся за вами прежде, чем вы сообразите, как это произошло.

Я промолчал. Что я мог сказать? Что можно сказать, когда сидишь, спеленутый, таким пнем, под дулом дробовика?

— Так вот, я не собираюсь ждать, ясно? Я знаю, что вы уже подобрались чересчур близко. Хотите меня сцапать? Расставили ловушки, а? Ждете, пока я попадусь, как попались в ваши руки многие другие? — Он замолчал, поняв, что неточно выразился. — В вашу руку, на этот замысловатый крючок.

Он стоял молча, наблюдая за мной. Я сидел, не двигаясь, стараясь держаться прямо, и думал о легкой, безопасной работе в маклерской конторе, которой меня когда-то прельщала

моя бывшая жена, устав от злоключений жокейской жизни.

Еще двое стояли позади меня с правой стороны, вне моего поля зрения. Я слышал только шорох соломы, когда они переминались с ноги на ногу.

Тревор Динсгейт обратился к ним.

— Слушайте внимательно, — сказал он, — и не напутайте. Возьмите эти два куска веревки и привяжите один к его левой руке, а другой — к правой. И следите, чтобы он не выкинул никакого номера.

Он чуть-чуть поднял ружье, так что я мог смотреть в отверстие стволов. Если он выстрелит с этой позиции, подумал я, то попадет в своих напарников. Не похоже, чтобы он намеревался тотчас со мной расправиться. Напарники привязывали веревки к моим запястьям.

— Привяжи выше локтя, кретин, — рассердился Тревор Динсгейт, — иначе эта штука отвалится.

Тот, которого он отругал, сделал, как ему велели, туго завязал узел и, как бы невзначай, поднял толстую железяку, похожую на лом, и стоял, сжимая ее в руке, — наверное, опасаясь, что каким-то образом я могу освободиться от пут и напасть на него.

Лом... Тошнотворный страх внезапно охватил меня, и по телу поползли мурашки. Однажды другой негодяй, который знал, что для меня страшнее всего, ударил кочергой по моей левой покалеченной руке — тогда-то я и лишился ее. Я оплакивал потерю и испытывал бесчисленные муки, но до этого жуткого момента не отдавал себе отчета, как дорожил тем, что осталось от руки. Мышцы, которые давали импульс электродам, по крайней мере, создавали иллюзию действующей руки. Если их повредят, я лишусь и этого.

— Вам это не нравится, мистер Холли? — спросил Тревор Динсгейт.

Я снова повернул голову в его сторону. Его голос и лицо выражали торжество, удовлетворение и даже что-то, похожее на чувство облегчения.

Я молчал. Он отдал дружкам новый приказ.

— Развяжите у него веревку на груди. И смотрите, осторожно. Придерживайте веревки на его руках.

Они развязали узел и сняли веревку с груди. Это нисколько не увеличило моих шансов на избавление. Все они слишком преувеличивали мою способность бороться.

— Лягте, — сказал мне Динсгейт и, поскольку я не исполнил его приказа, кивнул своим напарникам. — Уложите его. Я не хочу вас убивать, — сказал он. — Мне нельзя рисковать. Но если я не убью вас, мне придется заткнуть вам рот другим способом. Раз и навсегда.

Если он меня не убьет, тогда непонятно, как это ему удастся. Но мне просто не хватало фантазии.

— Отведите его руку в сторону, — сказал он.

Мою руку сильно потянули.

— Не эту, идиот, — сказал Тревор Динсгейт, — правую.

Стоявший справа от меня со всей силы потянул веревку, пока не отвел руку перпендикулярно телу.

Тревор Динсгейт шагнул ко мне и опустил вниз ружье. Чер-

ные отверстия стволов были направлены на запястье моей правой руки. Он не спеша опустил ружье еще на дюйм. Оно коснулось моей кожи и прижало руку к соломе, покрывавшей пол. Я почувствовал, как металлические края стволов давят на кости, нервы и сухожилия моей здоровой руки. Послышался щелчок взведенного спускового крючка. Одного выстрела достаточно, чтобы разнести на кусочки мою руку.

Меня стало мутить, все тело взмокло от пота.

Что бы ни говорили, я точно знаю, что такое страх. Не страх перед лошадью, скачками, падением или обычной физической болью. Страх перед унижением, безнадёжностью и полным бессилием... Но я инстинктивно старался, чтобы он не отразился на моем лице.

Прошло несколько долгих, мучительных секунд. Наконец он глубоко вздохнул и сказал:

— Как видите, я мог бы выстрелом оторвать вам руку. Проще простого. Но, возможно, я этого не сделаю. Во всяком случае, сегодня. — Он помолчал. — Вы меня слышите?

Я едва заметно кивнул. Мой взгляд не отрывался от ружья.

Он снова заговорил — тихо, серьезно, придавая вес каждой фразе:

— Вы можете обещать мне, что отступитесь? Что больше не будете предпринимать ничего против меня ни в какой форме, никогда? Завтра утром вы отправитесь во Францию и пробудете там, пока не закончатся скачки на приз «Две тысячи гиней». После этого можете делать, что угодно. Но если вы нарушите обещание... помните, вас легко отыскать. Я найду вас и избавлю от правой руки. Я это сделаю, можете не сомневаться. Раньше или позже — не имеет значения. Вам ясно?

Я снова кивнул. Ружье, давившее на мою руку, казалось мне раскаленным. Только не это, твердил я мысленно. О боже, не допусти этого.

— Обещайте. Скажите, что обещаете.

Я с трудом сглотнул. Голос у меня был глухой и осипший.

— Обещаю.

— Вы оставите это расследование?

— Да.

— И никогда больше не будете предпринимать что-либо против меня?

— Нет.

— Вы отправитесь во Францию и останетесь там, пока не пройдут скачки?

— Да.

Снова наступило молчание. Мне казалось, что оно тянется уже сто лет. Наконец он отвел ружье. Вынул патроны. Я почувствовал тошноту.

Он опустился на колени в своем дорогом костюме рядом со мной и пристально всмотрелся в мое лицо. Я изо всех сил старался, чтобы оно осталось неподвижным и глаза не выдали моего состояния. Предательский пот струился по моей щеке. Он кивнул с мрачным удовлетворением.

— Я знал, что этого вы не выдержите. Не сможете примириться с потерей второй руки. Нет надобности убивать вас.

Он встал на ноги и потянулся, словно сбрасывая внутреннее напряжение. Потом начал шарить по карманам, вытаскивать различные вещи.

— Вот ваши ключи. Ваш паспорт. Ваша чековая книжка. Кредитные карточки.

Он положил их на тюк соломы. И сказал тем двоим:

— Развяжите его и отвезите в аэропорт. В Хитроу.

Я улетел в Париж и оставался там, не имея никакого желания или сил ехать куда бы то ни было еще. Я пробыл в гостинице при аэропорте шесть дней, не выходя из комнаты, и провел большую часть времени, сидя у окна и наблюдая, как садятся и взлетают самолеты. Нетрудно убедить себя, что у меня не было иного выхода, как дать Динсгейту обещание, которого он требовал. Но я не мог уйти от осознания того факта, что, когда молодчики Динсгейта высадили меня в Хитроу и тут же укатили, я по собственной воле купил билет, проторчал до посадки в зале ожидания, а затем сел в самолет.

Шли дни, а разлад в моей душе, казалось, не ослабевал, а усиливался. Какая-то часть моего «я» продолжала действовать автоматически, я двигался, разговаривал, заказывал кофе, ходил в ванную комнату. Другая часть, которая была более значима, испытывала смятение, тоску.

Отчасти беда состояла в том, что я слишком хорошо знал свои слабости. Знал, что если бы не моя проклятая гордость, то я не был бы так убит тем, что утратил ее.

С этим я тоже не мог примириться.

В среду я подумал о Ньюмаркете. О Джордже Каспаре, который повел Три-Нитро на проверку, нашел его в превосходном состоянии и решил, что на этот раз осечки быть не может. О Розмари, мечтающей о победе Три-Нитро и уверенной в его поражении. О Треворе Динсгейте, который был вне подозрений и действовал незаметно, как крот, каким-то образом загубив лучшего жеребца в королевстве.

Я мог бы помешать ему, если бы постарался.

На шестой день, в четверг утром, я спустился в холл и купил английскую газету.

Скачки на приз «Две тысячи гиней» состоялись, как положено.

Три-Нитро стартовал бесспорным фаворитом и пришел к финишу последним.

Я оплатил счет и отправился в аэропорт. Мне очень хотелось скрыться. Но от себя не скроешься.

Я подумал, что то, чего я лишился, может быть, еще хуже, чем потерять руку. Руку можно заменить приспособлениями, которые выглядят вполне сносно. Но если у тебя разлад с собой, как можно существовать после этого?

Мне потребовалось немного времени, отравленного одиночеством, чтобы купить билет в Хитроу.

Самолет приземлился в полдень. Я взял такси и поехал домой.

В холле, на лестнице, на площадке все выглядело как обычно и в то же время было совсем другим. Я вставил ключ в замок,

повернул его и вошел в квартиру. Я был уверен, что в ней никого нет, но еще до того, как захлопнуть дверь, послышался шорох в гостиной и затем голос Чико: «Это вы, адмирал?»

С адмиралом Чарлзом Роулэндом, отцом моей бывшей жены, я сохранил прочную дружбу.

Чико вышел из гостиной. На лице его после некоторой борьбы с другими чувствами застыло удивление.

— Давно пора, — наконец изрек он.

— Я послал тебе телеграмму.

— Разумеется. Она здесь, на полке, на самом видном месте. «Уезжай Ньюмаркета возвращайся домой тчк буду отсутствовать несколько дней позвоню». Что это за телеграмма? Отправлена из Хитроу утром в пятницу. Ты устроил себе каникулы?

— Ага.

— Ты укатил без зарядного устройства. Ты его не оставляешь, даже когда уезжаешь на один день. Запасные батарейки все на месте. Ты не мог двигать рукой в течение шести дней. Кроме того, ты не взял ни одежды, ни бритвы.

— Я жил в гостинице. У них есть одноразовые бритвы.

— Что будем есть? Я умираю с голоду. Тосты с сыром?

— Прекрасно.

Он пошел в кухню. Я вынул севшую батарейку из протеза и вставил новую. Пальцы разжались и сжались, как в прежние времена. Мне их не хватало больше, чем я предполагал.

Чико принес тосты с сыром. Он ел свой, я же только смотрел. Лучше бы съест, подумал я, но у меня не было сил.

Чико взглянул на часы.

— Пора идти учить маленьких разбойников перебрасывать бабushек через плечо. Да, Сид, пока я не забыл. Лукас Уэйн-райт хочет тебя видеть, он звонил четыре раза. И Розмари Каспар вопила так, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. В блокноте у телефона все записано. Ну, пока. Вернусь позднее.

Когда Чико возвратился с урока дзюдо, он снова начал выпытывать, где я был.

— Ладно, — сказал Чико наконец, ничего не добившись от меня, — играй в молчанку, посмотрим, чем это кончится. Где бы ты ни побывал, тебе было плохо — по тебе это заметно. И если будешь все держать в себе, легче не станет. — Помолчав, он заговорил другим тоном: — Три-Нитро все-таки испортили перед вчерашними скачками на приз «Две тысячи гиней», и теперь конюшни Джорджа Каспара выворачивают наизнанку... Выходит, Розмари оказалась не такой чокнутой, как мы думали! Как, по-твоему, им удалось это сделать?

— Не знаю.

— Я ходил смотреть галоп в субботу утром, — сказал он. — Да, да, знаю, что ты послал телеграмму, чтобы я уехал. Но я договорился с одной болтливой куколкой и поэтому остался. Она работает у Джорджа Каспара.

Новый, запуганный Сид Холли не хотел даже слушать.

— У Каспара в среду весь день стоял гвалт, — продолжал Чико. — Он начался во время завтрака, когда Инки Пул явился и сказал, что Сид Холли задавал вопросы, которые ему, Инки Пулу, не понравились.

Он замолчал, чтобы посмотреть, какое впечатление произведут его слова. Я не ответил.

— Потом появился ветеринар Бразерсмит и, услышав, как возмущается Инки Пул, сказал, что Сид Холли приходил и к нему и тоже задавал вопросы о тех же лошадях, о которых говорил Инки Пул: о Бетезде, Глинере, Зингалу. Еще хотел узнать, как с сердцем у Три-Нитро. По словам моей куколки, Джордж Каспар орал так, что слышно было в Кембридже. Он совсем ополоумел из-за этих лошадей.

Тревор Динсгейт, подумал я бесстрастно, завтракал у Джорджа Каспара и слышал каждое слово.

— Позже они проверили, как дела на коневодческих фермах — у Гарви и Трейса, и узнали, что ты побывал и там. Моя куколка сказала, что тебя крыли почем зря.

Я потер лицо рукой.

— А твоя куколка знает, что ты работаешь со мной?

— За кого ты нас принимаешь? Конечно, нет.

— Что еще она сказала?

— Розмари, сказала она, приставала к Джорджу Каспару, чтобы он изменил распорядок утреннего галопа в субботу, пилила его весь четверг и всю пятницу, и Джордж Каспар прямо лез на стену. На следующее утро я наблюдал галоп. Твои фотографии очень пригодились. Сотни этих чертовых лошадей... Кто-то показал мне, какие из конюшен Каспара, и тогда я узнал Инки Пула, хмурого, как на фото, так что я уже не спускал с него глаз и крутился там. Когда очередь дошла до Три-Нитро, началась суматоха. С него сняли седло и надели другое, поменьше, и Инки Пул ездил на нем.

— Что мы будем делать? — наконец спросил Чико.

— Ничего... Мы вернем Розмари ее деньги и подведем черту.

— Постой-постой, — воскликнул Чико. — Но ведь лошадь испортили! Ты знаешь, что это так.

— Меня это больше не касается.

Мне хотелось, чтобы он перестал смотреть на меня. У меня было одно желание — спрятаться.

Раздался громкий и продолжительный звонок в дверь.

— Нас нет, — сказал я, но Чико пошел открывать.

Розмари Каспар промчалась мимо него через прихожую в гостиную. Она была в дикой ярости. Ни шарфика, ни парика, ни изысканной вежливости.

— Ага, вы здесь, — прорычала она грозно, — я знала, что вы отсиживаетесь дома. Когда я звонила, ваш друг все время твердил, что вас нет, но я была уверена, что он врёт.

— Меня здесь не было.

— Вас не было там, где вы должны были быть, то есть в Ньюмаркете. За это я вам заплатила. И я предупредила, что Джордж не должен знать, что вы расспрашиваете людей, но ему стало известно об этом, и с тех пор у нас сплошные скандалы. К тому же Три-Нитро опозорил нас на скачках. И во всем виноваты вы, черт бы вас побрал! Верните мои деньги.

— Вас устроит чек? — спросил я.

— Значит, вы признаете, что ничего не смогли сделать?

После маленькой паузы я сказал «да». Потом выписал чек.

— Почему вы все время были уверены, что на Три-Нитро идет охота? — спросил я.

— Не знаю. Просто чувствовала, что так случится. Я боялась этого много недель... Иначе я не была бы в таком состоянии и не решилась бы обратиться к вам. Могла не трудиться...

— Розмари... — пробормотал я с бесполезным сочувствием.

— Бразерсмит утверждает, что он схватил инфекцию. Чушь! Три-Нитро вышел на старт — просто красавчик, и когда до этого проходил парадный круг — тоже все было в порядке. А во время скачки он вдруг повернул назад, а когда закончил... он вернулся... в полном изнеможении.

Я оторвал чек и дал ей, Розмари резко повернулась и ушла.

— Сид? — окликнул меня Чико.

— Я думаю, пора завязывать с такой работой, — сказал я.

— Охота тебе обращать внимание на то, что она сказала, — возразил он. — Ты не можешь бросить эту работу. У тебя слишком хорошо получается. Вспомни, какие сложные дела ты распутал. Только потому, что один раз не получилось...

Я тупо смотрел на него.

— Ладно, Сид, если на сегодня все, я ухожу... И... Э-э... будь здесь завтра, хорошо?

— Да.

Я стоял в гостиной, ухватив свою слабую руку выше локтя целой, подвижной правой рукой, как я часто делал, чтобы поддержать ее, думал с отчаянием, что не должен допустить, чтобы страх победил меня.

Лукас Уэйнрайт позвонил на следующее утро.

— Есть какие-нибудь сдвиги? — спросил он тоном, каким, наверное, говорил с подчиненными, когда был морским офицером.

— Боюсь, — сказал я с сожалением, — что потерял те выписки, которые делал. Мне придется снова заняться этим.

— О, господи! — Он был недоволен. Я не сказал ему, что выписки пропали потому, что меня ударили по голове и я уронил конверт, в котором они находились, в сточную канаву. — Ну, тогда приезжайте немедленно, Эдди придет только после обеда.

Папки были уже приготовлены у него в кабинете, и я уселся за тот же стол, что и в первый раз, и снова выписал все, что мне было нужно.

— Сид, вы не будете слишком тянуть?

— Все внимание этому вопросу, — пообещал я, — начиная с завтрашнего дня. Завтра после обеда выеду в Кент.

— Хорошо. — Он встал, как только я вложил выписки в новый конверт, и ждал, пока пойду к выходу.

Я трусливо помедлил и заговорил прежде, чем осознал, следует говорить об этом или нет.

— Капитан, помните, вы сказали, что, может быть, заплатите мне за эту работу не деньгами, а тем, что окажете помощь, если она мне понадобится?

— Конечно, помню. Но вы еще не выполнили работу. Какую помощь?

— М-м... ничего особенного. Совсем пустяк. — Я достал бумажку и протянул ему. Подождал, пока он прочтет то немногое, что на ней было написано. Я испытывал такое ощущение, будто подложил мину и сейчас сам наступлю на нее.

— Почему бы и нет, — сказал он, — если вы этого хотите. Но скажите, вы обнаружили что-то, о чем нам следует знать?

— Вам будет известно об этом, как только я сам выясню, если сделаете то, что здесь написано, — ответил я, кивнув головой на бумажку. — Единственное, о чем я прошу, не называйте моего имени. Не говорите, что это была моя идея, никому. Я... м-м... Ваше поручение может привести к тому, что меня убьют.

Мы пожали руки, и я покинул его кабинет, унося конверт.

Через некоторое время у меня появился Чико с пакетом рыбы и жареного картофеля. Он положил все это на тарелки, и мы принялись за еду.

— Я вижу, ты снова вернулся к жизни.

— Временно.

— Тогда стоит поработать, пока ты с нами.

— Синдикаты, — сообщил я и рассказал ему о злополучном Мейсоне, которого послали с тем же поручением и которому повредили черепушку. — Начнем сегодня?

— Конечно. — Он задумчиво молчал, облизывая пальцы. — Ты говорил, что нам за это не будут платить?

— Не деньгами.

— Почему бы нам не заняться лучше расследованиями для страховых компаний? Прекрасная спокойная работа с гарантированной оплатой.

— Я обещал Лукасу Уэйнрайту, что займусь синдикатами.

Он пожал плечами.

— Ты босс.

— Мы потом компенсируем.

— Значит, ты решил продолжать?

Я ответил не сразу.

— Да-да. Сперва займемся синдикатами. А там видно будет. «Потом я буду знать, — подумал я. — Почувствую нутром, что делать. Если больше не смогу входить в клетки к тиграм, то мы конченные люди. Не только один из нас — мы оба».

Первый синдикат в списке Лукаса состоял из восьми человек, трое из которых во главе с Филипом Фрайерли зарегистрированы как владельцы.

— Нам надо расследовать не зарегистрированных владельцев, — сказал я, — а всех остальных.

Мы ехали на моей машине через Кент в Танбридж-Уэллс, родной город некоего Питера Рэммилиза, который являлся, как сказал Лукасу Уэйнрайту его осведомитель, фактически инициатором всех четырех сомнительных синдикатов, хотя его имя нигде не фигурировало.

— Мейсон, — сказал я как бы между прочим, — подвергся нападению и был брошен на улице в Танбридж-Уэллсе, потому что его сочли мертвым... Чико, ты не хочешь вернуться обратно?

— У тебя дурные предчувствия?

Помолчав, я ответил «нет» и быстрее, чем нужно, сделал крутой поворот.

— А этот Рэммилиз, — сказал Чико. — Что это за человек?

— Я его не знаю, но много слышал о нем. Он фермер, но нажил кучу денег на махинациях с лошадьми. Жокейский клуб не желает, чтобы он стал зарегистрированным владельцем, и на многие ипподромы его вообще не пускают.

Найти ферму Питера Рэммилиза не составляло труда. Мы увидели большой жилой дом, современный деревянный блок конюшен и огромный амбар.

Ни души. Мы вышли из машины. Не успели сделать несколько шагов в сторону дома, как из дверей амбара во двор выбежал мальчуган лет семи и остановился перед нами, запыхавшись.

— «Скорая» приехала?

Он посмотрел мимо меня, на мой автомобиль, и его мордашка скривилась от разочарования. Слезы текли по его лицу.

— Что случилось? — спросил я.

— Я вызвал «Скорую»... уже давно.

— Мы можем помочь, — сказал я.

— Там мама, — произнес он. — Она лежит и не просыпается.

— Идем, покажи нам.

Это был крепыш с каштановыми волосами и карими глазами. Он побежал к амбару, и мы, не теряя времени, пошли за ним. Войдя внутрь, мы сразу поняли, что это не обыкновенный амбар, а закрытый манеж для верховой езды размером примерно двадцать метров в ширину и тридцать пять в длину. Свет проникал через крышу. Пол от стены до стены был покрыт толстым слоем коричневых стружек, которые пружинили и поглощали звуки, — здесь удобно было объезжать лошадей.

По манежу вкруговую скакали лошадь и пони. На стружках, спрячавшись, лежала женщина.

Мы с Чико подбежали к ней. Женщина была довольно молодая. Она лежала на боку, лицом вниз, без сознания. Дыхание едва угадывалось, но пульс бился сильно и ритмично.

— Сходи позвони еще раз, — сказал я Чико.

— А не перенести ли ее?

— Нет... вдруг у нее перелом.

Он повернулся и побежал к дому.

— Она жива? — с тревогой спросил малыш. — Бинго встал на дыбы, она упала, и, по-моему, он ударил ее по голове.

— Тебя как зовут?

— Марк.

— Так вот, Марк, насколько я могу судить, у твоей мамы все будет в порядке. А ты молодец, смелый мальчик.

Я опустился на колени возле его матери и убрал ее волосы со лба. Женщина слегка застонала, и веки ее дрогнули. Она начинала приходить в себя. Мальчик, видимо, успокоился и с готовностью рассказал мне, что его папа уехал до завтрашнего утра, и на ферме остались только они с мамой.

Чико вернулся и сообщил, что «скорая» выехала. В то время как он с Марком оберегали пострадавшую, я одну за другой поймал лошадей и привязал их вожжами к кольцам, вделанным в стену.

«Скорая» приехала, но Марк снова разволновался, когда санитары погрузили его мать в машину и собрались уезжать. Он хотел ехать с ней, но санитары не соглашались взять его одного. Я сказал Чико:

— Отвези его в больницу... Езжай следом за «скорой». А я осмотрю дом. Его отец не вернется до завтрашнего дня.

— Весьма удобно, — иронически заметил он, посадил ребенка в мою машину и выехал на дорогу.

Я вошел в дом через открытую дверь так уверенно, как будто был приглашен. Ничего не стоит войти в клетку тигра, когда тигр отсутствует.

Это был старый дом, полный всевозможных дорогих украшений, которые меня просто угнетали. Яркие ковры, огромная стереосистема, настольная лампа в виде золотой нимфы и глубокие кресла, обитые материей в черных и блекло-зеленых зигзагах.

Нарочитый порядок в кабинете заставил меня остановиться и задуматься. Ни один из торговцев лошадьми, с которыми я когда-либо сталкивался, не складывал свои grossesбухи и бумаги какими аккуратными прямоугольными стопками. А сами grossesбухи, когда я их раскрыл, содержали записи буквально до сегодняшнего дня. Я осмотрел ящики столов и картотечные шкафчики, стараясь оставить все в первоначальном виде, но не обнаружил ничего, кроме демонстрации честности. Ни один ящик или шкаф не был заперт. Похоже, подумал я цинично, что все это декорация, сооруженная, чтобы сбить с толку налоговых инспекторов. Подлинные записи, если он вообще их вел, возможно, спрятаны где-то вне дома.

Я поднялся наверх. Та же немыслимая аккуратность в каждом ящике и шкафу, даже в корзине с грязным бельем, где лежала аккуратно сложенная пижама. Ни сувениров, ни старых книг, ни даже фотографий, за исключением фото Марка верхом на пони.

Я осматривал дворовые строения, когда вернулся Чико. Никаких домашних животных, кроме семи лошадей на конюшне и двух в манеже. Никаких признаков занятий сельским хозяйством. Я пошел навстречу Чико и спросил его, куда он дел Марка.

— Медсестры пичкают его булочками с вареньем и пытаются дозвониться до его папаши. Мать пришла в себя и разговаривает. Как твои успехи? Ты поведешь машину?

— Нет, vedi ты. — Я сел рядом с ним. — Этот дом — самый подозрительный образчик полного отсутствия каких-либо данных о прошлом.

— Даже так?

— Угу. И ни малейшего намека на связь его хозяина с Эдди Китом.

— Значит, зря съездили.

— Марку повезло.

Имение Хайалейн-парк имело величественный вид. Двери дома открывались для публики всего несколько раз в году, но тер-

ритория парка постоянно сдавалась в аренду для проведения ярмарок, гастролей цирка и празднеств. Я заплатил за вход у ворот и припарковал машину на оцепленной веревкой стоянке. За мной въезжали другие машины и становились впритирку с моей.

Позади меня послышался голос:

— Это он?

Я обернулся и увидел в узком пространстве, между моим автомобилем и соседним, мужчину, которого я не знал, и знакомого мне мальчика.

— Да, — ответил мальчик очень довольный. — Привет!

— Привет, Марк, — сказал я. — Как поживает твоя мама?

— Я сказал папе, что вы приезжали. — Он поднял глаза на мужчину, стоявшего рядом.

— Он описал вас, — проговорил мужчина. — Вашу руку и то, как вы умеете обращаться с лошадьми... Я быстро догадался, о ком он говорит, — его лицо и голос были жестки и в то же время осторожны, в них отражалось состояние, которое я теперь научился распознавать: нечистая совесть перед лицом неприятностей. — Мне не нравится, что вы суετε нос в мои дела.

— Вас не было дома, — ответил я кротно.

— Да, и мальчик оставил вас там одного.

Это был жилистый человек лет сорока, на котором крупными буквами были начертаны дурные намерения.

— Я и вашу машину узнал, — гордо заявил Марк. — Папа говорит, что я умный.

— Дети наблюдательны, — ехидно сказал отец.

— Мы ждали, пока вы не вышли из дома, — объяснил Марк. — И ехали вслед за вами всю дорогу. — Он сиял, приглашая меня включиться в увлекательную игру. — Это наша машина рядом с вашей. — Он похлопал по темно-бордовому «даймлеру». — Папа обещал, — продолжал весело щебетать Марк, — показать мне здесь все, пока наши друзья покатают вас на нашей машине.

Отец сердито покосился на мальчика — он не ожидал, что тот так сразу все выложит, но Марк, не заметив его взгляда, смотрел куда-то позади меня. Я обернулся. Между моей машиной и «даймлером» стояли двое. Рослые не улыбочивые типы с лытыми мускулами. Кастеты и башмаки с подковками.

— Садитесь в машину, — сказал Рэммилиз, кивнув не на мою, а на свою. — Через заднюю дверцу.

Как бы не так, подумал я. Что он, принимает меня за сумасшедшего? Я слегка нагнулся, как бы повинуюсь, но вместо того, чтобы открыть дверцу, обхватил Марка правой рукой, поднял и побежал. Рэммилиз закричал. Личико Марка рядом с моим было удивленным, но смеющимся. Я пробежал шагов двадцать, неся его, потом опустил на землю, двинулся от автомобиля в сторону толпы в центре ярмарки.

Проклятье, выругался я про себя. Это была своего рода засада, которая могла сработать, если бы не Марк. Один удар по почкам, и я оказался бы в машине прежде, чем успел бы перевести дыхание. Но им нужен был Марк для того, чтобы

опознать меня. Хотя им было известно мое имя, в лицо они меня не знали.

Я приблизился к арене, где ребяташки на пони преодолевали препятствия, и обернулся. Бандиты продолжали преследование.

Я шел, огибая круг, натываясь на детей, когда оборачивался, и все время видел позади себя тех двоих.

Они не похожи на наемников, которых подослал Тревор Дингсейт, подумал я. Те были неуклюжие, помельче, менее профессиональны. Эти выглядели так, как будто такого рода работа была для них постоянным источником заработка, и, несмотря на относительную безопасность, на то, что в крайнем случае я мог выйти на арену и закричать «помогите!», в них было что-то устрашающее. Наемным головорезам обычно платят по времени. Эти двое, похоже, принадлежали к категории, которая находится на окладе.

Я зашел в балаганчик, где показывали фильм об овчарках. Выйдя оттуда, я не увидел своих преследователей, повернул и тут заметил, что один из них вернулся и идет в мою сторону, внимательно осматривая каждую палатку. У него был обеспокоенный вид. Через секунду он обнаружит меня... Я торопливо огляделся и понял, что стою перед входом в шатер гадалки. Проем входа закрывал занавес из черных и белых пластиковых лент, за которыми виднелась неясная фигура. Я сделал четыре быстрых шага, раздвинул ленты и вошел. Мой преследователь прошел мимо, мельком глянув на шатер гадалки. Он смотрел вперед — значит, не видел, как я вошел. Зато гадалка меня хорошо видела, и для нее я означал заработок.

— Что желаешь, дорогой, всю жизнь или только будущее?

— М-м, право, не знаю, — пробормотал я. — Сколько времени это займет?

— Четверть часа, дорогой.

— Давайте только будущее.

Я посмотрел в окно. Часть моего будущего рыскала среди автомобилей, окружавших арену с внешней стороны, расспрашивала посетителей, те отрицательно качали головой.

— Садись на кушетку возле меня, дорогой, и дай мне левую руку.

— Придется дать правую, — ответил я рассеянно.

— Нет, дорогой, — сказала она резко, — только левую.

Меня это позабавило. Я сел и протянул ей левую руку. Она потрогала ее, посмотрела внимательно и, подняв глаза, встретилась со мной взглядом.

— Ну, что ж, дорогой, придется правую, — сказала она после паузы, — хотя для меня это непривычно.

— Рискнем, — сказал я. Мы поменялись местами на кушетке, она держала мою руку в своих теплых руках, а я наблюдал, как мой преследователь движется вдоль ряда машин.

Еще пару минут гадалка что-то говорила, но я не слушал, а только смотрел через пластиковый занавес. Наконец, мои преследователи скрылись из виду.

— Сколько я вам должен? — Она сказала, я заплатил и тихо подошел к двери.

— Будь осторожен, дорогой, — сказала она.

Я остановился в мотеле и просидел весь вечер у телевизора, а на следующий день поехал в Честер на скачки.

Я пришел на ипподром впервые с тех пор, как провел тягостную неделю в Париже, и мне казалось, что происшедшая во мне перемена должна бросаться в глаза. Но, конечно, никто не заметил того мучительного чувства стыда, которое охватило меня, когда я увидел Джорджа Каспара у входа в весовую, и никто не изменил своего отношения ко мне.

Розмари Каспар, которая шла с другой женщиной и о чем-то болтала с ней, чуть не наткнулась на меня, прежде чем мы заметили друг друга.

— Уходите! — вскричала она яростно. — Что вы здесь делаете?

Мое лицо окаменело. Это невыносимо, подумал я. Я бы не смог ничего сделать для того, чтобы их лошадь победила, даже если бы остался. И все-таки... Я всегда буду думать, что, может быть, и смог бы, если бы попытался.

— Привет, Сид! — окликнул меня кто-то. — Какой чудесный день, не правда ли?

— Действительно чудесный.

Филип Фрайерли улыбнулся и посмотрел вслед Розмари.

— Она на всех бросается после катастрофы на прошлой неделе. Бедная Розмари. Принимает все так близко к сердцу... Вы что-нибудь узнали для меня?

— Не слишком много. Для этого и приехал сюда. — Я сделал паузу. — Известно ли вам имя и адрес человека, который организовал ваши синдикаты?

— Сразу не могу сказать, — ответил он. — Видите ли, я не вел дела непосредственно с ним. Синдикаты были уже в значительной мере сформированы, когда мне предложили присоединиться. Лошади были куплены, и большая часть акций продана.

— Они использовали вас, — сказал я. — Использовали ваше имя. Респектабельный фасад.

Он грустно кивнул.

— Боюсь, что вы правы.

— Знаете ли вы Питера Рэммилиза?

— Кого? Никогда о нем не слышал.

— Он покупает и продает лошадей, — сказал я. — Лукас Уэйнрайт считает, что это он создал ваши синдикаты и манипулирует ими, но его не пускают в Жокейский клуб и на большинство скачек.

— Вот так история! — Его голос звучал печально. — Если Лукас занимается этими синдикатами... Что, по-вашему, мне следует делать, Сид?

— Я думаю, вам следовало бы продать свои акции или полностью упразднить синдикаты и вычеркнуть свое имя из списка их членов как можно скорее.

— Хорошо, я это сделаю. И в следующий раз, Сид, если соблазнюсь, я попрошу вас проверить остальных участников синдиката.

К нам, приветливо улыбаясь, подошел мужчина.

— Филип! Сид! Рад вас видеть.

Мы ответили с искренним удовольствием, ибо сэр Томас

Аллестон, нынешний главный распорядитель Жокейского клуба и вообще по сути дела вершитель судеб всего скакового бизнеса, был разумным, справедливым и непредубежденным администратором. Кое-кто считал, что он подчас бывает несколько суров, но эта работенка не для мягкотелых.

— Как дела, Сид? — спросил он. — Поймал каких-нибудь крупных мошенников в последнее время?

— В последнее время никого, — ответил я грустно.

Он улыбнулся Филипу Фрайерли.

— Наш Сид натянул нос Службе безопасности, вы еще не знаете? В понедельник ко мне приходил Эдди Кит, жаловался, что мы даем Сиду слишком большую свободу действий, и просил, чтобы не разрешали ему заниматься скачками.

— Эдди Кит? — переспросил я.

— Вы зря волнуетесь, Сид, — усмехнулся сэр Томас, — я сказал ему, что скачки многим вам обязаны и что Жокейский клуб никоим образом не будет вам мешать. И можете считать, что это не только моя позиция, но и всех официальных лиц в Жокейском клубе.

Мы вошли в дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен» и поднялись по лестнице в устланную ковром комнату, стеклянная стена которой выходила на скаковую дорожку. В комнате уже находились люди, и слуга разносил напитки на подносе.

— Полагаю, что вы знакомы с большинством присутствующих, — сказал сэр Томас, радушно представляя нас. — Мадлен, дорогая... — обратился он к своей жене, — ты знакома с лордом Фрайерли и Сидом Холли? — Мы пожали ее руку. — Ах, да, Сид, — сказал он, дотронувшись до моей руки, чтобы повернуть меня лицом к еще одному гостю. — Вы не знакомы с Тревором Динсгейтом?

Мы смотрели в упор друг на друга, быть может, одинаково ошеломленные. Последний раз он видел меня лежащим на спине в амбаре, парализованным от страха. Он и сейчас прочтет его на моем лице, подумал я.

— Вы, оказывается, знакомы? — спросил сэр Томас, слегка удивленно.

— Да, мы встречались, — ответил Тревор Динсгейт.

В его глазах и голосе, по крайней мере, не было издевки.

Сэр Томас сказал светским тоном:

— Я только что говорил Сиду, как Жокейский клуб ценит его услуги, и это, видимо, совсем лишило его дара речи.

Ни Тревор Динсгейт, ни я ничего не ответили. Сэр Томас вновь слегка поднял брови и сделал новую попытку.

— Ну, ладно, Сид, каков ваш прогноз на главный заезд?

— О... Я думаю, Уайнтейстер.

Мне казалось, что у меня напряженный голос, но сэр Томас этого, видимо, не почувствовал. Тревор Динсгейт смотрел на бокал с золотистой жидкостью. Один из гостей обратился к сэру Томасу, и он повернулся. Тревор Динсгейт сделал шаг ко мне. Он заговорил быстро и жестко. Голос его был лишен жалости.

— Если вы нарушите обещание, я сделаю то, о чем предупредил вас.

Он не отводил глаз до тех пор, пока не убедился, что до меня дошли его слова.

Время шло. Уайнтейстер потерпел поражение в главном заезде, а в следующем заезде жокей Ларри Сервер доскакал на лошади синдиката Филипа Фрайерли до конца поля и остановился там. Мое состояние не улучшилось, и после пятого заезда я решил, что бессмысленно оставаться дольше, поскольку я не мог даже думать связно.

За воротами слышался обычный гогот шоферов, прислонившихся к своим автомобилям в ожидании хозяев. Среди них затесался один из жокеев стипль-чеза, лицензии которых на время были признаны недействительными за то, что они брали взятки у Рэммилиза. Я кивнул ему, проходя мимо.

— Джекси!

Я направился к машине, открыл дверцу и бросил бинокль на заднее сиденье. Сел за руль. Включил зажигание. Помедлил с минуту и подъехал задним ходом к воротам.

— Джекси, — позвал я, — садись. Я покупаю.

— Что покупаешь? — Он подошел, открыл дверцу с другой стороны и сел рядом. Я вынул бумажник из заднего кармана брюк и, бросив его Джекси на колени, выжал сцепление.

— Возьми все деньги, — сказал я и выехал на шоссе.

— Все взяты? — спросил он недоверчиво.

— Я хочу знать о Питере Рэммилизе.

— Только не это. — Он рванулся к дверце, но вовремя опомнился.

— Джекси, — сказал я, — никто не слышит, кроме меня, и я никому не передам. Ты только скажи, сколько он тебе заплатил и за что, и вообще все, что вспомнишь.

Он помолчал. Потом проговорил:

— Это стоит больше, чем моя жизнь, Сид. Говорят, что он привез двух профессионалов из Глазго для особой работы, и всякий, кто встанет сейчас у него на пути, будет растоптан.

— Ты видел этих профессионалов? — спросил я, подумав, что мне-то они были хорошо знакомы.

— Нет. Ходят слухи.

— А насчет того, что это за особая работа, слухи не ходят?

Он покачал головой.

— Что-нибудь связанное с синдикатами?

— Сид, ты же не ребенок! Все, что касается Рэммилиза, всегда связано с синдикатами. Он управляет почти двумя десятками.

— А какая у него такса за такой номер, какой сегодня отколол Ларри Сервер?

— Сид, — взмолился он.

— Как ему удастся посадить типа вроде Ларри Сервера на лошадь, к которой его никогда не допустили бы?

— Он мило просит тренера, протягивая полную горсть денег.

— Подкупает тренеров?

— Иногда это вовсе не трудно. — Он помолчал. — Не ссылайся на меня, но имей в виду, что прошлой осенью были заезды, на которых всех лошадей до единой выставил Рэммилиз. Он просто кроил скачки, как хотел. Бедняги букмекеры не могли понять, откуда на них обрушился удар.

Джекси снова пересчитал деньги.

— Ты знаешь, сколько здесь? — спросил он.

— Примерно.

За десятку или двадцатку Джекси соврал бы мне без зазрения совести. Но нас связывали общие воспоминания.

— Джекси, — сказал я, потеряв терпение. — Будешь говорить или нет?

— Да. Так и быть... Рэммилиз платил мне в десять раз больше обычного жалования за то, что я проигрывал скачки. Слушай, Сид, ты клянешься, что это не дойдет до его ушей?

— От меня — нет.

— Он покупает вполне хороших лошадей. Лошадей, которые способны победить. Я думаю, он иногда зарабатывает на них до пятисот процентов. У него есть два приятеля — зарегистрированные владельцы лошадей. Он вводит их в каждый синдикат, а те ухитряются привлечь к делу какую-нибудь важную персону, и вся афера принимает законный вид.

— Кто же эти два приятеля?

Он попытался, но все-таки назвал имена. Одно ничего мне не говорило, зато другое фигурировало во всех синдикатах Филипа Фрайерли.

— Лошадей тренирует любой, кто может выпустить их в прекрасной форме за двойную плату против обычного тренерского жалования и не задавать вопросы. Затем Рэммилиз решает, на каких скачках лошади будут бежать, и они все делают результат ниже своих возможностей, понимаешь?

— А как же случилось, что никто в Жокейском клубе, — спросил я как бы между прочим, — не разузнал об этих синдикатах и ничего не предпринял против Рэммилиза?

— Это всего лишь догадки. Понимаешь, я как-то краем уха слышал...

— Ну?

— Я ждал однажды за воротами в Кемптоне, и вышли два букмекера. Один из них сказал, что есть, мол, такой субъект в Службе безопасности, который все уладит, если цена будет подходящая. — Он снова помолчал. — Я не верю в это. Уж, во всяком случае, не в Жокейском клубе. Сид, — попросил Джек-си. — Не вздумай ссорить меня с начальством. Я не повторю то, что тебе сейчас сказал, ни одному распорядителю.

В пятницу после обеда я поехал в Ньюмаркет к тренеру Мартину Ингленду. Я нашел его во дворе возле конюшен.

— Сид! — воскликнул он, увидев меня, по-видимому, действительно обрадовавшись. — Вот здорово! Я как раз начинаю вечерний обход конюшен. Ты не мог выбрать более удачное время.

Мы вместе переходили от стойла к стойлу — обычный ритуал, когда тренер осматривает каждую лошадь, проверяет ее состояние, а гость восхищается и делает комплименты.

— Смотри, это Флотилла, — сказал он, подходя к очередному стойлу. — Трехлетка. Он будет бежать на скачках Данте в Йорке в будущую среду, и, если выступит успешно, его за-явят в Дерби.

Мы продолжали обход.

Быть может, именно это мне и нужно, подумал я, сорок лошадей, большая нагрузка, обычные занятия...

На следующее утро в 7.30 я спустился к конюшням в верховых брюках и фуфайке. Мартин, стоявший со списком в руках, прокричал мне «доброе утро», и я направился к нему, чтобы узнать, на какой лошади он разрешит мне поездить.

Конюх выводил Флотиллу. Я следил за ним с восхищением, потом повернулся к Мартину.

— Ну, что же, давай, — сказал он. Лицо его было радостным, глаза блестели. — Бери Флотиллу.

Я рывком повернулся к жеребцу, совершенно потрясенный. Его лучшая лошадь, его надежда на Дерби, а я — растренирован и с одной рукой.

— Не хочешь? — спросил он. — Я бы дал его тебе десять лет назад по праву. Мой жокей уехал в Ирландию на скачки. Так что выбор один: либо ты, либо кто-нибудь из конюхов, и, честно говоря, я предпочел бы тебя.

Я не спорил. Кто же откажется от дара небес? Он подсадил меня, я подтянул стремяна по своему росту и почувствовал себя изгнанником, возвращающимся домой.

Закончив тренировку, я подошел к Мартину и высказал свое мнение о жеребце. Он был доволен и смеялся.

— Спасибо, — сказал я, — за подарок.

Мы сидели в его кабинете и пили кофе, и в это время звонил телефон. Мартин взял трубку и протянул ее мне.

— Это тебя, Сид.

Я подумал, что это Чико, но ошибся. Как ни странно, звонил Генри Трейс со своей коневодческой фермы близ Ньюмаркета.

— Моя помощница говорит, что видела вас на тренировке на Вересковой пустоши, — сказал он. — Я не поверил, но она стоит на своем.

— Чем могу быть полезным? — спросил я.

— Я получил в начале недели письмо от Жокейского клуба, совершенно официальное, они просят меня сразу же сообщить, если Глинер или Зингалу издохнут, не увозить трупы. Я тогда позвонил Лукасу Уэйнрайту, чья подпись стояла на письме, чтобы узнать, на кой ляд им это нужно, а он сказал, что на самом деле это вы хотите знать, не издохла ли та или другая из этих лошадей. Он сказал, что сообщает мне об этом конфиденциально.

Во рту у меня пересохло.

— Вы меня слышите?

— Да, — сказал я.

— Тогда могу вам сообщить, что Глинер издох.

— Когда? — спросил я в растерянности.

— Сегодня утром. Наверное, с час назад. Он покрывал кобылу. В сарае было очень жарко. Жеребец сильно потел. А потом он просто зашатался, упал и почти сразу же издох.

— Где он сейчас?

— Мы не используем сарай сегодня, так что я его там оставил. Я пытался дозвониться в Жокейский клуб, но сегодня

суббота, и Лукаса Уэйрайта там нет, а тут моя помощница сказала, что вы сами сейчас в Ньюмаркете...

— Вы согласитесь на вскрытие?

— Я полагаю, это необходимо. Страхование и все прочее.

— Я постараюсь связаться с Кеном Армадейлом, — сказал я. — Из исследовательского центра коневодства. Я вам перезвоню.

— Договорились, — сказал он и положил трубку.

— Можно мне воспользоваться вашим телефоном? — спросил я Мартина.

— Сделайте одолжение.

Кен Армадейл сказал, что он копается в саду и с большим удовольствием разрезал бы мертвую лошадь. Я пообещал заехать за ним, и он ответил, что будет ждать.

Я перезвонил Генри Трейсу. Поблагодарил Мартина за необыкновенное радушие. Погрузил чемодан и себя в машину и заехал за Кеном Армадейлом.

— На что мне надо обратить внимание? — спросил он.

— Я думаю, на сердце.

— Что-нибудь особенное?

— Да, но я не знаю, что именно.

Глинер, твердил я мысленно. Если существуют три лошади, в отношении которых мне определенно не следует ничего предпринимать, то это Глинер, Зингалу и Три-Нитро. Я жалел, что попросил Лукаса Уэйрайта написать письма — одно Генри Трейсу, другое — Джорджу Каспару. Если эти лошади издохнут, сообщите мне... Но не так быстро, не так дьявольски быстро.

Я въехал на ферму Генри Трейса и резко остановил машину. Он вышел из дома нам навстречу, и мы направились в сарай, где на покрытом стружками полу лежала мертвая лошадь.

— Я вызвал перевозку, — сказал Кен, — они скоро подъедут.

Генри Трейс кивнул. Вскоре приехал грузовик с лебедкой, и, когда лошадь погрузили, мы последовали за машиной.

Кен Армадейл открыл сумку, которую захватил с собой, и достал для себя и меня моющиеся нейлоновые комбинезоны. Труп лошади лежал в квадратной комнате с побеленными стенами и цементным полом. В полу было глубокое отверстие для стока. Кен открыл кран шланга, лежавшего возле лошади, чтобы из него все время текла вода, и натянул длинные резиновые перчатки.

— Все готово? — спросил он.

Я кивнул. Он сделал первый длинный разрез и принялся внимательно осматривать внутренности. Вскрыв грудную полость, Кен вынул сердце и легкие и перенес их на стол у окна.

— Странно, — произнес он после паузы.

— Что именно?

— Взгляните.

Я подошел к нему и посмотрел туда, куда он указывал, но я не обладал его познаниями, и то, что увидел, показалось мне просто покрытым кровью комом ткани.

— Сердце? — спросил я.

— Да. Посмотрите на эти клапаны... Он умер от болезни, ко-

торой у лошадей не бывает. — Кен задумался. — Очень жаль, что мы не могли взять анализ его крови до того, как он издох.

— У Генри Трейса еще один жеребец болен тем же самым, — сказал я. — Можете проверить его кровь.

Он выпрямился и пристально посмотрел на меня.

— Сид, вы бы лучше сказали мне, что происходит.

Мы вышли.

— Их четыре... вернее, было четыре, — начал я рассказ. — По крайней мере, мне известно о четырех. Лучшие экземпляры, фавориты на розыгрыше приза «Две тысячи гиней» и Дерби. Все они были из конюшен одного тренера. Во время последней недели тренировок перед скачками на приз гиней выглядели превосходно. Начинали скачки как несомненные фавориты и терпели полный провал. У них была незначительная вирусная инфекция примерно в это время, но дальше она не развивалась. Впоследствии у каждого были обнаружены шумы в сердце... Началось с Бетезды, она издохла от болезни сердца. Затем этот жеребец — Глинер. Он был фаворитом на приз гиней в прошлом году. У него оказалось действительно серьезное заболевание сердца и к тому же артрит. Еще один жеребец, который сейчас в конюшне Генри Трейса, — Зингалу начал скачки в отличной форме, а к концу едва держался на ногах от истощения.

— А четвертый?

Я взглянул на небо. Голубое и чистое. Я убиваю себя, подумалось мне. Повернулся к нему и сказал:

— Три-Нитро.

— Сид! — Он был потрясен. — Всего девять дней назад.

— Но в чем дело? — спросил я. — Что с ними?

— Мне надо сделать кое-какие анализы, чтобы быть уверенным, — сказал он. — Но симптомы, которые вы описали, типичны, и вид сердечных клапанов не оставляет сомнений. Эта лошадь издохла от эризипелоида¹. Мы должны сохранить сердце этой лошади в качестве вещественного доказательства. Возьмите, пожалуйста, один из тех мешочков, — попросил он, — и подержите его открытым. — Он положил в него сердце. — Нам следует, пожалуй, позднее подъехать в исследовательский центр. У меня есть справочные материалы об эризипелоиде у лошадей. Если хотите, можем взглянуть на них.

Он все запаковал, и мы вернулись к Генри Трейсу. Взять кровь у Зингалу? Никаких проблем, сказал он.

Кен взял кровь, и мы поехали со своими трофеями в исследовательский центр коневодства на Бэри-роуд.

В своем кабинете Кен вынул мешочек с сердцем Глинера, понес его к раковине, чтобы вымыть оставшуюся в нем кровь.

— Теперь подойдите и посмотрите, — предложил он.

На этот раз я отлично понял, что он имел в виду. По краям всех клапанов были видны мелкие узелковые наросты кремового цвета, напоминавшие крохотные бугорки цветной капусты.

— Эти наросты не позволяют клапанам закрываться, — объяснил он, — и сердце работает так же безупречно, как насос, который дал течь.

¹ Эризипелоид — инфекционное заболевание у взрослых свиней. Возбудитель эризипелоида вызывает у людей рожистое воспаление.

— Понятно.

— Я положу сердце в холодильник, и мы просмотрим ветеринарные журналы — поищем статью, о которой я вам говорил.

Я присел, ожидая, пока он найдет статью. Взглянул на свои пальцы, сжал и разжал их. Немыслимо, чтобы все это происходило на самом деле, подумал я. Прошло всего три дня с тех пор, как я видел Тревора Динсгейта в Честере. «Если вы нарушите обещание, я сделаю то, о чем предупредил».

— Вот, нашел, — воскликнул Кен и начал читать отрывки из статьи, но я вскоре попросил, чтобы он пересказал ее своими словами. Он улыбнулся. — Одно время лошадей использовали для получения вакцины против свиного эризипелоида, им вводили бактерии свиной болезни и ждали, пока у них не выработаются антитела, потом брали кровь и получали сыворотку. Если эту сыворотку ввести здоровым свиньям, у них появляется иммунитет против болезни. Обычная процедура. Но случилось так, что лошади перестали вырабатывать антитела и сами заболели этой болезнью.

— Как это могло произойти?

— В статье не говорится. Вам придется справиться в соответствующей фармацевтической фирме. Здесь она указана — лаборатория «Тайрсон» в Кембридже. Я знаю там одного человека. Если хотите, я попрошу его вас принять.

— Это было так давно.

— Дорогой мой, микробы не умирают. Они могут затаиться, как бомба замедленного действия, ожидая своего часа. Некоторые лаборатории хранят биологические штаммы десятилетиями. — Он снова посмотрел на статью и сказал: — Лучше сами прочтите эти абзацы, — и протянул мне журнал.

Я прочитал: «Спустя 24—48 часов после внутримышечной инъекции чистой культуры начинается воспаление одного или нескольких клапанов. Примерно через десять дней температура становится нормальной, и, если лошадь только ходит или бежит легким галопом, может показаться, что она выздоровела. Шум в сердце по-прежнему присутствует, дыхание лошади затруднено, поэтому ее приходится освобождать от быстрого бега.

В последующие несколько месяцев на сердечных клапанах появляются наросты, так что может развиваться артрит в некоторых суставах, особенно ног. Болезнь носит хронический характер и прогрессирует, смерть, как правило, может наступить внезапно в результате напряжения или из-за сильной жары — иногда через несколько лет после первоначальной инъекции».

Я поднял на него глаза.

— Это именно тот случай, не правда ли?

— Прямо в точку.

— Внутримышечная инъекция чистой культуры, — сказал я медленно, — не может быть случайной. Это абсолютно исключено. Джордж Каспар принял в этом году такие меры предосторожности на своих конюшнях — сигнализация, охрана с собаками, — что никто не мог приблизиться к Три-Нитро со шприцем, полным живых микробов.

— Зачем же шприц? Пройдемте в лабораторию, я вам покажу.

Он разорвал крошечный пластиковый конвертик и вытряхнул содержимое на ладонь: иголку для подкожных впрыскиваний, прикрепленную к пластиковой капсуле размером с горошину.

— Эту штучку можно незаметно держать в руке, — сказал я.

— Достаточно похлопать лошадь, зажав иголку в руке.

— Вы не могли бы дать мне одну такую иглу?

— Пожалуйста, — сказал он, протягивая мне конвертик.

Я положил его в карман. Кен сказал медленно:

— Знаете, вы могли бы успеть помочь Три-Нитро.

Он задумчиво посмотрел на большую бутылку с кровью Зингалу, которая стояла на сушильной доске возле раковины.

— Мы можем подобрать антибиотик, который вылечил бы его от болезни.

— Разве еще не поздно?

— Для Зингалу слишком поздно. Но я не думаю, что наросты начнут появляться сразу. Если Три-Нитро был заражен... скажем...

— Скажем, две недели тому назад, после заключительной тренировки галопом.

Он взглянул на меня с любопытством.

— Значит, две недели тому назад. Его сердце не в порядке. Но наросты еще не начали появляться. Если он вовремя получит нужный антибиотик, то может полностью поправиться.

— Вы хотите сказать, что он вернется к нормальному состоянию?

— Почему бы нет?

— Чего же вы ждете?

Большую часть воскресенья я провел возле моря, двигаясь на северо-восток от Ньюмаркета к широкому опустевшему побережью Норфолка. Просто, чтобы куда-то поехать, что-то делать, убить время.

Весть о том, что я присутствовал при вскрытии Глинера, дойдет до Джорджа Каспара через день, Тревор Динсгейт узнает об этом, несомненно, узнает.

У меня все еще есть возможность уехать. Еще не слишком поздно. Я могу уехать и не подавать о себе известий.

Я покинул побережье и поехал на своей машине в Кембридж. Остановился в отеле «Юниверсити армс» и утром отправился в фирму «Тайрсон фармасьютиклз вэксин лэйборэториз». Спросил мистера Ливингстона, и он вышел ко мне.

— Мистер Холли? — Ливингстон пожал мне руку. — Мистер Армадейл звонил мне и объяснил, что вам нужно. Я полагаю, что могу помочь вам.

Он привел меня в большую лабораторию, стеклянные стены которой выходили с одной стороны в коридор, с другой — в сад, и с третьей — в соседнюю лабораторию.

— Это экспериментальный отдел, — сказал он. — Итак, задайте свой вопрос.

— Да, да... Как случилось, что лошади, которых вы использовали в сороковых годах для получения сыворотки, заразились эризипелондом?

— Мы опубликовали материал на эту тему, не так ли? До моего прихода сюда, разумеется. Но я слышал об этом. Да. Что ж, такое может случиться. Хотя и не должно. Обыкновенная небрежность, понимаете?.. Вам известно что-нибудь о производстве сыворотки против эризипелоида? — спросил он.

— Считайте, что почти ничего.

— Тогда я объясню вам, как объяснил бы ребенку. Не возражаете?

— Прекрасно.

— Вы делаете инъекцию живой культуры эризипелоида лошади. Я сейчас говорю о прошлом, когда для этого использовали лошадей. Кровь лошади вырабатывает антитела для борьбы с микроорганизмами. Но лошадь не поддается заражению, потому что такая болезнь бывает только у свиней. Иногда стандартная культура эризипелоида теряет силу, и для того, чтобы сделать ее снова вирулентной, мы пропускаем ее через голубей. Это обычная практика. Живые вирулентные микроорганизмы, взятые от голубей, были помещены в чашки, в которых находилась кровь. Там они размножились. Таким образом получалось достаточное количество для инъекций лошадям. Кровь на чашках была бычья. Но однажды из-за чьей-то небрежности микроорганизмы были введены в агаро-кровяную среду, которая была приготовлена не на бычьей, а на лошадиной крови. В результате получился мутантный штамм. — Он сделал паузу. — Никто не сознавал, что произошло, до тех пор, пока мутантный штамм не был введен лошадям, которых использовали для получения сыворотки, и все они заболели эризипелондом. Мутантный штамм оказался поразительно устойчивым. Инкубационный период составлял сутки-двое после прививки, и всегда вслед за этим развивался эндокардит, то есть воспаление сердечных клапанов.

В соседнюю комнату вошел молодой человек в расстегнутом белом халате, и я видел, как он ходит и что-то ищет.

— Что было дальше с мутантным штаммом? — спросил я.

Ливингстон помолчал, потом произнес:

— Мы сохранили немного, я бы сказал, как диковинку. Но, конечно, сейчас он уже ослаблен, и для того, чтобы восстановить в полной мере его вирулентность, его надо было бы...

— Ясно... пропустить через голубей.

— Именно так, — подтвердил он.

— И какая нужна квалификация, чтобы пропустить его через голубей и потом вырастить культуру на агаро-кровяной среде?

Он заморгал.

— Я, конечно, мог бы это сделать.

Молодой человек в соседней комнате заглядывал в шкафы.

— А есть ли где-нибудь в мире, кроме этой лаборатории, образцы такого мутантного штамма? Точнее, послала ли ваша лаборатория какие-то образцы в другие места?

— Не имею ни малейшего представления. — Он посмотрел через стекло и показал на человека в соседней комнате. — Вы можете спросить Барри Шаммока. Он должен знать, так как специализируется на мутантных штаммах.

Я знаю это имя, пронеслось в моем мозгу. Я... о боже.

Меня охватила дрожь.

— Расскажите мне о вашем мистере Шаммоке, — попросил я.

Ливингстон был прирожденным болтуном и не усмотрел в этом никакого подвоха.

— Он с трудом выбился из самых низов. До сих пор сохранил акцент.

— Какой акцент?

— Северный. Точно не знаю. Какое это имеет значение?

Барри Шаммок не был похож ни на одного человека из тех, кого я знал. Я спросил медленно, неуверенно:

— Вы не знаете, у него есть брат?

На лице Ливингстона появилось удивление.

— Да, есть. Как ни странно, букмекер. — Он помолчал, припоминая. — Его имя похоже на Терри, не Терри... Тревор, точно. Иногда они приходят сюда вместе.

Барри Шаммок прекратил поиски и направился к двери.

— Хотите познакомиться с ним? — спросил мистер Ливингстон.

Потеряв дар речи, я мотнул головой. Меньше всего я хотел, чтобы меня представили брату Тревору Динсгейта в помещении, полном вирулентных микроорганизмов, с которыми он умел обращаться, а я нет. Шаммок вышел из комнаты в коридор, который был виден сквозь стеклянную стену, и повернул в нашу сторону. Только не это, мысленно вскричал я.

Он толкнул дверь лаборатории, в которой мы находились.

— Доброе утро, мистер Ливингстон, — сказал он. — Вы не видели моей коробочки со стекляшками?

Голос его был таким же — самоуверенным и скрипучим. Манчестерский акцент. Я спрятал свою левую руку за спину, моля бога, чтобы он ушел.

— Не видел, — ответил мистер Ливингстон. — Послушайте, Барри, вы не можете уделить...

Мы с Ливингстоном стояли перед длинным рабочим столом, на котором было составлено множество пустых стеклянных баночек и целый ряд зажимов. Я повернулся влево, все еще держа левую руку за спиной, и неуклюжим движением правой руки опрокинул зажим и две стеклянные баночки. Они покатались и загремели, но не разбились. Ливингстон вскрикнул от неожиданности и раздражения и остановил катившиеся баночки. Я схватил тяжелый, металлический зажим, который вполне мог пригодиться. Повернулся лицом к двери.

Я увидел спину Барри Шаммока, уходившего от нас по коридору. Потом судорожно выдохнул и осторожно поставил зажим на место в конце ряда.

— Ушел, — констатировал мистер Ливингстон. — Жаль.

Я поехал обратно в Ньюмаркет, в коневодческий исследовательский центр к Кену Армадейлу, раздумывая над тем, сколько времени понадобится болливому мистеру Ливингстону, чтобы рассказать Барри Шаммоку о визите человека по фамилии Холли, который интересовался свиной болезнью у лошадей.

Мне стало не по себе. Малодушный внутренний голос настойчиво требовал, чтобы я замолчал, бежал, улетел в безопасное место... в Австралию... в пустыню.

Зайдя к Кену, я спросил:

— У вас есть здесь кассетный магнитофон?

— Да, я пользуюсь им, чтобы записать кое-что, когда оперирую. — Он вышел из кабинета, принес магнитофон, поставил на свой письменный стол и вставил новую кассету. — Говорите, у него микрофон вмонтирован внутри.

— Остановитесь и слушайте, — сказал я. — Мне нужен свидетель.

Он пристально посмотрел на меня.

— У вас такой напряженный вид... Та игра, которую вы ведете, не так уж безобидна?

— Не всегда.

Я включил запись и для начала назвал свое имя, местонахождение и дату. Затем снова выключил его, сел и стал смотреть на пальцы, которыми мне надо было нажимать кнопки.

— Что случилось, Сид? — спросил Кен.

Я взглянул на него, потом снова на свою руку и сказал:

— Ничего.

Я должен это сделать, говорил я себе. Непременно должен. Если не сделаю, я уже никогда не буду полноценным человеком.

Я нажал одновременно кнопки «пуск» и «запись» и окончательно нарушил обещание, данное мной Тревору Динсгейту.

В обед я позвонил Чико и сообщил, что выяснил все насчет лошадей Розмари.

— Короче говоря, — сказал я, — речь идет о том, что эти четыре лошади страдали заболеванием сердца — им привили свиную болезнь. Я получил кучу сложной информации о том, как это было сделано, но теперь пусть голова болит у распорядителей.

— Ты сказал Розмари?

— Нет еще... Чико, ты можешь привезти свой кассетный магнитофон в Жокейский клуб на Портмен-сквер завтра, скажем, в четыре часа?

— С черного хода?

— Нет, с парадного.

Сэр Томас Аллестон сидел за своим большим письменным столом.

— Входите, Сид, — пригласил он, увидев меня в проеме двери. — Я жду вас.

— Простите за опоздание, — сказал я, пожимая его руку. — Это Чико Барнс, который работает со мной.

Он поздоровался с Чико.

— Прекрасно, раз вы пришли, мы пригласим Лукаса Уэйнрайта и остальных. — Он нажал кнопку внутренней связи и отдал указание своему секретарю: — И принесите, пожалуйста, еще стульев.

Кабинет постепенно наполнялся. Вошел Лукас Уэйнрайт и следом за ним Эдди Кит. Крупный, игравший простачка Эдди, теплое отношение которого ко мне потихоньку улетучивалось.

— Итак, Сид, — сказал сэр Томас, — мы все собрались. Вчера по телефону вы сказали мне, что раскрыли, каким об-

разом был испорчен Три-Нитро перед розыгрышем призов гиней, и, как видите, нас всех это очень интересует.

— Я... м-м... записал все на пленку, — сказал я. — Вы услышите два голоса. Второй — это голос Кена Армадейла из коневодческого исследовательского центра. Я просил его пояснить ветеринарные термины, по которым он специалист.

Присутствующие закивали. Я взглянул на Чико, нажавшего кнопку пуска, и услышал собственный голос.

«Я, Сид Холли, нахожусь в коневодческом исследовательском центре. Сегодня понедельник, четырнадцатое мая...»

Я слушал бесстрастные фразы, объяснявшие, что произошло. Кен Армадейл повторяет мое примитивное изложение с большими подробностями. Его голос снова разъясняет, как произошло, что лошади были заражены болезнью свиней. Он: «Я обнаружил активные микроорганизмы в поврежденных тканях сердечных клапанов Глинера, а также в крови, взятой у Зингалу...» Мой голос продолжает: «Мутантный штамм был получен в лаборатории по изготовлению вакцин «Тайрсон» в Кембридже следующим образом...»

«Что касается мотива и возможностей, — продолжал мой голос, — то мы должны сказать про человека по имени Тревор Динсгейт...»

Голова сэра Томаса резко откинулась назад, и он мрачно посмотрел на меня. Вспомнил, несомненно, что принимал Трево́ра Динсгейта в ложе распорядителей в Честере. Быть может, вспомнил и то, что свел меня с ним лицом к лицу.

Это имя вызвало переполох в аудитории. Все они либо знали его, либо слышали о нем: видная, усиливающая свое влияние фигура среди букмекеров, могучий человек, пробивающий себе путь в высшие социальные круги. Они знали Трево́ра Динсгейта, и их лица говорили, что они шокированы.

«Подлинное имя Трево́ра Динсгейта — Тревор Шаммок, — говорил мой голос. — В лаборатории по изготовлению вакцин работает сотрудник по имени Барри Шаммок. Это его брат. Обоих не раз видели вместе в лаборатории...»

О боже, стонал я внутренне. Мой голос продолжал, и я слушал урывками. Я действительно сделал это. Возврата нет.

«...Это и есть лаборатория, где первоначально возник мутантный штамм. Тревору Динсгейту принадлежит лошадь, которую тренирует Джордж Каспар. Тревор Динсгейт в прекрасных отношениях с Каспаром... наблюдает утренние тренировки галопом, остается завтракать с ним. Тревор Динсгейт мог нажить состояние, если бы знал заранее, что фавориты на розыгрышах призов гиней и Дерби не смогут победить. Тревор Динсгейт имел средство — микроорганизмы болезни, мотивы — деньги, возможность — вход в тщательно охраняемые конюшни Каспара. Поэтому у нас есть основания для дальнейшего расследования его деятельности».

Мой голос замолчал, и через одну-две минуты Чико выключил магнитофон. У него самого был ошеломленный вид, когда он вынул кассету и осторожно положил ее на стол.

— Невероятно, — сказал сэр Томас, но не таким тоном, как если бы не верил этому. — Что вы об этом думаете, Лукас?

Лукас Уэйнрайт прочистил горло.

— Я думаю, мы должны поздравить Сид с замечательно проделанной работой.

За исключением Эдди Кита все согласились с ним и поздравили меня — очень великодушно с их стороны, учитывая, что сама Служба безопасности, получив отрицательные анализы на допинг, на этом успокоилась. Но, подумал я, перед ней Тревор Динсгейт предстал преступником еще до того, как его заподозрили, и не грозил так, как грозил мне.

Сэр Томас и другие администраторы, тихо переговаривавшиеся между собой, подняли головы, когда Лукас Уэйнрайт задал вопрос:

— Действительно ли вы считаете, Сид, что Динсгейт сам заразил лошадей? Ведь не мог же он вынуть шприц возле какой-нибудь из этих лошадей, не говоря уже о всех четырех.

— Вначале и я думал, что это мог быть кто-нибудь другой... Но есть способ, с помощью которого почти всякий мог бы это сделать.

Я опустил руку в карман, извлек пакетик с иголкой, присоединенной к крошечной ампуле, и передал сэру Томасу. Тот вскрыл пакетик и вытряхнул содержимое на письменный стол.

Они все поняли. Убеждать их уже не надо было.

— Поразительно, — с видимой искренностью сказал сэр Томас, — как вам удается раскрывать подобные вещи.

— У вас есть какие-нибудь планы, Сид, — спросил Лукас Уэйнрайт, — в отношении того, что предпринять дальше?

— Поговору с Каспарами, — ответил я. — Возможно, съезжу к ним завтра.

— Прекрасная идея, — сказал Лукас. — Вы не возражаете, если и я поеду? Это, конечно, вопрос, которым сейчас должна заниматься Служба безопасности.

— Если вы собираетесь ехать, капитан, — сказал я, обращаясь к Лукасу Уэйнрайту, — то, может быть, договоритесь с ними насчет времени? Возможно, они поедут в Йорк. Я просто намеревался подъехать в Ньюмаркет пораньше утром, но вас это, наверное, не устроит.

— Конечно, нет. Я созвонюсь сейчас же, — сказал он деловито. И тут же пошел к себе в кабинет, а я положил кассету в маленький пластиковый футляр и отдал ее сэру Томасу.

— Я записал все на пленку, потому что история довольно сложная и, может быть, вы захотите послушать ее снова.

Лукас Уэйнрайт вернулся.

— Каспары в Йорке, но они вылетели воздушным такси и вернутся вечером. Я сказал секретарю, что мне крайне необходимо повидать Каспара, так что мы должны быть там в одиннадцать часов. Вам подходит, Сид?

— Да, вполне.

— Тогда заезжайте за мной сюда в десять.

— О'кэй, — кивнул я.

Сэр Томас и все администраторы попрощались со мной и с Чико за руку.

— Ты поедешь к себе домой? — спросил Чико, втискиваясь в машину рядом со мной.

— Нет.

— Ты все еще думаешь, что эти верзилы?..

— Тревор Динсгейт, — сказал я. — Он сейчас уже знает... от своего брата.

Я весь содрогнулся от вновь вспыхнувшего острого страха. Потом включил зажигание и повез Чико на его квартиру на Финчли-роуд.

— Я буду в том же самом отеле, — сказал я. — И... вот что... Чико, поедem со мной завтра в Ньюмаркет.

— Как скажешь. А для чего?

Я пожал плечами, как бы переводя все в шутку:

— Будешь моим телохранителем.

Он был удивлен и сказал недоверчиво:

— Неужели ты действительно боишься этого Динсгейта?

Я вздохнул.

— Наверное, боюсь.

К вечеру я позвонил Кену Армадейлу. Его интересовало, как прошла встреча в Жокейском клубе.

— Этот штамм эризипелоида сделали иммунным фактически ко всем имеющимся антибиотикам, — сказал он. — Но я вспомнил о мало кому известной небольшой группе антибиотиков. Никому не придет в голову впрыскивать их лошадям. Это редкое и дорогое лекарство. Оно должно подействовать. Во всяком случае, я разыскал место, где это лекарство имеется.

— Колоссально! — воскликнул я. — Где же?

— В Лондоне в одной из университетских клиник. Я поговорил с фармацевтом, он обещал запаковать его и оставить в регистратуре. На коробочке будет написано «Холли».

— Кен, вы волшебник!

— Пришлось попотеть, чтобы добраться до него.

На следующее утро я заехал за лекарством и оттуда направился к Портмен-сквер, где Чико уже дожидался меня у входа.

Лукас Уэйнрайт спустился вниз и сказал, что может подбросить нас в своей машине, если нас это устроит. Мы оставили мою машину на стоянке и выехали в Ньюмаркет в большом «мерседесе» с кондиционером.

В машине Лукас спросил:

— Как идут дела с синдикатами?

— М-м... Право, жаль, что вы спросили.

— Даже так? — проговорил Лукас, нахмурившись.

— Видите ли, — ответил я, — что-то явно нечисто, но мы пока располагаем только слухами и сведениями с чужих слов. Вы хотите, чтобы мы продолжали расследование?

— Безусловно, — ответил он. — Очень хочу.

Мы прибыли в Ньюмаркет в положенное время и мягко подъехали к дому Каспара по укатанной въездной дороге.

Джордж, ожидавший Лукаса, ничуть не обрадовался, увидев меня, а Розмари, спускаясь вниз по лестнице и заметив меня в холле, пришла буквально в ярость.

— Убирайтесь вон! — прокричала она. — Как вы посмели сюда явиться?

— Погодите, погодите, — вмешался Лукас Уэйнрайт. — Джордж, заставьте свою жену выслушать то, о чем мы приехали рассказать вам.

Розмари удалось утихомирить. Она присела на край стула в элегантно обставленной гостиной. Лукас начал разговор сразу о свиной болезни и осложнениях на сердце.

Чета Каспаров слушала его с нарастающей растерянностью и испугом, но когда Лукас произнес «Тревор Динсгейт», Джордж встал и начал нервно шагать по комнате.

— Невозможно! — воскликнул он, — только не Тревор. Он наш друг.

— Разрешали ли вы ему подходить к Три-Нитро после последнего тренировочного галопа?

Ответ можно было прочесть на лице Джорджа.

— В воскресенье утром, — сказала Розмари жестким холодным голосом. — Он приезжал в воскресенье. Они с Джорджем обходили конюшни. — Она сделала паузу. — Тревор имеет привычку похлопывать лошадей по крупу.

— В свое время, Джордж, — сказал Лукас, — вам придется давать показания в суде.

— Буду выглядеть дурак дураком, — с горечью сказал он. — Набил свой двор охранниками и самолично привел Динсгейта. Розмари смотрела на меня с каменным лицом.

— Я говорила, что лошадей портят. А вы мне не верили. Лукас посмотрел на нее удивленно.

— Я думал, вы поняли, миссис Каспар. Сид поверил вам. Ведь все это расследование провел Сид, а не Жокейский клуб. Она раскрыла рот, но так и не произнесла ни слова.

— Послушайте, — сказал я, чувствуя себя не в своей тарелке, — я привез вам подарок. Кен Армадейл из коневодческого исследовательского центра раздобыл довольно редкий антибиотик. Он считает, что Три-Нитро можно вылечить, проведя курс инъекций этого лекарства. Я привез его из Лондона.

Я встал и протянул коробочку Розмари, вложил в ее руку и поцеловал в щеку.

— Мне очень жаль, Розмари, что я не смог этого сделать вовремя, до розыгрыша призов гиней. Может быть, вы успеете к Дерби...

Розмари Каспар, эта негибкая леди, разразилась слезами

Мы вернулись в Лондон почти в пять часов, так как Лукас хотел лично, с глазу на глаз, поговорить с Кеном Армадейлом и Генри Трейсом. Директор Службы безопасности Жокейского клуба спешил придать всему официальный характер.

Он высадил нас у входа на стоянку, где я оставил машину. Я подумал, что в ней будет жарко, как в печке, — она целый день простояла на солнце. Мы с Чико направились к ней по неровной, усеянной камешками площадке. Возле моей машины был припаркован «лендровер» с прицепным фургоном для двух лошадей. Странно, мелькнуло у меня в голове. Фургон для лошадей в центре Лондона? Чико прошел между фургоном и моей машиной, ожидая, пока я открою дверцу.

— В машине можно задохнуться от жары, — сказал я, засунув руку в карман, чтобы вынуть ключ.

Чико издал хриплый звук. Я поднял глаза и впервые в своей жизни почувствовал, как быстро, до невозможного быстро жара может смениться ледящим ужасом.

Огромный детина стоял в пространстве между фургоном и моей машиной, обхватив левой рукой Чико и развернув его лицом ко мне. В правой руке бандит сжимал черную, грушеобразной формы дубинку. Второй бандит опускал задний борт прицепного фургона. Я без труда узнал их. Но сейчас поблизости не было шатра гадалки.

— Залезай в фургон, парень, — приказал мне тот верзила, который держал Чико. — В правый отсек. Быстро и тихо. Не то я еще разок-другой стукну твоего приятеля. По глазам или по черепу.

За моей машиной Чико пробормотал что-то нечленораздельное и затряс головой. Верзила поднял дубинку и снова прикрикнул на него. У верзилы был ярко выраженный шотландский акцент.

Кипя от ярости, я обошел свою машину и поднялся на откинутый задний борт фургона. В правый отсек, как он сказал. Второй детина предусмотрительно держался подальше от меня. На стоянке не было ни души. Я обнаружил, что все еще держу в руках ключи от машины, и автоматически положил их в карман. Ключи, носовой платок, деньги... А в левом кармане только севшая батарейка. Никакого оружия.

Верзила, державший Чико, подошел к задней части фургона и втолкнул Чико в левый отсек.

— Если пикнешь, парень, — проговорил он в сторону переборки, — я нападм как следует твоему дружку. Только попробуй позвать на помощь, и у него лица не останется. Понял?

Второй бандит поднял задний борт, закрыв солнечный свет; мгновенно воцарилась тьма. У многих прицепных фургонов открыт задний борт, но у этого он был наглухо затянут.

Мотор «лендровера» заработал, и фургон выехал задним ходом со стоянки. Меня швырнуло на боковую стенку. Я не смог удержаться на ногах и, скрипя зубами от своей беспомощности, сел на грязный пол.

Я сидел, чертыхался и думал о Треворе Динсгейте.

Поездка длилась значительно дольше часа. Я старался заставить себя не думать о том, что произойдет, когда она закончится.

Наконец, фургон перестало швырять, послышались звуки, означавшие, что его отцепляют; «лендровер» отъехал, и в наступившей внезапно тишине я отчетливо услышал слова Чико.

— Что происходит? — спросил он своего соседа. — Где Сид?

Удара не было слышно, но Чико замолчал.

Верзила, который поднимал борт, теперь снова опустил его. Снаружи был вечер.

— Выходи, — приказал он.

Когда я встал на ноги, он отошел от фургона, держа наготове вилы, зубья были повернуты в мою сторону.

Я выглянул из фургона. Отцепленный от «лендровера», он находился внутри здания, и это здание было закрытым учебным манежем на ферме Питера Рэммелиза.

— Выходи, — повторил он, сделав угрожающее движение вилами.

— Делай, что говорят, парень, — произнес жесткий голос второго бандита, находившегося с Чико. — Да побыстрее.

Я сошел по опущенному борту на пол манежа, покрытый коричневыми стружками.

— Туда, к стене, — сказал бандит с вилами.

Ноги стали словно ватные.

— Спиной к стене. Лицом сюда.

Я повернулся и плечами едва коснулся стены.

Позади него стоял Питер Рэммилиз, которого я не мог видеть из фургона. Он, вероятно, вел «лендровер» и находился вне моего поля зрения. Верзила, державший Чико, подвел его к фургону. Чико привалился к борту.

— Привет, Сид, — пробормотал он.

Бандит поднял руку с дубинкой и обратился ко мне:

— А теперь послушай, парень. Стой смирно. Не двигайся. Шевельнешься — я прикончу твоего дружка, так что и глазом не успеешь моргнуть. Понял?

Я ничего не ответил. Он кивком подал знак второму, с вилами. Тот медленно и осторожно начал приближаться, направляя зубья вил в мою сторону.

Я взглянул на Чико. На дубинку. Подумал о последствиях и понял, что не могу рисковать. Бандит поднял вилы на уровень моей груди, потом еще выше и приблизил настолько, что одно острие коснулось моего горла. В следующую секунду зубья вил скользнули мимо шеи, прижав меня к стене.

После этого бандит всем своим весом надавил на рукоять, чтобы закрепить вилы в таком положении и помешать мне освободиться. Я почувствовал себя совершенно беспомощным.

Верзила, державший Чико, грубо толкнул его в спину. Когда Чико, как тряпичная кукла, распластался на мягких древесных стружках, он подошел ко мне, чтобы проверить, как держатся вилы и кивнул своему напарнику:

— Занимайся своим делом. На второго не обращай внимания. Я за ним присмотрю.

Я вглядывался в их лица, стараясь запомнить навсегда.

За их спинами Чико встал на ноги, и на миг я подумал, что он дурачит их, делая вид, что у него сотрясение мозга, а на самом деле находится в полном сознании и собирается применить прием дзюдо. Но у него уже не осталось сил.

В отчаянии я увидел, как дубинка вновь обрушилась на голову Чико, он упал на колени. Бандит повернулся ко мне и начал отстегивать ремень.

Я не поверил своим глазам — на поясе у него не ремень, а цепь, длинная и гибкая, как цепочка в напольных часах. К одному концу он прикрепил что-то вроде ручки, ухватил ее и размахнулся. Свободный конец цепи просвистел в воздухе и обвил Чико. Чико дернулся, глаза и рот его широко раскрылись, словно от удивления. Бандит крутанул цепь, она опять вонзилась в Чико, и я услышал, что кричу: «Подонки, проклятые подонки...»

Чико встал на ноги и, шатаясь, сделал несколько шагов, но негодяй двигался следом за ним, размахивая цепью и с силой опуская ее на Чико. Наконец тот упал лицом вниз недалеко от меня. Тонкая сорочка прилипла к его телу, и сквозь нее проступили в разных местах красные полосы крови.

Только когда он затих, истязание прекратилось. Верзила

стоял, бесстрастно глядя на Чико и небрежно поигрывая цепью.

Человек с вилами впервые отвел взгляд от меня и переключил внимание на Чико. Он лишь немного ослабил давление на мою шею. Я дернул рукоять с силой, которой он не ожидал, вырвался и бросился с яростью не на бандита, избивавшего Чико, а на Рэммилиза, стоявшего ближе ко мне.

Я ударил его по щеке изо всех сил, ударил своей култей, дубинкой, начиненной тончайшей техникой стоимостью в две тысячи фунтов. Он завизжал и поднял руки, чтобы защитить голову. «Подонок!» — произнес я и двинул ему по ребрам.

Верзила, избивавший Чико, повернулся ко мне, и я, как Чико до меня, обнаружил, что первой его реакцией было удивление. Но тут же цепь полоснула меня по телу: после раздирающей боли внутри меня вспыхнул неистовый огонь.

Я двинулся на него с яростью, которой не подозревал в себе, и он попятился.

При следующем взмахе цепи я подставил под ее удар свою бесчувственную руку. Свободный конец цепи обвил култей, я воспользовался этим и рванул ее на себя. Он выпустил цепь, которая отлетела ко мне. И если бы, кроме нас, здесь никого не было, я отомстил бы за Чико.

Я сжал кожаную ручку, петли цепи соскользнули с моей руки. Я описал ею круг над своей головой и хлестнул бандита по плечам. Услышав бешеный крик, я понял, что он впервые на себе почувствовал, какую боль причинял другим.

Человек с вилами бросился на меня, и, хотя я увертывался от них, как тореадор, его напарник схватил мою правую руку, чтобы отнять у меня цепь. Я успел развернуться и внутренней стороной металлического запястья ударил его в висок так сильно, что удар толчком отозвался у меня в плече.

На короткий миг я увидел рядом его глаза и понял, что это стойкий боец и что он не будет сидеть на борту фургона и выть, как Питер Рэммилиз.

Но от моего удара по голове он ослабил хватку, и мне удалось вырвать руку. Я отпрыгнул от него, все еще держа цепь, и повернулся, чтобы посмотреть, где тот, с вилами. Оказалось, что бандит отбросил их и сейчас пытался отстегнуть свою цепь. Я кинулся к нему, пока обе его руки были заняты, и дал ему почувствовать действие избранного ими оружия.

За те полсекунды, пока оба шотландца пытались осознать новое для себя ощущение, я успел повернуться и оказаться у похжей на кусок стены огромной двери, которая открывалась, отъезжая в сторону по полозку. Но дверь была заперта задвижкой, уходящей в пол.

Бандит с вилами настиг меня до того, как я успел попытаться поднять задвижку. В следующую секунду и я почувствовал, что его пояс не похож на ремешок от часов, а скорее напоминает цепь, на которую сажают собак.

Я обернулся к нему, хлестнул своей цепью по его ногам. Он взвыл и ринулся на меня. Второй бандит оказался у меня за спиной.

Один вырвал у меня цепь, а другой схватил сзади за руки. Но мне все же удалось вывернуться из этих объятий, и я по-

бежал сначала вокруг фургона, потом вдоль стен, но в конце концов, измотавшись, в изнеможении свалился на мягкий пол.

Я лежал, уткнувшись лицом в опилки, и слышал, как они тяжело дышат, стоя надо мной.

Очевидно, Питер Рэммилиз подошел к ним, потому что я услышал его голос совсем близко. В голосе звучала злоба.

— Убейте его, — сказал он. — Убейте.

— Убить? — спросил тот, который занимался Чико. — Ты что, с ума сошел? Да, этот парень...

— Он сломал мне челюсть.

— Ну и убей его сам. — Он закашлялся. — Нас через пять минут заметут. Слишком много людей нас видело.

— Я хочу, чтобы вы его убили, — твердил Рэммилиз.

— Платишь-то не ты, — огрызнулся шотландец, все еще тяжело дыша. — Мы сделали все, что нам было приказано, и basta. Теперь зайдем к тебе выпить пивка, а как стемнеет, выбросим этих двоих на дороге, как договаривались, и делу конец. И прямоком на север сегодня же вечером, мы и так слишком долго здесь валандались.

Они закрыли дверь и вышли из манежа. Я услышал звук металлической задвижки с той стороны.

Время шло. Мне казалось, что мы с Чико лежали без движения больше часа.

Звук отпираемой наружной задвижки и отъезжающей в сторону двери возвратил мои мысли к суровой действительности. Они сказали, что выбросят нас, когда стемнеет. Но еще не стемнело.

— Вы спите? — послышался чей-то голос.

— Нет, — сказал я и, слегка приподняв голову, увидел малыша Марка в пижаме, который присел на корточки и рассматривал меня. Позади него виднелась дверь, приоткрытая настолько, что его тоненькое тельце протиснулось в проем. По ту сторону двери во дворе стоял «лендрровер».

— Пойди-ка посмотри, не спит ли мой друг, — попросил я.

— О'кэй.

Пока Марк шел к Чико, я кое-как встал на колени.

— Он спит, — с тревогой в голосе доложил он.

— Твой папа знает, что ты здесь? — спросил я.

— Нет, не знает. Я рано пошел спать, но я слышал, как там долго кричали. Я, наверное, испугался.

— А где сейчас твой папа?

— В гостиной с теми друзьями. Он поранил лицо и очень разозлился.

— Еще какие новости?

— Мама сказала: «А чего ты ожидал», и все они пили. — Он подумал и добавил: — Один из друзей сказал, что у него лопнула барабанная перепонка.

— На твоем месте я отправился бы прямехонько в постель, чтобы они не поймали тебя здесь. Иначе папа разозлится, а это, по-моему, не сулит тебе ничего приятного.

Он согласно кивнул головой.

— Тогда спокойной ночи, — сказал я.

— Спокойной ночи.

— И оставь дверь открытой. Я закрою ее.

— Ладно.

Он заговорщицки улыбнулся и на цыпочках пошел к двери.

Я встал на ноги и, пошатываясь, направился за ним.

«Лендровер» стоял футах в десяти от двери. Если ключ в замке зажигания, то не стоит ждать, пока тебя выбросят по дороге из машины. Десять шагов. Я прислонился к машине и заглянул внутрь. Ключи были на месте. Я вернулся в манеж, подошел к Чико и опустился возле него на колени, потому что это было гораздо легче, чем нагнуться.

— Эй, очнись, — позвал я. — Пора уходить.

Он застонал.

— Вставай, — сказал я настойчиво. — Мы можем выбрать-ся отсюда, если ты постарайся.

— Сид... Уходи. Я не могу.

— Нет, можешь, черт побери! Просто скажи: «Будьте прокляты, мерзавцы!» — и тебе станет легче.

Это оказалось труднее, чем я предполагал, но мне все же удалось его приподнять, поставить на ноги. Шатаясь, мы поплелись к двери, как парочка пьяных влюбленных.

Вот и «лендровер». Никаких криков из дома — значит, нас не заметили. Гостиная находилась в дальнем конце здания — они могут не услышать, как я завожу мотор, подумал я.

Втиснув Чико на переднее место и бесшумно прикрыв дверь, я обошел машину и сел за руль.

«Лендроверы» сделаны для левшей. Все контрольные приборы, кроме индикаторов, расположены с левой стороны¹. Тихо выругавшись, я все сделал правой рукой. Для этого мне пришлось изогнуться, но в спешке даже не почувствовал боли.

Включил зажигание и снял машину с ручного тормоза. Включил первую передачу. Остальное выполнил ногами, и машина тронулась. «Лендровер» покати к воротам.

Если они начнут погоню, то наверняка направятся в сторону Лондона. Я решил перехитрить их. Но, повернув машину в противоположную сторону, вдруг увидел впереди большой гараж и людей у бензоколонки. Не веря своим глазам, неуклюже въехал на площадку перед бензоколонками и резко затормозил.

Деньги в правом кармане, там же, где ключи и носовой платок. Я выгреб все это и отделил смятые бумажки. Открыл окно со своей стороны. Дал деньги парню, который подошел, и сказал, что мне нужен бензин на всю сумму. Он с любопытством уставился на меня.

— Вам не плохо?

— Жарко, — сказал я и вытер лицо носовым платком.

Парень всунул наконечник шланга в горловину бензобака, которая находилась возле дверцы водителя, и посмотрел на Чико. Тот полулежал на переднем сиденье с открытыми глазами.

— А с ним-то что?

— Напился, — ответил я.

Не задавая больше вопросов, он наполнил бак, завернул крышку и перешел к следующему клиенту.

Поскольку в Англии левостороннее движение, приборная панель обычно находится справа.

Я снова включил зажигание правой рукой и выехал на шоссе. Проехав милю, свернул с шоссе, сделал несколько поворотов и остановился.

— Что происходит? — спросил Чико.

Я посмотрел на его все еще затуманенные глаза. Решай, куда ехать, говорил я себе. Решай за Чико. За себя ты уже решил. Я принял это решение, когда убедился, что могу вести машину, когда удержался и не попросил парня из гаража вызвать полицию и врача.

— Куда мы ездили сегодня? — спросил я у него.

Помедлив, он ответил:

— В Ньюмаркет.

— Сколько будет дважды восемь?

Пауза.

— Шестнадцать.

У меня немного отлегло от сердца: я понял, что к нему возвращается сознание.

— У меня все горит, — сказал Чико. — Это уж чересчур.

Я не ответил. Он поерзал на сиденье, пытаясь сесть прямо, и я увидел, как полное понимание происшедшего отразилось на его лице. Он зажмурился, пробормотал: «О, черт!» — и несколько минут спустя поглядел на меня сквозь полуприкрытые веки и спросил:

— И у тебя тоже?

Я кивнул.

Главная трудность состояла в том, что вести «лендровер» мне приходилось одной рукой, и я не сразу нашел выход. Сжав рычаг переключения передач пальцами левой руки, больше уже не выпускал его. Потом попробовал включить габаритные огни, фары и наконец зажигание.

— Куда мы едем?

— К адмиралу.

По дороге я дважды останавливался, чувствуя крайнюю слабость и невероятную боль. Однако до Эйнсфорда, загородного дома Чарлза, мы добрались за три с половиной часа — совсем неплохо.

Я заглушил мотор, но не мог заставить пальцы левой руки двигаться. Только этого не хватало, подумал я с отчаянием, надо отцепиться от протеза и оставить нижнюю часть руки на рычаге переключения передач.

— Не суетись, — посоветовал Чико, — и у тебя легко получится.

Наконец, пальцы слегка разжались, и рука упала с рычага. Я положил правую руку на руль и опустил на нее голову. Мне казалось, силы мои иссякли, и я не смогу войти в дом и сказать Чарлзу, что мы здесь.

Он сам решил эту проблему, выйдя к нам в халате. Не успел я опомниться, как он подскочил к окну «лендровера» и заглянул внутрь.

— Сид! — воскликнул он удивленно. — Ты?

Я с трудом поднял голову, открыл глаза и ответил «да».

— Уже начало первого, — проговорил он.

Мне наконец удалось выдавить из себя улыбку, и я ответил:

— Вы сказали, что я могу приехать в любое время.

Час спустя Чико был наверху в постели, а я сидел на золотистом диване, сняв ботинки и задрав ноги.

Чарлз вошел в гостиную и сообщил, что доктор закончил с Чико и готов осмотреть меня. Я ответил, что весьма признателен ему за это, но он может ехать домой.

— Он даст тебе успокоительное.

— Именно этого я и не хочу, — возразил я. — Мне надо подумать. Просто посидеть здесь и подумать, так что, пожалуйста, попрощайтесь с доктором и идите спать.

Когда он ушел, я стал вспоминать и как бы вновь ощущать физически тот ужас, который раньше старался забыть.

Это было чересчур, как выразился Чико.

Чарлз спустился вниз в шесть часов утра с самым невозмутимым видом.

— Ты все еще здесь, — констатировал он.

— Да.

— Кофе?

— Чай.

Он заварил чай и принес две полные кружки.

— Итак? — обратился он ко мне.

— Когда вы смотрите на меня, — сказал я неуверенно, — что вы видите?

— Ты знаешь, что я вижу.

— Видите ли вы бесконечный страх, сомнения, стыд, ощущение бесполезности, никчемности?

— Конечно, нет. — Вопрос показался ему забавным.

— Не всегда по внешности можно определить внутренний мир человека.

— Это общее рассуждение?

— Нет. — Я взял кружку с чаем. — Я сам воспринимаю себя как некую смесь неуверенности, страха и глупости. Что касается других... Расследования, которые мы провели, были относительно легкими, и мы приобрели репутацию людей удачливых.

— Вчера утром мне звонил Том Аллестон, насколько я понял, главным образом для того, чтобы сказать, что он думает о тебе. Его мнение сводится к тому, что если бы ты и сейчас был жокеем, то нам стоило бы об этом пожалеть.

— Это было бы замечательно, — вздохнул я.

— Значит, вчера кто-то отдубасил тебя и Чико, чтобы помешать вам добиться нового успеха?

— Не совсем так.

Я рассказал ему, что надумал за минувшую ночь, и его чай совсем остыл. Когда я кончил, он какое-то время сидел молча и просто смотрел на меня, не проявляя никаких эмоций.

Наконец он проговорил:

— Судя по твоим словам, вчерашний вечер был кошмарным.

— Да, это так.

— И что же дальше?

— Я подумал, — сказал я робко, — не смогли бы вы сделать кое-что для меня сегодня, потому что... м-м...

— Конечно, — перебил он меня. — Что именно?

— Не могли бы вы поехать в Лондон не в «роллс-ройсе», а в «лендровере». И обратно в моей машине.

— Если тебе это так необходимо, — произнес он без энтузиазма.

— Зарядное устройство лежит в моем чемодане, — сказал я.

— Конечно, я поеду. Еще какие-нибудь поручения?

— К сожалению, еще два. Первое в Лондоне, очень простое. Что касается второго... Можете вы съездить в Танбридж-Уэллс?

Когда я объяснил ему, зачем, он сказал, что поедет, хотя для этого придется отменить заседание правления, намеченное на вторую половину дня.

— Не одолжите ли вы мне свой фотоаппарат, мой остался в машине, и... чистую рубашку?

— Да, конечно.

Немного погодя я поднялся вверх, чтобы посмотреть на Чико, заодно захватил с собой фотоаппарат Чарлза.

Чико лежал на боку, глаза смотрели в пространство. Действие лекарства, видимо, заканчивалось. Он устало запротестовал, когда я сказал, что мне надо его сфотографировать.

— Катись ты...

— Подумай о барменшах.

Я откинул одеяло, заснял его тело, на котором не было живого места, и снова укрыл его.

— Извини, — проговорил я. Он не ответил.

Я отдал фотоаппарат Чарлзу.

— Попросите сделать увеличенные снимки к завтрашнему утру. Объясните, что это для дела, которое расследует полиция.

На следующий день Чарлз повез меня в своем «роллсе» в Лондон. Я все еще находился в подавленном настроении, и Чарлз ворчал, что надо было отложить поездку до понедельника.

— Нет, — заявил я. — Лучше закончить с этим сегодня.

В лифте, взглянув в зеркало, я увидел серое, с запавшими глазами лицо, на лбу красный рубец заживающего пореза, на скуле красовался синяк.

Мы прошли в кабинет Томаса Аллестона, который уже ожидал нас.

— Ваш тесть сказал вчера по телефону, что вы хотите сообщить мне тревожную весть. — Он не сказал, какую именно.

— Это не для телефонного разговора, — согласился я.

— Тогда садитесь. Чарлз... Сид... — Он указал на стулья, я сам пристроился на краешке огромного письменного стола. — Выкладывайте.

— Речь идет о синдикатах, — произнес я и начал рассказывать ему то, что сообщил Чарлзу. Однако через несколько минут он прервал меня.

— Подождите, Сид, есть смысл пригласить еще кое-кого. Пусть послушают ваш рассказ.

Я бы предпочел, чтобы он этого не делал.

Но он созвал всю компанию — всех администраторов. Они входили и рассаживались, во второй раз за четыре дня обращая серьезные, вежливые лица в мою сторону.

Я сказал:

— Лорд Фрайерли, на чьих лошадях я когда-то ездил, попросил меня расследовать положение в четырех синдикатах, которые он возглавляет. Ему не нравились результаты скачек. Лорд Фрайерли считает, что его используют как ширму для прикрытия каких-то гнусных махинаций.

Я сделал паузу.

— В тот же день в Кемптоне капитан Уэйнрайт попросил меня проверить те же четыре синдиката, которые использовались настолько широко, что мне удивительно, как они до сих пор не оказались в центре громкого скандала.

На спокойных лицах изобразилось удивление. Им было странно, что Уэйнрайт обратился с такой просьбой к Сиду Холли, поскольку подобной проверкой занималась обычно Служба безопасности.

— Лукас Уэйнрайт сказал мне, что Эдди Кит дал положительное заключение обо всех четырех синдикатах. Он просил меня выяснить, не означает ли это наличия каких-нибудь нежелательных явлений.

Хотя я постарался максимально смягчить формулировку, она все же вызвала шок.

— Я приехал сюда, на Портмен-сквер, чтобы сделать выписки из папок Эдди Кита, касающиеся синдикатов, без его ведома. Я сидел в кабинете Лукаса, и он рассказал мне о человеке, которого шесть месяцев назад послал с тем же поручением, какое дал мне. На этого человека — его фамилия Мейсон — было совершено нападение. Мейсона избili и затем выбросили из машины на улице Танбридж-Уэллса. Лукас сообщил мне также, что человек, который образовал синдикаты и устраивает все махинации, — это некий Питер Рэммилиз, проживающий в Танбридж-Уэллсе.

Все сосредоточенно слушали, нахмутив лица.

— Чико и я отправились в Танбридж, чтобы встретиться с Питером Рэммилизом. Его не оказалось дома. Но там были жена и маленький сынишка — жена упала с лошади, и ей требовалась помощь. Чико поехал с ней в больницу, захватив с собой и мальчика, а я один остался в незапертом доме. Я решил его осмотреть. Я искал доказательства возможной связи с Эдди, но весь дом был, казалось, специально подготовлен для любой проверки со стороны налоговых инспекторов.

Они слегка улыбнулись.

— Лукас предупредил меня в самом начале, что, поскольку это поручение носит неофициальный характер, мою работу не смогут оплатить, но обещал мне помощь, если таковая понадобится. Я просил его написать Генри Трейсу, чтобы он сразу же сообщил Жокейскому клубу, если издохнет Глинер или Зингалу. Тогда же я обнаружил, что Питер Рэммилиз преследует меня с двумя верзилами, способными разбить человеку голову и бросить его на улице Танбридж-Уэллса.

Улыбки сошли с их лиц.

— В тот раз мне удалось от них уйти, и в эти дни, когда я главным образом занимался Глинером, сердечными клапанами и так далее, мне сказали, что два наемных головореза ввезены из Шотландии для какой-то специальной работы, связанной с синдикатами Питера Рэммилиза. Ходили также слухи

о том, что кто-то в верхах в Службе безопасности улаживает дела мошенников, если ему хорошо заплатят. По сути дела, у меня не было существенных сдвигов в расследовании дел синдикатов, но Питер Рэммилиз, очевидно, считал, что я добился успеха, потому что позавчера он с двумя бандитами устроил засаду, они поджидали меня и Чико.

Сэр Томас задумался.

— Мне казалось, что в тот день вы вместе с Лукасом собирались ехать в Ньюмаркет к Каспарам. На следующий день вы были здесь и рассказывали нам о Треворе Динстейте.

— Да, мы ездили в Ньюмаркет. Я допустил ошибку — оставил свою машину на самом виду, неподалеку отсюда, на весь день. Эти двое ждали возле машины, когда мы вернулись. И... нас с Чико похитили, и окончилось это путешествие на ферме Питера Рэммилиза в Танбридж-Уэллсе.

Сэр Томас нахмурился. Остальные слушали рассказ довольно спокойно. Им было известно, что такие вещи время от времени происходят.

— Мне с Чико пришлось тяжело, — продолжал я, — но мы сумели выбраться оттуда благодаря сынишке Питера Рэммилиза. Он случайно открыл дверь. Нас не выбросили из машины на улице Танбриджа — нам удалось добраться до дома моего тестя близ Оксфорда.

Все посмотрели на Чарлза, и он кивнул.

Я перевел дух.

— Теперь я начал смотреть на вещи по-иному...

— Что вы хотите сказать, Сид?

— Раньше я думал, что два шотландца должны были помещать нам обнаружить то, что мы искали в этих синдикатах.

Они закивали.

— Но если допустить, что все обстоит совершенно иначе... Предположим, меня нацелили на эти синдикаты, чтобы заманить в ловушку...

Молчание.

— Мне указали противника — Питера Рэммилиза и назвали причину, из-за которой меня избили, — синдикаты. Я ожидал этого после рассказа о Мейсоне.

Полное молчание и растерянность. На лицах непонимание.

— Если бы кто-нибудь неожиданно напал на меня и жестоко избил, я не успокоился бы до тех пор, пока не узнал, кто и почему. Поэтому, рассуждал я, предположим, что кто-то хочет напасть на меня, и ему крайне важно, чтобы я не узнал, кто и почему. Если бы мне подбросили эти «кто» и ложное «почему», я поверил бы и не стал копать дальше. Я верил в эти «кто» и «почему» в течение некоторого времени, и из слов, сказанных одним из тех, кто напал на меня, я понял, что им платит не Питер Рэммилиз, а кто-то другой. Поэтому после того, как мы приехали к адмиралу, у меня возник вопрос: если нападение было главной целью и если его организовал не Питер Рэммилиз, то кто мог бы это сделать? Вскоре я понял, что существует только одно возможное «кто». Человек, наметивший путь, которым я должен был следовать.

Лица сделались напряженными,

— Все это подстроил сам Лукас, — произнес я громко.

Раздались бурные, всеобщие протесты.

— Право, Сид, — сказал сэр Томас. — Мы глубоко уважаем вас... Но как вы можете утверждать такие вещи?

— Действительно, — сказал я неторопливо, — я предпочел бы остаться в стороне и не говорить этого. И я больше ничего не скажу, если вы не хотите слушать.

Сэр Томас взглянул на Чарлза, потом на меня, и этого было достаточно, чтобы недоверчивость сменялась удивлением.

— Ладно, — сказал он рассудительно, — мы выслушаем вас.

— Чтобы понять «почему», следует присмотреться к тому, что происходило в последние месяцы. Обычно мы с Чико сталкивались с парочкой наемников, которые устраивали нам взбучку и заявляли, чтобы мы не совали свой нос в чужие дела. Правда, этому совету, — добавил я с кислой миной, — мы никогда не следовали. Но когда мы получили официальное одобрение от Жокейского клуба, то настоящим крупным мошенникам мы стали казаться серьезной угрозой.

— Есть ли у вас доказательства, Сид? — спросил сэр Томас.

— Нашим противникам нужно было окончательно отбить у нас охоту заниматься сыском. Напугать меня и Чико до такой степени, чтобы мы предпочли пойти в коммивояжеры.

Мне показалось, что они все-таки поняли, о чем я говорю.

— Если вы можете хоть на минуту допустить, что в Службе безопасности действительно есть некто, кого можно подкупить, и что этот некто — сам директор службы, понравилось бы вам на месте Лукаса наблюдать, как частный детектив рыщет на его заповедной территории? Понравилось бы вам на месте этого человека видеть, как Сид Холли здесь, в самом Жокейском клубе, поздравляет главного распорядителя. Он предоставляет ему свободу действовать по своему усмотрению в тех делах, которые имеют отношение к скачкам.

Они в упор смотрели на меня.

— Не испугались бы вы, если б в один прекрасный день Сид Холли ненароком обнаружил то, что вы никак не можете позволить ему раскрыть? И не могли бы вы в такой момент попытаться устранить опасность раз и навсегда? Лукас всего лишь человек, — продолжал я. — Пост директора Службы безопасности выглядит довольно эффектно, но Служба безопасности не так уж мощна, не правда ли? Я хочу сказать, что она насчитывает всего лишь около тридцати штатных работников во всей стране. Я не думаю, что их жалование так уж велико. Лукас постоянно соприкасается с людьми, которые могут, например, сказать ему: «Капитан, как вы смотрите на то, если у вас появится лишняя тысяча-другая после того, как вы согласитесь уладить небольшие неприятности, с которыми мне пришлось столкнуться?»

Я почувствовал себя совершенно изнуренным и замолчал.

— Продолжайте, Сид.

— Хорошо... — Я вздохнул. — Лукас считал возможным пойти на небольшой риск. Сообщив мне кое-что о том, в чем сам был замешан, в расчете на то, что он сохранит окружение, действие которого он сможет контролировать. Оя, несомненно, был уверен, что кое-какие мелкие расследования не выведут меня на него — так оно и было, но он свел риск к минимуму, направив

мое внимание конкретно на Эдди Кита. Для него было совершенно безопасно поручить мне расследовать неприглядную сторону деятельности синдикатов, потому что, конечно, Эдди не был замешан в этой афере. Я мог копать до бесконечности и ничего не найти. Не думаю, что мне было отведено достаточно времени, чтобы я мог что-то обнаружить. Вероятно, чтобы заманить нас в ловушку, у него ушло больше времени, чем было предусмотрено первоначальным планом. С точки зрения Лукаса, я действовал очень медленно. Расследуя обстоятельства, связанные с болезнью Глинера, я совсем не занимался синдикатами в течение недели после того, как он дал мне это поручение. Когда мне было прямо сказано насчет Питера Рэммилиза и Мейсона и можно было предположить, что я отправлюсь в Танбридж-Уэллс, я уехал совсем в другое место еще на неделю. В эти дни Лукас четыре раза звонил Чико, чтобы узнать, где я. Когда я вернулся, мне пришлось снова делать выписки в кабинете Лукаса — прежние были потеряны. Я сказал Лукасу, что мы с Чико поедем на ферму Рэммилиза на следующий день, в субботу. Думаю, что если бы мы это сделали, нам бы уже тогда постарались... отбить охоту продолжать нашу работу. Но случилось так, что мы поехали в тот же день, когда я разговаривал с Лукасом, то есть в пятницу. Питера Рэммилиза не было дома. Тогда же, в пятницу утром, я попросил Лукаса написать Генри Трейсу, не упоминая моего имени, в связи с Глинером — это могло стать причиной моей смерти... Тревор Динсгейт предупредил меня, что я должен прекратить расследование, касающееся этих лошадей.

— Об этих угрозах вы и упоминали раньше? — спросил сэр Томас.

— Да, и он повторил их, когда... м-м... вы представили нас друг другу в вашей ложе в Честере.

— О, господи!

— Я хотел, чтобы расследование болезни Глинера провел Жокейский клуб и чтобы Тревор Динсгейт не знал, что я имею к этому какое-то отношение. Я не сказал Лукасу об этих угрозах. Через несколько дней Лукас сообщил Генри Трейсу, что именно я, а не Жокейский клуб, интересуюсь, когда издохнет Глинер. Он знал, что эта информация может повлечь за собой убийство, а он был заинтересован в моей смерти.

На их лицах можно было прочесть, что они не полностью мне доверяют.

— Затем Питер Рэммилиз — или Лукас — выследил меня, и в понедельник вместе с двумя шотландцами последовал за мной на ярмарку. Они пытались похитить меня, но их план сорвался. Восемь дней я скрывался от них, что, наверное, вывело их из себя. Мне стало известно, что Питер Рэммилиз манипулирует не четырьмя, а почти двадцатью синдикатами, оптом скупая тренеров и жокеев, что среди верхушки Службы безопасности есть человек, которого можно подкупить. Должен с сожалением признаться, что я заподозрил Эдди Кита. Так или иначе, во вторник мы с Чико пришли сюда, и Лукас, наконец, узнал, где я был. Он напросился поехать с нами в Ньюмаркет в среду и повез нас туда на своем «мерседесе». Лукас провел несколько часов в Ньюмаркете, организуя, как я теперь понимаю, надежную засаду, чтобы на сей раз не было промашки.

Мы попали в ловушку. Шотландцы постарались навсегда отбить у меня и Чико охоту продолжать нашу деятельность.

— Это все, Сид? — спросил сэр Томас.

— Нет, остается еще история с Мейсоном. Вчера я попросил своего тестя съездить в Танбридж-Уэллс и узнать насчет Мейсона.

Чарлз со свойственной ему уверенностью изложил факты.

— Сид просил меня узнать, существует ли Мейсон. Я обратился в полицию Танбридж-Уэллса. Мне ответили, что человека по фамилии Мейсон, избитого и потерявшего зрение, на улицах их города не находили.

— Лукас расписывал мне историю Мейсона весьма подробно, — продолжал я. — Он говорил так убедительно, что я ему поверил. Но теперь спрошу вас: слышали ли вы когда-либо о человеке по фамилии Мейсон, работавшем в Службе безопасности?

Они только угрюмо покачали головами.

— В вашем ретроспективном изложении событий, Сид, — произнес сэр Томас, — есть один изъян. Ведь попытка отбить у вас охоту вести расследование... закончилась неудачей.

После паузы я сказал:

— Не уверен в этом. Ни я, ни Чико не могли бы продолжать, если бы это означало... если бы мы думали, что... нечто подобное повторится.

— Что именно, Сид?

Я не ответил. Чарлз встал, подошел к сэру Томасу и отдал ему конверт со снимками Чико.

— Они избивали его цепью, — сказал я бесстрастно.

Фотографии переходили из рук в руки. Я боялся вопроса, который они должны были задать, и действительно сэр Томас спросил:

— И с вами сделали то же самое?

Я кивнул нехотя.

— Может быть, вы снимете рубашку и покажете нам, Сид?

Мне очень этого не хотелось.

— Мы должны сами убедиться, обоснованно или нет то, что вы сказали, — настаивал сэр Томас. — Фотографий Барнса недостаточно. Так что, пожалуйста... снимите рубашку.

Я расстегнул пуговицы, встал и снял рубашку. Все мое тело было черным, если не считать темно-красных перекрещивающихся полос. К этому времени все синяки, порезы, ушибы проявились в полной мере. Именно поэтому я настоял на поездке на Портмен-сквер сегодня. Я не хотел показывать им свои увечья, но знал, что мне придется это сделать.

— Повернитесь, — попросил сэр Томас.

Я повернулся. Никто не произнес ни слова. Сэр Томас подошел ко мне и стал разглядывать меня вблизи. Потом он взял со стула рубашку и помог мне надеть ее.

Я поблагодарил и застегнул пуговицы. Прошло немало времени, прежде чем сэр Томас снял трубку телефона и сказал секретарю: «Попросите, пожалуйста, капитана Уэйнрайта».

Если у администраторов еще оставались сомнения, Лукас сам их рассеял. Он быстро, ничего не подозревая, вошел в комнату,

в которой царило гробовое молчание, и, увидев меня, внезапно остановился.

Мне пришло в голову, что мое появление в ложе распорядителей в Честере произвело на Тренора Динсгейта такое же впечатление.

— Садитесь, Лукас. — Сэр Томас показал на стул.

Лукас неуверенными шагами подошел к стулу, по-прежнему не спуская с меня глаз, словно не желая поверить, что это действительно я.

— Лукас, — начал сэр Томас, откашлявшись. — Вот тут Сид Холли рассказал о некоторых фактах, требующих объяснения.

Лукас смотрел на меня и почти не слушал.

— Это невозможно! Откуда вы взялись? — воскликнул он.

— Явился с того света, — ответил я.

Все ждали, что скажет Лукас, но он молчал.

Наконец заговорил сэр Томас:

— Сид выдвинул серьезные обвинения. Я их изложу вам, Лукас, и вы можете отвечать, как сочтете нужным.

И он повторил почти все, что я только что сообщил им.

— Итак, — сказал сэр Томас в заключение, — мы ждем, что вы опровергнете или признаете правильность рассуждений Сида.

Лукас рассеянным взглядом обвел комнату.

— Чушь, — сказал он. — Сид все это придумал. — Лукас лихорадочно пытался найти выход. — Конечно, я не поручал ему расследовать положение в синдикатах. Конечно, я не говорил ему, что сомневаюсь в Эдди. Я никогда не говорил ему об этом воображаемом Мейсоне. Он все это сочинил сам.

— С какой целью? — спросил я.

— Откуда мне знать?

— Я не сочинил, что приходил сюда дважды делать выписки насчет синдикатов, — сказал я. — Не сочинил, что Эдди Кит жаловался на то, что я просматривал папки с делами синдикатов. Не сочинил, что вы звонили Чико на мою квартиру четыре раза. Не сочинил, что вы высадили нас на автомобильной стоянке. Не придумал Питера Рэммилиза, которого можно заставить... заговорить. Я могу также найти этих двух шотландцев, если попытаюсь.

— Как? — воскликнул он.

Расспрошу маленького Марка, подумал я. За это время он многое узнал о «друзьях». У маленького Марка очень хорошая память.

Но вместо этого спросил:

— Вы хотите сказать, что я придумал шотландцев?

Он сверкнул глазами.

— Я могу также, — проговорил я медленно, — выяснить подлинные причины, скрывавшиеся за всем этим. Проверить слухи о коррупции и найти, что их породило. Разузнать, кто, кроме Рэммилиза, дает вам возможность разъезжать на «мерседесе».

Лукас Уэйнрайт молчал. Я не был уверен, что смогу сделать все, о чем говорил, но вряд ли он стал бы держать пари, что я потерплю неудачу.

— Вы не возражаете против этого, Лукас? — спросил сэр Томас.

Лукас бросил на меня злобный взгляд, но не ответил.

— С другой стороны, — сказал я, — думаю, что если вы подадите в отставку, на этом будет положен конец.

Он посмотрел на главного распорядителя.

Сэр Томас кивнул.

— Да, Лукас, ограничимся этим. Подайте заявление об отставке сейчас же в письменном виде. Если мы его получим, я не вижу причин предпринимать что-либо еще.

Это значило отделаться просто пустяком, но Лукасу в тот момент даже такой исход, наверное, казался трагедией. У него было напряженное бледное лицо, уголки губ подергивались.

Сэр Томас жестом показал ему на письменный стол. Уэйнрайт на негнущихся ногах, пошатываясь, подошел к столу, сел и написал несколько слов, которые я прочитал впоследствии: «Прошу освободить меня от должности директора Службы безопасности Жокейского клуба. Лукас Уэйнрайт».

Потом Лукас направился к двери. Поравнявшись со мной, остановился, поглядел на меня пустыми глазами.

— Что на свете может остановить вас? — спросил он.

Я не ответил.

То, что могло меня остановить, — моя сильная рука, которая обеспечивала мою независимость, — лежала сейчас на моем колене.

Чарлз повез меня обратно к себе в Эйнсфорд.

— Тебе все равно придется явиться в суд по делу Тренора Динсгейта, — сказал он по дороге.

— Быть простым свидетелем не так уж плохо.

Мы нашли Чико на кухне. Он сидел за столом с кружкой чая.

— Привет, — сказал я.

— Привет. Что они сказали сегодня? — спросил он. — Главные шишки.

— Они слушали. Лукас подал в отставку. Делу конец.

— Не для нас.

— Нет, не для нас.

— Что мы будем делать?

— Надо подумать.

— Я бы не мог... — Он замолчал. Он выглядел усталым и подавленным.

— Я тоже.

— Сид... Я думаю... С меня хватит.

— И что ты будешь делать?

— Учить мальчишек дзюдо.

Мы уныло допили чай, чувствуя себя разбитыми и слабыми и испытывая к себе жалость. Я не могу продолжать, если он откажется, подумал я. С ним работа приобретала смысл. Его естественность, добродушие, жизнерадостность — я не мог обойтись без них.

Помолчав, я сказал:

— Тебе станет скучно.

— Почему? Могу выступать в Уэмбли, не калеча себя, и учить маленьких разбойников.

Я потер лоб — порез еще болел.

— Во всяком случае, на прошлой неделе ты собирался прекратить нашу работу, — сказал он.

— Видишь ли... мне не нравится быть...

Я не договорил.

— Битым, — закончил он.

Я посмотрел ему в глаза. В них я видел то же, о чем говорила его интонация: понимание, что это слово имеет два значения. Намек на иронию. Жизнь возвращается.

— Да, — я криво усмехнулся. — Мне не нравится быть битым. Никогда не нравилось.

— Что же тогда — будьте прокляты, мерзавцы! — сказал он.

Я кивнул.

Мы продолжали сидеть на кухне, но после этого разговора нам стало немного легче.

Три дня спустя, в понедельник вечером, мы вернулись в Лондон. Чико, несколько опасаясь, все же решил поехать со мной на мою квартиру.

— Что я тебе говорил, — сказал Чико, заноса мой чемодан в спальню.

Мы спустились вниз к машине, которую я поставил перед домом, и я отвез его домой.

— В пятницу я уеду на несколько дней. Позвоню тебе, когда вернусь.

— Значит, отныне имеем дело только с милыми, безобидными мошенниками? — воскликнул Чико.

— Крупных — ни-ни, — сказал я.

Мы спустились вниз, он ухмыльнулся, помахал рукой, сел в машину, и я отвез его.

Вернувшись к своему дому, я обогнул его и оказался у гаража. Отворил дверь и въехал внутрь. Затем вышел из машины, запер дверь и положил ключи в карман.

— Сид Холли, — послышался голос Тренора Динсгейта.

Наверное, в этот момент я напоминал каменное изваяние.

Я знал, что это случится. Когда-нибудь, где-нибудь, как он предупреждал. Его угроза была нешуточной.

Я медленно повернулся к нему.

Динсгейт стоял на свету, недалеко от входа. В руках он держал дробовик, дула которого смотрели в мою сторону. Слева от меня и позади были кирпичные стены, справа — машина.

— Я ждал вас, — сказал Динсгейт.

Не спуская с меня глаз и по-прежнему держа под прицелом, он нащупал рукой дверь, потянул ее с силой, и она скользнула вниз, почти до пола, отрезав нас от внешнего мира.

— Я ждал вас несколько дней. В прошлый четверг ко мне явились двое полицейских. Звонил Джордж Каспар. Жокейский клуб предупредил меня, что они собираются возбудить дело. Мой адвокат сказал, что у меня отнимут букмекерскую лицензию, мне запретят появляться на скачках и, может быть, посадят в тюрьму. С четверга я жду вас.

В его голосе, как и прежде, слышалась угроза.

— Полиция приходила в лабораторию. Мой брат потерял работу, с его карьерой покончено.

— Поплачем, — сказал я. — Вы оба вели азартную игру и проиграли. Вам чертовски не повезло.

— Я пришел, чтобы сделать то, о чем говорил.

Я тоже вел азартную игру... и проиграл...

— Я пришел, чтобы выполнить свое обещание. Разнести вашу руку в клочья. — Он сделал паузу. — Почему вы не просите, чтобы я этого не делал? Почему не становитесь на колени и не просите, черт побери?

Я не отвечал и не двигался.

Он издал смешок, в котором не слышалось веселья.

— Моя угроза вас не остановила? Я думал, что остановит. Я думал, что никто не станет рисковать потерей обеих рук только ради того, чтобы погубить меня. В вас очень мало благо-разумия.

В общем, я был с ним согласен. Внутри меня била дрожь, и я боялся, что он заметит ее.

— А вы и глазом не повели, — сказал он.

Он играет со мной, пронеслось в голове. Динсгейт наверняка знает, как я боюсь. Любой на моем месте был бы напуган до смерти. Он хочет, чтобы я запросил пощады... Но я... этого не сделаю.

— Я пришел сюда, чтобы выполнить обещание. Я уже несколько дней думаю об этом. Представляю вас без рук... с двумя пластиковыми крючками.

Будь ты проклят, сказал я про себя.

— Сегодня я начал думать о себе. Отстрелю я Сиду Холли правую руку, а что будет со мной? — Его взгляд становился все более напряженным. — Я буду доволен, что расправился с вами, превратил вас в полного калеку. Я отомщу... страшная, сладкая месть... И что еще я получу? Наверное, десять лет. За особо тяжелое телесное повреждение могут дать и пожизненный срок. Обе руки... могут посчитать особо тяжелым повреждением. Вот о чем я думал сегодня, сидя здесь. И еще я думал о том, что все будут против меня, если я лишу вас второй руки. Лучше просто убить вас...

Пожалуй, я сам предпочел бы умереть.

— Сегодня вечером, — вновь заговорил он, — после того, как вы заходили домой на десять минут, я представил себе, как буду гнить в тюрьме год за годом и ругать себя за то, что у меня не хватило ума оставить вас в покое. Я подумал, что бессмысленно сидеть годы в тюрьме только ради того, чтобы расправиться с вами... И я решил перед самым вашим приходом не делать этого, а просто заставить вас ползать на коленях и умолять о пощаде. Это было бы моей мстью. Я бы напоминал вам об этом всю жизнь. Я рассказывал бы другим, что заставил вас встать на колени. Чтобы они смеялись над вами. Но я забыл, что вы за человек. Вы человек без нервов. Я не убью вас. В этом нет смысла.

Он резко повернулся. Наклонился, подсунул руку под дверь, напрягся и поднял ее. Постоял минуту, погруженный в мысли, с ружьем в руке, и вернул то, что отнял у меня в амбаре.

— Неужели нет ничего, — спросил он с горечью, — чего бы вы не боялись?

ОБ АВТОРАХ

ЛЮБОВЬ И ЕВГЕНИЙ ЛУКИНЫ родились в 1950 году. Окончили Волгоградский педагогический институт, работали преподавателями в селе Верхнедобринка Волгоградской области. Там и начали совместную литературную деятельность. Сегодня они авторы многих фантастических произведений, опубликованных в периодической печати и сборниках как у нас в стране, так и за рубежом. В 1990 году выходит их первая книга «Когда отступают ангелы». В нее включена повесть «Разные среди разных», ранее напечатанная в «Искателе».

НИКОЛАЙ ПОЛУНИН родился в 1961 году в Москве. Автор детективной и нескольких фантастических повестей и рассказов, опубликованных в периодике и сборниках молодых фантастов. В «Искателе» выступает впервые.

Известный английский писатель **ДИК ФРЕНСИС** родился в 1920 году в Южном Уэльсе. Во время второй мировой войны был пилотом-бомбардировщиком. По окончании войны выступал в скачках. В 1957 году стал спортивным корреспондентом газеты «Санди экспресс» и начал писать художественные произведения. Автор двух десятков остросюжетных романов, рассказывающих главным образом о скачках и махинациях, связанных с ними. Лауреат премии Британской ассоциации авторов детективов «Золотой кинжал» и американской премии Эдгара По. На русском языке опубликованы романы Дика Френсиса «Фаворит», «Смертельный риск», «Кураж», «Игра на веревках». В 1980 году в «Искателе» был напечатан его роман «Последний барьер».

На I, IV страницах обложки рисунки Бориса ИОНАЙТИСА
к фантастической повести «МИССИОНЕРЫ»

На II, III страницах обложки рисунки Игоря БЛИОХА
к повести «ЗАКУЛИСНАЯ ИГРА»

Под редакцией А. ПОЛЕЩУКА и Е. КУЗЬМИНА

Редактор выпуска С. БЕЛОЗЕРОВ

Художественный редактор В. КУХАРУК

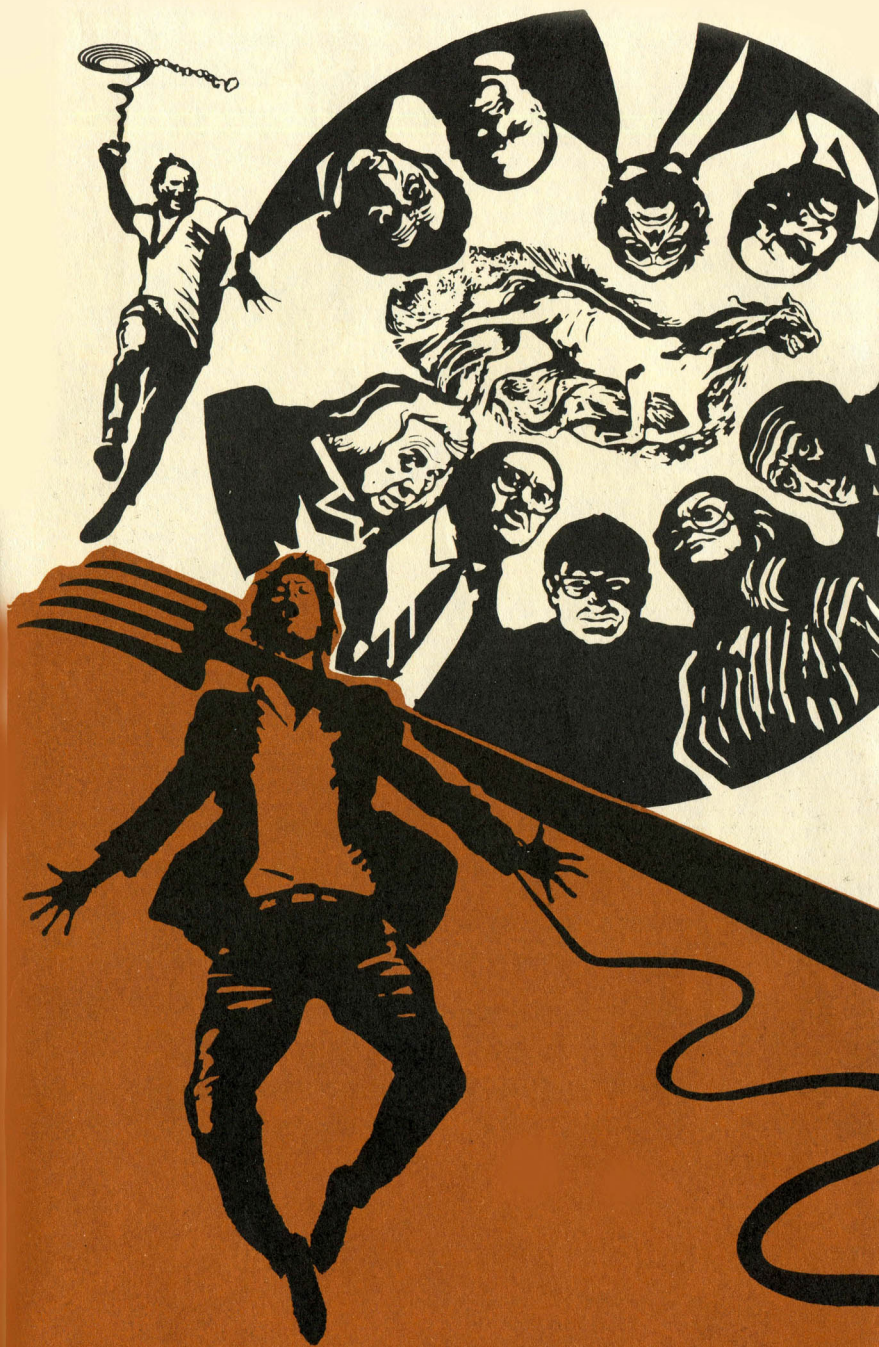
Технический редактор И. ВОРОБЬЕВА

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а
Тел. 285-80-10, 285-88-84

Сдано в набор 08.09.89. Подписано в печать 09.10.89. А12905.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10,3.
Тираж 300 000 экз. Цена 60 коп. Заказ 304.

© «Искатель», 1989 г.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.



ИСКАТЕЛЬ

Любовь ЛУКИНА

Евгений ЛУКИН

Николай ПОЛУНИН

Дик ФРЕНСИС

Цена 60 коп.

